

Валерий Воскобойников

СОЛДАТ РЕВОЛЮЦИИ

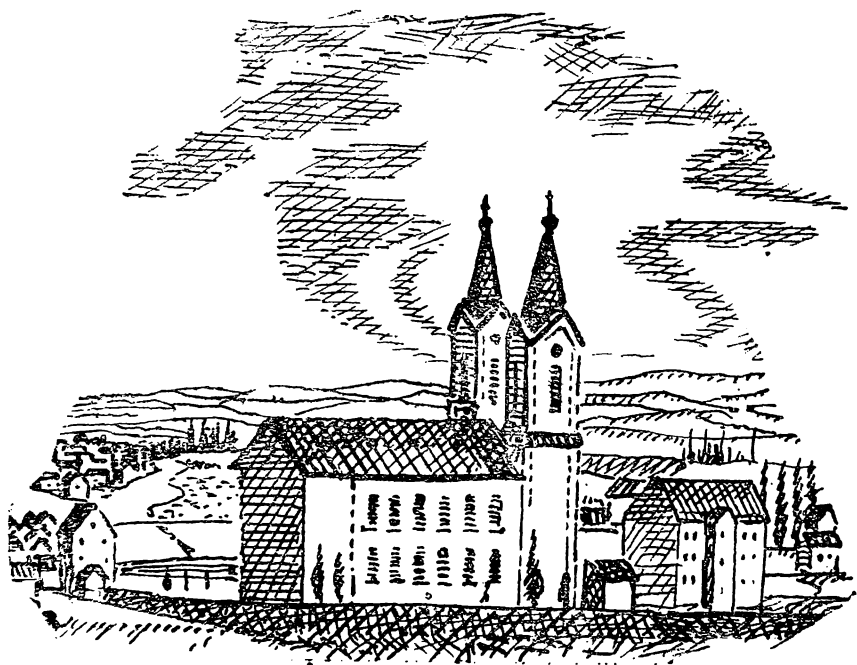

ЭНГЕЛЬС

О тех, кто первым ступил на неизведанные земли,
О мужественных людях — революционерах,
Кто в мир пришел, чтоб сделать его лучше.
О тех, кто проторил пути в науке и искусстве,
Кто с детства был настойчивым в стремлениях
И беззаветно к цели шел своей.

ЭНГЕЛЬС

Выпуск 80

Валерий Воскобойников

СОЛДАТ РЕВОЛЮЦИИ

Хроника жизни

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1983

13.2
В76

Рецензент старший научный сотрудник
Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС
В. В. Сазонов

В $\frac{4803010102-319}{078(02)-83}$ КБ—83

Едва появившись на свет, он уже получил в наследство: заблуждение и незрелость, дабы ему весь век трудиться, расправляясь с ними то там, то здесь.

*И. П. Эккерман.
Разговоры с Гёте*

1821 год. 18 января

Иногда Фридриху казалось, что он помнит тот день, сыאתную погоду, унылый холодный ветер. В детстве ему часто рассказывал об этом дедушка Ван Хаар.

На крестины племянника примчались дядя: старший, двадцативосьмилетний Каспар, и младший — двадцатитрехлетний Август. Присутствовал и глава рода Энгельсов дед Каспар. Дедушка Ван Хаар, ректор гимназии в городе Хамме, и его супруга Франциска Христина приехали еще вчера.

— Малыш станет дельным фабрикантом, — уверял дед Каспар, — взгляните, какая смышленная у него рожица!

— Он уже умеет улыбаться! — с гордостью говорила мама Элиза.

— Улыбка — это фамильное. Энгельсы всегда отличались веселым нравом. Мой покойный отец Йоганн говорил мне: «Улыбайся людям и увидишь, что дела твои пойдут сами!»

В семье любили предания об основателе рода Энгельсов рыжем Йоганне. Верзила и весельчак, крестьянский сын, он появился в Бармене с одним гульденом в дырявом кармане. Руки у него были умелые, голова ясная, и к концу жизни он владел уже мастерской и лавкой. Веселый

прав, ясная голова и умелые руки были и у деда Каспара.

Мастерскую Каспар превратил в фабрику, лавку — в контору, потом в фирму. Сыновья, воспитанные иначе, стеснялись его простецких манер. Он мог подойти к обер-бургомистру, хлопнуть по плечу и, зычно захохотав, предложить: «А что, старина Петер, не распить ли нам бутылочку рейнвейна?»

Молодые сыновья смущались, а обер-бургомистр улыбался и шел с Каспаром распивать бутылку вина.

Лишь повзрослев, они поняли, что Каспар был в городе человеком редким, легендой, любимцем многих.

На фабрике он держал свой станок, на котором и в старости иногда работал. Он создал первое в Пруссии бесплатное училище для детей рабочих, а во время страшного неурожая организовал союз помощи голодающим, сам отдал немалые деньги. Основал он и церковную общину. Не зря, когда бил колокол в нижебарменской церкви, люди говорили: «Каспар на службу зовет».

Сейчас дед захотел лично быть свидетелем на крестинах малыша. Свидетельницей стала и бабушка, госпожа Франциска Христина Ван Хаар.

Младенца называли Фридрихом Энгельсом, а его двадцатичетырехлетний отец, тоже Фридрих, с этого дня стал Фридрихом-старшим.

1826 год. 28 ноября

Фридриху исполнилось шесть лет.

С утра пришел пастор Круммахер. Отец состоял попечителем воскресной школы, которую основал дед Каспар. Пастор и отец закрылись в кабинете, чтобы поговорить о делах.

Наверху, в детской, мама играла на клавесине простые народные песенки. Здесь же были все дети — Фридрих, четырехлетний Герман, двухгодовалая сестра Мария и малютка Анхен.

Прислушиваясь к мелодиям, пастор время от времени замолкал и недовольно морщился.

Пастор проповедовал пиетизм. Это было течение в реформаторской, кальвинистской церкви. Оно считало греховным любые светские радости: театр, музыку, книги. Триста лет прошло с тех пор, как сын рудокопа священник Лютер, крепкий мужчина с военной выправкой и красными могучими руками, перевел Библию на немецкий язык и возглавил движение протестантов за чистоту христианской веры и человеческой нравственности. Почти одновременно с ним Жан Кальвин, уже в детстве прозванный соучениками «винительным падежом», стал проповедовать строгую нравственность, отделение от римской католической церкви. Он был хмур и строг, винил людей во всех известных грехах, а своего ученого противника Сервета попросту сжег на костре инквизиции.

Лютер и Кальвин освободили многие европейские народы от владычества римских пап, упростили церковное богослужение. А через сто лет после них франкфуртский богослов Шпенер развил учение Кальвина и основал новую ветвь протестантской церкви. Он назвал ее пиетизмом. Человек должен исправно трудиться и вдохновенно молиться господу, проповедовал он. Любые развлечения — грех.

Для большинства жителей долины реки Вуппер — мелких лавочников, ремесленников, которые по вечерам пересчитывали свою небогатую прибыль, готовые заморить себя и свою семью голодом, но выбиться в люди, пиетизм стал опорой в жизни, необходимой верой.

На собрании церковной общины пастор Круммахер сурово судил прихожан за любую светскую радость.

В другом доме при пасторе не посмели бы исполнять народные песенки, которые терзали его слух, словно отточенное копье тело распятого Христа. Но это был дом Энгельсов. И все же пастор не выдержал.

— Все в городе знают о вашей привязанности к детям. Однако не пугает ли вас, господин Энгельс, чрезмер-

ное увлечение греховной музыкой со стороны вашей супруги?

— Какая же она греховная? — удивился Фридрих-старший. — Это старинная народная песня.

— В массе своей народ всегда был греховен, господин Энгельс. — Пастор прислушался к звукам, доносящимся сверху, и снова поморщился. — Нет, такая музыка не для детских ушей. Она может дурно повлиять на духовное воспитание ребенка... Я знаю, что вы сами собираете в доме людей, чтобы предаваться музыке. — Пастор снисходительно улыбнулся, как бы прощая Фридриху-старшему эту шалость, тем более что тот пять минут назад пожаловал большие деньги на нужды церкви...

— Я подумаю, господин пастор, — коротко ответил отец.

Днем из города Хамма приехал дедушка Ван Хаар. Как всегда, войдя в дом, он расставил руки, и Фридрих с разбегу бросился ему на шею.

У ректора гимназии были свои планы на воспитание внука. Пускай молодой отец мечтает сделать из сына со-владельца будущей фирмы. Конечно, фамилия Энгельсов становится в последние годы все более известной. «Это те, что по хлопкопрядильному делу?» — спрашивали часто ректора.

У деда не было сыновей. А какой мужчина в шестьдесят лет не мечтает продолжить себя хотя бы во внуках? В те дни, которые он проводил в Бармене, дед постоянно возился с Фридрихом, рассказывал ему старинные легенды о неустрашимом герое Зигфриде, о благородных мужах античных времен.

«У ребенка удивительные склонности к истории, прекрасное воображение, — тайно радовался дед, — скорей всего он станет ученым и забросит коммерцию».

Ближе к вечеру отец вышел из кабинета и увидел де-

да с внуком, сидящих вместе в одном кресле напротив камина.

Будет некогда день, и погибнет великая Троя,
Древний погибнет Приам и народ копыеносца Приама! —

читал дед с воодушевлением, и голос его звучал мужественно, величаво.

В эту секунду отец испытал то, что называют уколом ревности. С ним, с отцом, Фридрих никогда так не усаживался и никогда не слушал его так увлеченно.

Второй укол он испытал позже, когда начались поздравления. Фридриху уже вручили подарки, дети и взрослые пропели трижды: «С днем рождения, Фридрих!»

Все сели за праздничный стол, и фрау Элиза шутливо заметила по какому-то поводу:

— Когда вырастешь, Фридрих, и у тебя будет своя фабрика, тогда и распоряжайся.

— Лучше я буду ректором гимназии, как дедушка, — ответил старший сын.

Конечно, не стоило обращать внимания на слова неумышленного ребенка, но отец все же подумал: «Пастор Кrumмахер кое в чем прав, и за воспитание сына пора взяться всерьез».

1826 год. 29 ноября

На следующее утро Фридрих-старший, крепко держа приодетого сына за руку, повел его для начала в контору.

Старший конторщик, работавший еще при деде Каспаре, уважительно разговаривал с молодым хозяином. «Фирма купила большую партию хлопка, задешево, из Америки, — с жаром говорил он об удаче, — часть товара можно немедленно пустить в дело, а часть сохранить до весны. В мае цены на хлопок поднимутся, и тогда можно получить немалую прибыль. А все оттого, что господин Фридрих распорядился построить дополнительный склад при фабрике. Оказалось, что и большой сарай приносит хорошие деньги, если имеешь светлую голову».

Отец слушал пожилого конторщика и наблюдал за сыном. Пусть видит, что его отец — властный человек и умный хозяин.

Потом они пошли на фабрику. В здании из грязновато-красного кирпича было шумно и пыльно. На станках, которые в своей молодости закупил дед Каспар, работали мастеровые разных возрастов. Среди них были и дети чуть старше Фридриха, тощие, с серыми, утомленными лицами. Они собирали клочья хлопковой ваты, обрывки пряжи и увозили на тележках в склады.

— Если бы мои братья согласились поставить здесь новые английские машины, мы бы вчетверо увеличили доход! — прокричал отец на ухо сыну. — Фабрика — это надежное дело!

Фридрих-старший был доволен сегодняшней экскурсией. Возможно, ребенок не все пока понимает, но это не страшно — мальчик запомнит увиденное, и через несколько лет посеянные семена дадут всходы. К делу надо приучать постепенно.

Неожиданно один из мальчишек, собиравших хлопковые отходы, сильно закашлялся.

— В чем дело? — Фридрих-старший нахмурился. — В чем дело? Мальчик болен?

— У мальчишки слабая грудь. Наш воздух ему не на пользу, — ответил смущенный мастер, сопровождавший хозяина.

— Я же распорядился принимать только здоровых детей!

— У него умер отец, а дома больная мать и двое малюток... Но легче работы здесь нет.

Фридрих-старший недовольно молчал.

— Старый хозяин ценил отца этого мальчонки... Когда вашему отцу хотелось поработать на станке, они вставляли рядом.

— У моего отца было много свободного времени и мало конкурентов. Сейчас другие годы. Распорядитесь с мальчиком, чтобы он здесь... не кашлял.

— Слушаюсь, хозяин.

«Жизнь крута, и надо быть в ней сильным, — подумал отец. — Ведь средства для жизни добываем мы, деловые люди». Он подумал, что надо на понятном ребенку языке объяснить это как-нибудь сыну.

Они вышли из помещения на свежий воздух, и тут их догнал мальчик.

— Хозяин! Не выгоняйте меня! — кричал он, подбегая. — Хозяин, я вас очень прошу, я больше не буду кашлять! Я здоровый и вожу больше тележек, чем другие.

— Хорошо, хорошо. Иди работай, — с досадой сказал отец и повел Фридриха к воротам.

Прошло несколько недель. Фридрих играл на улице с соседскими приятелями, когда мимо них прошла бедная похоронная процессия.

Следом за дрогами, на которых стоял обклеенный дешевой тканью гробик, шла понурая женщина, несколько детей, двое рабочих с фабрики. Хоронили того самого фабричного мальчика...

1826 год. 24 декабря

Вечером Фридрих сидел в своей комнатке наверху вместе с дедом Ван Хааром, приехавшим на рождественские праздники, и отец нечаянно услышал их разговор:

— Я знаю, кто такой бог, — говорил Фридрих. — Бог — это злой, несправедливый старик. Он любит, чтобы его постоянно хвалили, и наказывает тех, кто ему мало кланяется. За что он уморил мальчика на фабрике? Вот мы все — здоровые, и дом у нас большой, а рабочие на папиной фабрике — больные, живут бедно. Почему им бог не помогает?

— Не говори так о боге, мой милый, — отвечал дед. —

На бога сердиться нельзя. Бог всегда отличает послушных и умных мальчиков.

«Нехорошо получилось, — подумал отец, спускаясь с лестницы. — Надо сказать конторщику Зигфриду, чтобы он выдал пособие матери этого мальчишки. Да и в церкви заказать по нему мессу будет нелишним».

1830 год. 30 июля

В Париже — революция! Это было невероятно, удивительно! Фридрих и слова-то такого раньше не знал — «революция».

Учителя в городском училище постоянно твердили, что королевская власть от бога. Пока король жив, каждым своим действием он осуществляет божий промысел.

Но, оказывается, против королей можно поднять восстание, ходить по улицам со знаменами, на которых написано: «Свобода, равенство, братство!»

За массивной дверью в своем кабинете работал отец. В эти часы никто не смел мешать ему.

— На улице говорят, что во Франции революция! — Фридрих не удержался, распахнул дверь кабинета.

Отец не стал сердиться. Он взял французскую газету, которую принес почтальон, просмотрел сообщения из Парижа.

— Добром это не кончится. После восстаний всегда наступает хаос и голод. Благодарение богу, в Пруссии твердая власть, да и мы, немцы, более благоразумны и не поддадимся этим разрушительным идеям.

1833 год. Октябрь

Казалось бы, совсем недавно Фридриха привели в первый класс. Мама поставила его в школьном дворе рядом с двумя одинаково одетыми мальчиками и сказала:

— Это дети пастора Гребера, они хорошие, дружи, пожалуйста, с ними.

«Хорошие дети» боязливо держались за руки. Неожиданно на них с разбегу налетел мальчишка, толкнул, засмеялся и побежал дальше. Это был сын купца Бланка. Из дверей школы вышел учитель чистописания Рипе, лысоватый, с маленьким желтым личиком и унылыми бесцветными глазами.

Сначала Фридрих принял его и других учителей за пасторов, потому что одеты они были в черные сюртуки. Он еще удивился тогда: «Зачем их здесь столько?»

А господин Рипе вдруг начал лупить какого-то непослушного ученика лакированной указкой. Потом кое-как построил ребят и повел в класс.

В классе стояли черные парты и черная классная доска. Под огромным расписанием — тоже черная учительская кафедра. Над доскою висел парадный портрет прусского короля Фридриха-Августа III. С потолка свисала газовая лампа. Учитель Рипе зажег ее, и она зашумела, как чайник.

Так начался первый урок.

А теперь, в октябре 1833 года, начинался последний учебный год в городском училище.

Братья Гребер, Бланк и Фридрих стали друзьями.

В первом классе Фридриху нравилось, когда учителя хвалили его. Евангелие он учил наизусть, в тетрадях старательно выводил красивые ровные буквы.

— Пошли после занятий побродим, — звал его друг Вилли Бланк.

— Что ты! — ужасался Фридрих. — На завтра еще сколько учить!

— Да плюньте вы на этого зануду Рипе! — убеждал Вилли. — Мой отец говорит, что такого дурака надо еще поискать.

— Господин Рипе ведет праведную, богобоязненную жизнь, и тебе не пристало так говорить! — сердился братья Гребер.

Но все это было в первом классе. Зато теперь, после трех лет школы, как они потешались над тем же беднягой Рипе, как презирали обывателей-филистеров!

А филистерами оказались почти все взрослые в их городе. Передовые идеи века были им ненавистны. Филистеры не читали газет. По вечерам они увлеченно подсчитывали свою мелочную дневную выручку.

Главным филистером в Вуппертале был пастор Крумахер. Он так умел поучать прихожан, обращая лицо свое к всевышнему, проклинать грешников! Каждое слово пастора казалось таким же истинным, словно его произносил сам господь бог.

Однажды в кирке во время проповеди, когда пастор поносил членов общины за чтение книг, Вилли Бланк выпустил ему под ноги мышонка.

Этого маленького зверька он поймал у себя в подвале, а перед службой показал приятелям, вынув из кармана и зажав в кулаке.

— Мне могут сказать: роман написан христианином, значит, читать его можно? Я отвечу — нельзя! — гремел пастор. — Потому что книга эта нашептывалась на ухо христианину дьяволом!

И в этот момент Вилли, сидевший на скамье с краю, незаметно опустил на пол мышонка.

Тот сначала замер, прижался к гладкой плите каменного пола, а потом вдруг побежал прямо в сторону пастора.

Пастор прервал свою речь. Мгновение он еще вглядывался в мышонка, а потом закричал:

— Уберите! Уберите это немедленно!

Но никто не решился действовать. Да и попробуй поймай мышонка!

И тогда пастор, гроза прихожан, соскочив с кафедры, метнулся в сторону. А мышонок от испуга тоже заметался и, желая спрятаться куда-нибудь, видимо, решил, что лучшее место — пасторские брюки...

Когда он подбежал к ногам господина Круммахера, тот, всегда такой важный, визгливо причитая, помчался по проходу между скамьями к выходу на улицу. Самые серьезные из прихожан с трудом удерживали улыбку.

После службы по городу прошел слух, что сам дьявол пытался вмешаться в воскресную проповедь пастора Круммахера, подбросив в храм отвратительную тварь, но пастор доблестно изгнал зверя из храма и продолжил службу.

В тот же вечер отец позвал Фридриха в кабинет.

— Мы с тобой здесь вдвоем, сын, и твои друзья ничего не услышат. Скажи мне честно, кто из них напроказничал сегодня в церкви? — спросил отец, пристально глядя в глаза Фридриху.

Фридрих знал — врать грешно, но и выдать Бланка было невозможно.

— Я знаю, ты честный, правдивый мальчик. И сейчас ты не обманешь меня, — настаивал отец.

— Я знаю, кто, — с трудом выдавил из себя Фридрих, — но сказать не могу.

Это был первый случай, когда он не подчинился отцу.

А через несколько дней все тот же Бланк принес в училище книгу Гёте.

На уроке Рипе обучал их науке писать письма.

— Каждое письмо, — внушал он унылым голосом, — в зависимости от положения адресата в обществе уже с первых фраз должно нести оттенок возвышенного почтения или уважительного пренебрежения...

Он заставлял учеников зубрить эти обращения наизусть: кому положено писать «высокочтимый сударь», а кому — «милостивый государь».

— Наверное, за свою жизнь он, кроме письмовника,

ли одной книги не прочитал! — говорил на перемене Бланк.

Перемена кончилась, и тут Рипе неожиданно приказал ученикам стоять возле своих мест.

— Что там еще? — прошептал Бланк, сосед Фридриха по парте.

— Господа! Такое даже невозможно представить! Но... я подобрал под партой Бланка и Энгельса книгу Гёте! Мне страшно подумать, что вы читаете эту книгу, господа! Бланк, ее принесли вы?

Вилли молчал.

За провинности отец до сих пор стегал его дома розгами, стегал угрюмо и жестоко.

— Пастору Круммахеру будет доложено о вас особо, Бланк. И с отцом вашим на собрании общины будет серьезный разговор.

Бланк лишь беззвучно шевелил губами.

— Это не он, господин учитель, — сказал громко, неожиданно для себя Фридрих. — Это я! — И заметил удивленный взгляд Бланка.

— Ах, это вы, Энгельс! Час будете стоять на коленях, остальным — садиться.

Фридрих пошел в угол, куда ставили провинившихся.

После урока Рипе вручил Фридриху записку.

— Не думаю, что ваши родители обрадуются, прочитав ее.

— Спасибо, Фридрих, — сказал Бланк, когда они вышли из школы. — Я пойду с тобой домой и все расскажу сам, чтобы тебя не наказывали.

Дома, к счастью, была лишь мама.

— Госпожа Элиза, учитель Рипе написал вам записку, но Фридрих не виноват, — едва успев поздороваться, начал Бланк.

— А кто же тогда виноват? — грустно спросила мама, принимая записку. Не дочитав до конца, она заулыбалась. — Я испугалась, думала, вы натворили что-нибудь...

— Книгу Гёте принес я, госпожа Элиза. — Теперь Бланк признавался без боязни.

— Да какой же в этом грех! — Мама даже пожала плечами. — Гёте — великий писатель, украшение и гордость Германии.

— А Рипе сказал, что Гёте — великий грешник.

— Для вашего Рипе чем лучше писатель, тем больший он грешник. — Мама снова улыбнулась. — Мойте-ка быстрей руки и садитесь обедать, а то, пока ты, Вилли, доберешься до дома, еще полдня пройдет.

1834 год. Октябрь

В Эльберфельдскую гимназию из городского училища переходили лишь немногие ученики.

— Каспар Энгельс был человеком простым, гимназии не кончал, но состояние увеличил вчетверо, — говорил отец полушутя.

Но мама шутки не принимала.

— Дорогой мой, то был другой век, а сейчас даже Бланки отдают своего сына в гимназию.

— Я бы сам мечтал стать ректором такой гимназии, — говорил дед Ван Хаар. — Она сегодня лучшая в Пруссии.

Тогда и решили: Фридрих переходит в гимназию.

Гимназия находилась на другом берегу Вуппера, в соседнем городе Эльберфельде. Города соединял красивый древний мост из белого камня. Чтобы ежедневно не ходить длинной дорогой, Фридрих станет жить на пансионе у исполняющего обязанности ректора доктора Ханчке.

В те годы многие учителя держали на пансионе учеников — жалованье в гимназии маленькое, пансион добавлял небольшой доход. Но одно дело столоваться у простого учителя, другое — у самого профессора Ханчке. Таким образом, Энгельсы и здесь как бы выдвигались вперед.

Сначала все казалось обыкновенным. В актовом зале, где собрали всех учеников, профессор Ханчке сказал речь. Барменцы — Фридрих, Греберы и Бланк — чувствовали себя здесь чужаками.

Фридрих приготовился поскутаться и на первом уроке. Но вот дверь резко распахнулась, и в класс энергично вошел учитель истории и литературы Клаузен.

— Садитесь, садитесь быстрее, господа, — сказал он, отмахнувшись от приветствия. — Я познакомлю вас с чрезвычайно интересным изданием. — Он поднял вверх толстую книгу. В руках у него был первый том Якоба и Вильгельма Гриммов «Детские и семейные сказки». — Кто знаком с этой книгой?

Сколько раз из этой книги читал маленькому Фридриху дедушка Ван Хаар прекрасные сказки! Незабываемые вечера в маленькой комнатке наверху... И Фридрих поднял руку.

— Отлично! — обрадовался Клаузен. И громко, с явным удовольствием начал читать сказку «Игрушки великанов».

Ученики притихли: они еще не привыкли слушать на уроках сказки.

— Братья Яков и Вильгельм Гриммы — явление замечательное в культуре германских народов, — сказал Клаузен, прочитав сказку. — Теперь послушайте отрывок из «Песни о Гильдебранте». Это самое древнее из дошедших до нашего времени произведений в Германии. Его тоже разыскали и опубликовали профессора Гримм.

Героические старинные стихи Клаузен читал на память.

— Некоторые полагают, что любовь к родине начинается с любви к королю. Нет, господа. Хотя любой человек должен уважать законную власть своего государства,

любовь к родине начинается со знания истории и культуры своего народа.

Урок кончился неожиданно быстро. Клаузен попрощался с учениками и так же стремительно вышел. А притихшие гимназисты продолжали сидеть на местах.

— Господа, поздравляю вас с рождением большого поэта! — заявил прямо от двери Клаузен на новом уроке. — Запомните его имя: Фердинанд Фрейлиграт. Я сам открыл его недавно. Он печатается в альманахах и еще не издал ни одной книги, но я уверен — это будущая слава нашей поэзии.

В тот же день Фридрих переписал стихи Фрейлиграта.

...Как он хотел, чтобы учитель Клаузен заговорил с ним лично! Поручил бы ему что-нибудь. В перерывах Фридрих следил за ним издали и, радуясь, ловил каждый его нечаянный взгляд. Как-то само получалось, что он без конца попадался учителю на глаза, от растерянности здороваясь с ним по нескольку раз на дню.

И вот однажды Клаузен сам подошел к Фридриху.

— Скоро у нас будет гимназический вечер. Там обычно выступают старшеклассники. Но я хочу попросить тебя тоже выступить.

Учитель назвал Фридриха на «ты», как своего друга, и мальчику стало от этого еще радостней.

— Было бы хорошо, если бы ты, Фридрих, познакомил слушателей с балладами наших лучших поэтов: Бюргера, Гёте, Шамиссо... — Клаузен улыбнулся. — Ты же их хорошо знаешь.

Теперь Фридрих часто провожал Клаузена до дому. Учитель давал читать ему книги из своей библиотеки. По дороге они дружно беседовали, обсуждали творчество разных поэтов.

декламировал Фридрих из гётевского «Прометея».

— Тише! — смеялся Клаузен. — Вы всполошите всех филистеров, и тогда мне не быть вашим учителем.

Исполняющий обязанности ректора доктор Ханчке проживал со своей сестрой, пожилой старой девой, и служанкой в небольшом двухэтажном доме рядом с гимназией.

В доме всегда было тихо, слегка сумеречно, и Фридрих скоро полюбил свою комнату на втором этаже, куда надо было подниматься по деревянным ступеням винтовой лесенки.

Ужинали они в гостиной, при свечах. Сначала доктор Ханчке негромко читал молитву, а потом все чинно садились за большой овальный стол.

Иногда в конце ужина доктор Ханчке рассказывал специально для Фридриха какую-нибудь забавную, но поучительную историю из гимназической жизни.

— Я смотрю, Фридрих, и вас увлек наш эльберфельдский Зигфрид? — спросил он во время очередного ужина. — Каждый год у него появляется новый поклонник.

— Но вы сами говорили, что коллега Клаузен — человек достойный и самый дельный из учителей, — заметила фрейлейн Ханчке.

— Да, говорил, — согласился доктор Ханчке и посмотрел на Фридриха, как бы раздумывая, стоит ли продолжать дальше. — Но, к сожалению, коллега Клаузен — человек увлекающийся... Иногда он высказывается там, где следовало бы молчать. Однако я о другом. — Профессор вновь оживился. — Коллега Клаузен показал сегодня

вашу тетрадь по истории с прекрасными рисунками. Вы у кого-нибудь учились рисовать прежде?

— Меня учила мама, — ответил Фридрих смущенно.

— Скоро у нас гимназический вечер. Не попробуете ли вы, Фридрих, сделать несколько шаржей на своих товарищей? Мы бы их развесили на стенах...

Так получилось, что героем этого вечера стал не какой-нибудь старшеклассник, а почти никому не известный ученик. Сначала гимназисты с восторгом разглядывали его шаржи, а потом он же читал баллады известных немецких поэтов...

Когда в конце вечера доктор Ханчке стал вызывать на сцену выступавших, Фридрих спрятался за занавесом и не вышел.

— Скромность похвальна, Фридрих, но вы заслужили награду, и мне искренне жаль, что вы не получили ее от благодарных соучеников, — сказал за домашним чаем Ханчке.

1837 год. Сентябрь

Чаще всего они собирались у Греберов, когда родителей дома не было. Кроме Фридриха и Бланка, приходили еще человек шесть гимназистов. По-взрослому рассаживались в кресла, закуривали толстые сигары, потягивали пиво и читали свои стихи. Фридрих играл на клавесине сочиненные им недавно песенки, друзья подхватывали хором. Лишь кружковцы знали, что карикатуры, которые помещали порой вуппертальские газеты без подписи, тоже рисовал Фридрих.

— Вы как хотите, а я поеду в университет, в Бонн, — говорил Бланк. — Там настоящая свобода! А какие студенческие кабачки!

— А мы решили поступать в Берлинский, — сообщили Греберы.

— Да там скучотища какая, в вашем Берлинском университете! Говорят, берлинские студенты даже умирают от дуэлей!

— Зато знания глубже, и, между прочим, именно там преподавал Гегель! — настаивали Греберы.

Фридрих тоже собирался в Берлин изучать право. Он представлял себе ту будущую жизнь, и голова кружилась от счастья.

— Вы делаете правильный выбор, мой мальчик, — поддерживал его доктор Ханчке. — Образование правоведа даст вам филологические знания, к которым вы так стремитесь, и одновременно — твердую почву под ногами.

1837 год. Октябрь

Отец уехал в августе в Англию и долго не возвращался.

Все готовились к литературному гимназическому вечеру. Фридрих сочинил на древнегреческом большое стихотворение «Поединок Этеокла с Полиником». Доктор Ханчке уверял, что таким гекзаметром могли бы гордиться знаменитые античные поэты.

Вечер прошел с блеском. Фридриху аплодировали больше всех.

— У тебя большой, настоящий поэтический талант! — возбужденно говорил Клаузен. — И я прошу тебя, Фридрих, развивать свой талант дальше! В Германии купцов и адвокатов много больше, чем поэтов. Сейчас лишь Фрейлиграт умело совмещает в себе оба занятия... Да, знаешь ли новость: он ведь переехал к нам, в Бармен. Представь, я как раз сегодня имел честь познакомиться с ним! Это замечательно, что такой поэт будет жить именно в нашей Вуппертальской долине! Надеюсь вас познакомить друг с другом...

Но Фридрих не предполагал, что близкий человек — собственный отец уже принял решение, которое разрушит все его планы.

У отца было прекрасное настроение.

— Элиза, ты только посмотри на него! Наш сын скоро начнет бриться, — обрадованно встретил он Фридриха. — Самостоятельный молодой человек!

— Только что заходила фрау Гребер. Рассказала, как хорошо тебя приняли на вчерашнем вечере, — мягко улыбаясь, проговорила мама.

Но отец, поморщившись, перебил ее.

— Все эти гимназические вечера надо оставить. Да, мой мальчик, пора становиться настоящим мужчиной. Энгельсам нужны не пасторы, а дельные коммерсанты. И адвокаты им не нужны тоже — при случае они наймут адвоката за деньги. С завтрашнего дня ты становишься работником фирмы «Эрмен и Энгельс».

— Какой фирмы? — переспросил пораженный Фридрих.

— Элиза! Что в голове у этого гимназиста? Родословную своих греческих героев он вызубрил наизусть. А дела собственного отца для него в туманной дали. Так вот, мой мальчик, сегодня ты можешь смеяться и радостно петь... Тебе даже представить трудно, перед какой бездной стояли мы несколько месяцев назад. Только братья мои могли додуматься делить основной капитал. Ведь разделив его на троих, каждый из нас стал втрое беднее. А это страшно — обеднеть! Намного страшней, чем не разбогатеть... Но бог помог мне напрячь силы, и теперь мы — совладельцы новейшей фабрики в Энгельс-кирхене, а в ближайшие годы откроем филиалы в Манчестере, в Бремене. И если нам повезет, мой дорогой старший сын, то наши конторы будут и в американских

штатах, и в Индии. Для этого стоит хорошо поработать, как ты думаешь?

— Но как же гимназия? — спросила растерянно мама.

— А что гимназия? У нас на счету сейчас каждый зильбергрош. И мне нужен Фридрих — работник фирмы, а не гимназист. С завтрашнего дня забудь гимназическую премудрость, зато хитрую простоту коммерции учи наизусть!

Фридрих поднялся в свою комнату. Ему не хотелось никого ни видеть, ни слышать. Но энергичный голос отца, доносившийся снизу, постоянно разламывал тишину.

— Я пробовал беседовать с вашим отцом, мой мальчик, — грустно сказал доктор Ханчке, — он непреклонен. Я хочу надеяться, что вы сами пройдете курс наук, которого лишаетесь. Сейчас я допишу ваше выпускное свидетельство.

Своим изящным почерком, которым так гордился с юности, доктор Ханчке продолжил записи на листе с королевским гербом:

«...во время своего пребывания в старшем классе отличался *весьма хорошим поведением*, а именно обращал на себя внимание своих учителей скромностью, искренностью и сердечностью и при хороших способностях обнаружил похвальное *стремление* получить как можно более обширное научное образование...»

Ханчке задумался, а потом добавил слова, непривычные для официального документа:

«Нижеподписавшийся расстается с любимым учеником, который был особенно близок ему благодаря семейным отношениям и который старался отличиться в этом положении религиозностью, чистотою сердца, благо нравием и другими привлекательными свойствами, при воспоследовавшем в конце учебного года... переходе к де-

ловой жизни, которую ему пришлось избрать как профессию вместо прежде намеченных учебных занятий, с наилучшими благословениями».

И подписался: «Д-р И.-К.-Л. Ханчкё».

1837 год. Осень — зима

На столе, обитом потертым зеленым сукном, кроме оловянной чернильницы, нескольких перьев да двух увесистых конторских книг, ничего не было.

— Для начала обучишься ведению переписки, — сказал отец. (Вот для чего пригодится наука Рипе!) — С восьми до двенадцати в книгу с синей обложкой будешь записывать входящие письма.

В полдень все конторщики города разгибали спины и отправлялись по домам обедать.

— С двух до шести в книгу с зеленой обложкой — регистрировать письма исходящие. Те, что даст тебе Зигфрид.

— А потом?

— Получаешь свободу, которой так жаждешь. Если не потянет в сон, занимайся своими науками. Тебе будут платить деньги — столько, сколько получают ученики конторщиков.

Ближе к кафельной печке сидел старший конторщик Зигфрид. Он отработал в этой комнате больше тридцати лет.

«Боже мой, когда я приходил сюда мальчиком, он мне уже тогда казался пожилым!» — подумал Фридрих.

Это был мир чужой и далекий. Коммерцией занимались отцы. Гимназическую же компанию — Греберов, Бланка, Фридриха — привлекали высоты духа. Они считали, что путь их определен: гимназия, университет, занятия правом, литературой, искусством. Они издевались над филистерской манерой во всем искать мелочную выгоду.

А конторщик Зигфрид больше тридцати лет приходил в эту контору. Ежедневно по дороге на работу он встречал тех же людей: младшего учителя, пастора, башмачника Римера, таких же, как он, конторщиков. Они раскланивались друг с другом, а вечером, возвращаясь домой, встречались вновь. Постепенно старели. Жизнь их была устойчива. Даже появление хозяйского сына в конторе не могло взволновать Зигфрида. Он был готов выполнять свою работу одинаково хорошо любой день, не боясь ни чумы, ни инфлюэнцы, ни революции.

Другой конторщик, помоложе, Роберт, страдал хроническим насморком и боялся, что сыну хозяина это может не понравиться. Он так и работал, потихоньку сморкаясь в большие носовые платки с вышитыми инициалами.

— Помогите ему побыстрей освоиться, — сказал вчера Зигфриду Фридрих-старший о сыне, — надо его увлечь широтой нового дела.

И Зигфрид, как мог, выполнял волю хозяина.

— Сейчас-то работать стало легко, — говорил он Фридриху, — гусиные перья не надо затачивать. В прошлом году ваш отец привез стальные из Англии, а сейчас их в нашей лавке можно купить. И свечу — если надобно зажечь, пожалуйста — спички изобрели. А вот раньше...

— А что было раньше? — спросил Фридрих.

— Раньше, говорят, хозяин на пасху подарки делал, — ответил Роберт невпопад и полез за платком.

— Раньше тоже было хорошо, — сказал Зигфрид. — Но и сейчас — грех жаловаться. Вон вывеску новую принесли, — он показал в окно, — завтра нам ее поставят. Хорошо, что контора досталась вашему отцу. В господине Энгельсе хозяин сразу чувствуется, и вы его слушайтесь. Пройдет десять лет — и все здесь ваше будет.

—◆—

— Энгельс, дружище! Куда ты пропал?

Клаузен стоял возле белокаменного моста через Вуппер, соединявшего Нижний Бармен и Эльберфельд, с каким-то незнакомым молодым человеком. У человека была приятная улыбка, внимательный взгляд.

— Фрейлиграт, познакомьтесь, это мой бывший ученик, Энгельс. Он писал стихи даже на языке Гомера и Гесиода.

— Рад познакомиться, — приветливо отозвался Фрейлиграт. — Сейчас многие молодые люди пробуют себя в поэзии.

— Парню не повезло. — Клаузен огорченно развел руками. — Отец забрал его из гимназии и вместо университета усадил учеником в собственную контору.

— У нас с вами схожая судьба. В юности я тоже из гимназии перешел в конторские ученики.

— Скажу, что старик Эйнер попал с вами в затруднительное положение, — засмеялся Клаузен. — Откуда ему было знать, что вы печатаете стихи, когда брал вас на работу. Теперь любопытствующие не дают ему проходу, но он держится молодцом, заявляет, что работник вы отличный, что претензий к вам нет, а все остальное его не касается.

— Иногда приходится заниматься и нелюбимым делом, причем исполнять его хорошо, иначе выгонят со службы, а ведь жить как-то надо. — Улыбка Фрейлиграта стала грустной.

— Знаменитые поэты тоже вынуждены зарабатывать себе на хлеб в конторах, так что, Фридрих, не вешай носа, — сказал Клаузен. — Думаю, что поэт Фрейлиграт не откажется однажды послушать стихи поэта Энгельса?

— Буду рад. Приходите ко мне, Энгельс.

Не раз Фридрих совсем было решался, собирал рукописи, но в последний момент отступал, находилась при-

чина, чтобы не идти сегодня, переложить на завтра, на другую неделю... Тем более, он знал, что Фрейлиграту постоянно навязывали свою дружбу молодые купчики — «зеленые дворяне», как их называли. Им лестно было пить на брудершафт с известным поэтом, а потом рассказывать об этом знакомым.

А стихи Фридрих сочинял каждый вечер. Потом он написал «Рассказ о морских разбойниках», о корсарах — греках, которые сражались за свободу против турецких завоевателей.

Слово «свобода» все чаще произносилось в их кружке.

— Мы хотим стать пасторами, — говорили братья Гребер, — пора бороться с невежеством Круммахера. Богословие должно стоять на научной основе. Церковь будет освобождать людей для бога, а не закабалять их.

— Развитие общества идет так, что очень скоро даже короли поймут необходимость свободы для подданных, — заявлял Бланк.

— Не думаю, чтобы короли ее предоставили добровольно, — возразил Фридрих, — человек возьмет ее сам. И нам пора знать, с кем мы в будущей борьбе за свободу и конституцию.

Друзья чувствовали, что Фридрих опережает их и в чтении, и в тех знаниях, что они получали в гимназии.

Они не догадывались, что после совместных вечеров Фридрих, вернувшись домой, сидел еще долго над книгами, а порой и не ложился вовсе.

1938 год. Июль

— Я не раз спрашивал о тебе Зигфрида, — сказал отец, вернувшись из очередной поездки. — Но только сегодня он сообщил мне правду. Оказывается, во время работы ты читаешь книги!

— Отец, я же успеваю сделать все записи.

— Мало того, ты дурно влияешь на других. Вот уже и Роберт принес вчера в контору газету!

Отец был рассержен всерьез.

— Вижу, что Зигфриду не справиться с тобой. Я, конечно, понимаю, что Бармен — место не из веселых. Поэтому я хочу договориться со своим другом, саксонским консулом Лейпольдом, что живет в Бремене. Если он согласится, ты будешь стажироваться дальше у него.

После наполеоновских войн Германия была разделена на 34 государства и четыре вольных города. Вупперталь, входящий в Рейнскую область, стал принадлежать королевству Пруссии. Два королевства — Пруссия и Саксония — были самыми крупными среди германских государств. Распоряжениям из Берлина и Дрездена подчинялись остальные. Но, к счастью, были еще и вольные города, среди них Гамбург, Бремен.

В портовый город Бремен Фридрих с отцом въехали в почтовом дилижансе. На соборной площади в это время выстроился духовой оркестр, и сорок молодых солдат по команде офицера взяли на караул.

— Отец, посмотрите, нас встречает великая бременская армия! — обрадовался Фридрих. Он высунулся в окно и крикнул: — Вольно, господа солдаты! Мы приехали, расходитесь по домам.

— Оставь свои шутки, — строго сказал отец. — Это ежедневный парад. А сейчас мы отправимся к консулу.

— Можешь быть спокоен, старина Энгельс, у меня он не пропадет, — заверил отца широкоплечий здоровяк Генрих Лейпольд, консул королевства Саксонии. — Не пропадешь, молодой человек? — Он хлопнул по спине Фридриха и добродушно захохотал.

Фридрих сдержанно улыбнулся.

А когда консул узнал, что «молодой человек» свободно переводит с английского, французского, итальянского, он обрадовался всерьез.

— Считай, что ты привез подарок, старина Энгельс! Мои шалопаи хоть и корпят над книгами, а переводят за них дяди. И крышу нашел твоему сыну. Видишь ближнюю церковь? Это она и есть — церковь святого Мартина. Там у пастора Тревирануса сдаются комнаты. Пицца у него хорошая, порядок все хвалят, да и сам пастор человек дельный.

На следующий день консул привел Фридриха в контору. Познакомил с двумя служащими. Одна конторка была свободна.

Консул положил перед Фридрихом толстые книги, которые теперь полагалось ему вести, и пачку писем, которые надо было срочно переводить.

БРЕМЕН

*Мой удел — к борьбе стремиться,
Вечный жар во мне кипит.
Карл Маркс. Из «Книги любви»*

Первые дни Фридрих ходил опьяненный счастьем свободы.

Вольный человек в вольном городе!

На рейде у причала стояло множество судов. В порту суетились сотни людей. Одни нагружали на повозки тяжелые тюки с табаком, другие катили с барок бочки с вином, и торговый агент тут же снимал с вина пробу. Подвозили ящики с полотном, окорока, сгружали невиданные заморские фрукты. Разноязыкая толпа была одета в одежды всех стран и народов...

А главное — это были, конечно, книги, газеты, журналы!

Фридрих проводил отца и сразу пошел в ближнюю книжную лавку. В Вуппертале филистеры и притронуться не посмели бы к таким газетам и книгам! А тут они лежали открыто. Их можно было листать, покупать, читать.

Он сразу наткнулся на брошюру Якоба Гримма. Знаменитый профессор Гримм вежливо и изящно бранил своего короля. Здесь же продавалась и сатирическая картинка, где ганноверский король был изображен в виде старого облезлого козла.

Довольный продавец, улыбаясь, заворачивал пачку книг, которые купил Фридрих.

— Молодой человек отправляется в длительное путешествие и решил набрать с собой книг? — спросил он понимающе.

— Я прочитаю это сегодня ночью, — ответил Фридрих.

Оказывается, все эти годы, живя в Бармене, он спал! Вместе со всем городом, со всем Вупперталем...

Лишь в эту ночь Фридрих понял, как много времени потерял зря. В мире шла большая борьба, и он мог бы давно участвовать в ней!

Ганноверский король дал своей стране конституцию, и все жители принесли ей присягу, стали гражданами. Потом он умер, королем стал его брат. Он отменил конституцию, а граждан снова приказал звать подданными.

Присяга, данная перед богом, законна, королевский указ, отменяющий эту присягу, противоречит справедливости и законности, объявили королевские профессора братья Гримм. Король принудил их уйти в отставку, изгнал из страны, но они продолжали бороться.

Слова «конституция», «справедливость», «законность» обсуждались в каждой книге, жгли сердца.

Теперь Фридриху казалось смешным, что лишь несколько дней назад он гордился первой своей серьезной публикацией. Газета «Бременский собеседник», слегка перевервав, напечатала его стихотворение «Бедуины». Напечатала, по желанию автора, без подписи. Пастор Тревиранус вечером в кругу семьи прочитал это стихотворение вслух и сказал:

— Не хуже Фрейлиграта кто-то начал писать.

Тогда Фридрих радовался, а теперь это стихотворение казалось ему пустым, потому что его захватили другие мысли.

1839 год. Весна

Ровно в десять в доме пастора было уже темно и тихо. Все спали.

Лишь Фридрих в своей комнате принялся за роман Гуцкова.

Роман Гуцкова «Вали сомневающаяся» он стал читать с неохотой. Подумал, что просто полистает его перед

сном. Было интересно, за что критики в штутгартской «Литературной газете» молотят Гуцкова, называя его восставшим: против христианства, брака, семьи, чувства стыда, против германской национальности и существующего строя.

На тридцатой странице Фридрих понял, что увлекся. Он читал не отрываясь.

Была середина ночи, но сон прошел.

Героев книги волновали те самые мысли и чувства, которые преследовали и его, Фридриха. Это было удивительно — как будто незнакомый автор, живущий в другом городе, подслушал то, что сам Фридрих отгонял от себя прочь, и написал об этом для всех.

Право на личную свободу, право на сомнение во всем, что провозглашает государство, потому что только после сомнения приходит настоящая убежденность — этого добивался автор романа. На другой день он взял книгу очерков Гуцкова, и они были написаны о том же — о личной свободе, об ответственности перед законом всех: и королей и подданных.

Он сидел в конторе и думал о Гуцкове. Если бы эти книги прочитать года два назад!

Сейчас Гуцкову всего двадцать девять лет, а он уже издает свой журнал «Немецкий телеграф». Вокруг него объединились писатели «Молодой Германии». И сегодня в Германии он — самый смелый человек.

Гуцков был сыном княжеского берейтора. Родители воспитывали его как верного солдата бога и короля. Но Гуцкова увлекали политика, литература. В девятнадцать лет он с отличием окончил Берлинский университет. Сам Гегель должен был вручить ему академическую награду на торжественном заседании. Но то был июль тридцатого года. Заседание началось, и тут знакомый студент шепнул Гуцкову, что сегодняшние газеты сообщили потрясающие новости: во Франции революция! Гуцков не стал ждать похвальной речи профессора Гегеля в свою честь, махнул рукой на золотую медаль и выбежал из

университета. Он торопился прочитать французские газеты лично. Революционные песни звучали в его сердце.

В первых своих статьях, книгах он открыто призывал к демократической республике, называл себя учеником Гейне и Робеспьера.

Теперь Фридрих выписывал целые страницы из статей Гуцкова, и каждая фраза открывала ему новые мысли, новый мир — неузнанный, невероятный. Прошел едва ли месяц после последнего письма Фрицу Греберу, а Фридрих уже сообщал:

«Я должен стать младогерманцем, или, скорее, я уже таков душой и телом. По ночам я не могу спать от всех этих идей века; когда я стою на почте и смотрю на прусский государственный герб, меня охватывает дух свободы; каждый раз, когда я заглядываю в какой-нибудь журнал, я слежу за успехами свободы; эти идеи прокрадываются в мои поэмы...» — писал Энгельс младшему из братьев Гребер.

Литераторов «Молодой Германии» ненавидели правительственные газеты, их книги и статьи были запрещены во многих немецких государствах.

По-прежнему каждый вечер Фридрих писал стихи. Слова, мысли, чувства сами выстраивались в поэмы, баллады. Он посылал их друзьям — братьям Гребер, они теперь учились в университете, Бланку — бедняга тоже стал конторщиком в Бармене, у своего отца. К стихам Фридрих добавлял карикатуры на бременских знакомых.

Но этого ему было мало. Так часто хотелось выбежать на улицу и, встретив друга, рассказать ему все, о чем думалось, что волновало. Но улица вечерами была пустынна, а друга в Бремене не находилось.

«...От государя я жду чего-либо хорошего только тогда, когда у него гудит в голове от пощечин, которые он получил от народа, и когда стекла в его дворце выбиты булыжниками революции» — так писал он тому же младшему Греберу. И Фридрих решил написать о

том, что билось внутри, о недавней своей вуппертальской жизни и что думал он про нее сегодня.

Он издевался над филистерами, рассказывая подробности жизни вуппертальского общества, о невежественных пиетистах, которые следили за каждым шагом прихожан. И, может быть, впервые Фридрих по-настоящему задумался о жизни рабочих, вспомнив первую экскурсию на отцовскую фабрику...

«Работа в низких помещениях, где люди вдыхают больше угольного чада и пыли, чем кислорода, и в большинстве случаев начиная уже с шестилетнего возраста, — прямо предназначена для того, чтобы лишить их силы и жизнерадостности.

...Но у богатых фабрикантов эластичная совесть, и от того, что зачахнет одним ребенком больше или меньше, душа пиетиста еще не попадет в ад, тем более если эта душа каждое воскресенье по два раза бывает в церкви».

Он описал дикие проповеди Круммахера, бездарных учителей городского училища, осмеял самодовольных столпов вуппертальского общества.

Очерк он назвал «Письма из Вупперталя» и отправил в Гамбург Гуцкову. Кто, кроме «Телеграфа», смог бы еще напечатать его? Свою фамилию он просил не называть. .

В начале апреля он зашел в ту книжную лавку, где несколько месяцев назад впервые увидел брошюру Якоба Гримма.

— Сегодня есть для вас кое-что интересное, — сказал продавец, улыбаясь ему как старому знакомому, и протянул новый номер «Телеграфа». — Почитайте-ка! Смело кто-то пишет.

Фридрих взял журнал и сразу увидел начало своих «Писем из Вупперталя».

В тот же день он получил письмо от Гуцкова. Вождь

«Молодой Германии» приглашал его стать постоянным сотрудником!

Из Бармеха написал Бланк.

В долине переолох, сообщал он. Какой-то писатель в «Телеграфе» так тонко изобразил нравы вуппертальской жизни, что номер рвут из рук, перекупают за большие деньги. Все ищут автора. Сначала заподозрили Фрейлиграта и хотели учинить у него обыск, потом решили, что автор — Клаузен. Правда, по некоторым оборотам речи и мыслям, знакомым ему, Бланку, по письмам «одного» друга, он предполагает, что автору статьи 19 лет и работает он в одной известной фирме, находящейся в известном городе.

Фридрих немедленно написал Бланку, чтобы тот случайно никому не проболтался — от разгневанных филистеров можно ожидать всякого.

1840 год. 1841 год. Зима — весна

Он каждое утро выпивал наскоро кофе, приготовленный молодой служанкой пастора Тревирануса, выходил на улицу и через пять минут появлялся в конторе. Там Фридрих брал очередную пачку писем и принимался их переводить на французский, голландский, английский, датский. Фирма Лейпольда торговала со всем миром.

Потом, после конторы, он успевал заскочить в клуб, съесть жареного мяса, выпить кружку пива и спеть с компанией таких же стажеров несколько песен. От компании он незаметно пересаживался к столику с газетами — их сюда присылали из разных стран — и, читая, заодно практиковался в языках.

Вечером он еще успевал зайти в певческую академию, где пел в настоящем, серьезном хоре, или же оперный театр.

В выходной гарцевал на лошади, взятой напрокат в конюшнях, занимался фехтованием. И все он делал легко, изящно, всюду был лучшим, словно именно это и бы-

ло главным увлечением его жизни. А если просил пастор, то помогал ему закалывать свинью, замазывал щели в подвале.

— Энгельс удивительно компанейский парень! — говорили молодые коммерсанты, конторщики и стажеры. — На все его хватает.

Но никто не догадывался, что в тот час, когда молодые коммерсанты и конторщики всей Германии укладывались спать, как раз в тот час и начиналась главная жизнь у Фридриха.

В письмах друзьям он шутил, что овладел уже всей мировой литературой. И это было так. А еще он переводил любимые стихи великих англичан — Байрона и Шелли, надеялся издать свои переводы книгой. Для «Германского телеграфа» он писал статью за статьей, и Гуцков печатал их немедленно.

Статьи, подписанные то инициалами «Ф. О.», то «Ф. Освальд», обсуждали всюду, где собирались молодые мыслящие люди. Многие уверяли, что, желая обезопасить себя, Гуцков печатает самые смелые свои статьи под этим псевдонимом.

«Мы хотим вырваться на простор свободного мира, мы хотим пренебречь осторожностью и бороться за венец жизни — подвиг... Нас запирают в темницы, называемые школами, а когда нас освобождают от школьной муштры, мы попадаем в объятия богини нашего века — полиции. Полиция, когда думаешь; полиция, когда говоришь...» — читали в одной статье.

«Будем же поэтому бороться за свободу, пока мы молоды и полны пламенной силы; кто знает, окажемся ли мы еще способными на это, когда к нам подкрадется старость!» — призывали в другой.

Братья Гребер были в ужасе. Они молились за спасение друга, а в письмах упрашивали бросить вредное чтение, ругали «Молодую Германию».

«Лучше бы ты играл в карты или пьянствовал в кабаках!» — писал ему младший Гребер.

В газетах накалились страсти. Лучшие умы Германии сражались за идеи Гегеля, развивали их.

В то время когда Энгельс приехал в Бремен, молодой приват-доцент Арнольд Руге, успевший посидеть в крепости за свои выступления, стал выпускать «Галлеские ежегодники науки и искусства».

«Молодые гегельянцы и те, кто участвует в «Ежегодниках», — опасная для государства секта, они отрицают личного бога, отвергают загробный мир и таинства, проповедуют религию земной жизни и откровенный атеизм». Прочитав эти строки в церковных газетах, Фридрих бросился в книжную лавку.

На первый взгляд эти статьи были далеки от жизни. Сам Руге, Бруно Бауэр и другие обсуждали в «Ежегодниках» идеи своего учителя, философа Гегеля.

Профессора Гегеля уже при жизни считали величайшим умом человечества. В науке он был отважным искателем истины, но в жизни — обыкновенным филистером.

Король назвал учение Гегеля «прусской государственной философией». За это Гегель назвал государство прусского короля совершенным и необходимым.

Все, что создает история, действительно и разумно, — писал философ. Королю некогда было задумываться над глубинами книжной премудрости, и он не обратил внимания, что философ писал дальше: если какое-то явление и даже государственная система перестает быть необходимой, она становится недействительной и неразумной.

«Хватит штопать чулки истории! — горячились молодые гегельянцы. — История — это путь освобождения человека от всевозможных оков!»

Они доказывали, что сегодняшнее государство неразумно, вредно для общества, призывали установить общество разума и свободы.

У Фридриха не было здесь по-прежнему друга, и лишь статьи в «Телеграфе» рассказывали о том, чем жил он эти месяцы.

Письма братьев Гребер были полны нелепых мыслей.

«А ведь мы так мечтали, что ты станешь знаменитым поэтом и сам король наградит тебя знаком отличия», — читал в них Фридрих.

Это и рассмешило и разозлило его.

«За знаки почести со стороны королей — благодарю покорно. К чему все это? Орден, золотая табакерка, почетный кубок от короля — это в наше время скорее позор, чем почесть. Мы все благодарим покорно за такого рода вещи и, слава богу, застрахованы от них: с тех пор, как я поместил в «Телеграфе» свою статью об Э. М. Арндте, даже сумасшедшему баварскому королю не придет в голову нацепить мне подобный дурацкий бубенчик или приложить печать раболепия на спину. Теперь чем человек подлее, подобострастнее, раболепнее, тем больше он получает орденов...

Прощай!

Твой Ф. Энгельс».

Это было последнее письмо прежним друзьям.

В конце марта Фридрих уехал домой, в Бармен, чтобы потом отправиться в Берлин на военную службу.

*Мне обнять по силам небо,
Целый мир к груди прижать.*

Карл Маркс. Из «Книги любви»

1841 год. Осень

В сентябре Энгельс поступил на службу к тому самому прусскому королю, которого в письмах называл высочайшим сопляком.

Благодаря гимназическому выпускному свидетельству он стал вольноопределяющимся. Казармы его полка находились в центре столицы, на Купферграбене, в пятистах шагах от университета. Фридрих нашел хорошую комнату на Доротеенштрассе, неподалеку от казарм. В комнате было три высоких окна, с улицы долетал шум прожжающих дрожек. Мягко светило солнце, настроение было легкое, радостное.

Прямо перед домом находилась стоянка извозчиков. Эти крепкие парни уже с утра были навеселе и всякий раз, когда он проходил мимо, уговаривали прокатиться.

В полку ему выдали мундир с галунами и позументами. На мундире был синий воротник с красным кантом — Энгельс стал бомбардиром двенадцатой роты гвардейской тяжелой артиллерии прусской королевской армии.

К семи утра он бежал в казарму. С восьми до половины двенадцатого вместе с другими новобранцами упражнялся в церемониальном марше на плацу.

В артиллерию отбирали здоровенных парней. Они налегали на колеса тяжелой пушки, откатывали орудие, изучали его устройство, прочищали ствол огромным ершом-банником. Потом зубрили армейские уставы, сно-

ва ходили строем. Дружно ели простую, грубую еду из оловянной посуды.

В пять часов Энгельс был свободен. Лишь иногда, если устраивались ночные марши, его держали в полку весь вечер.

Он привез с собой очерк «Скитания по Ломбардии», который закончил как раз перед Берлином. Этот путевой очерк он хотел напечатать в «Атенее», самом остром младогегельянском журнале.

В мундире бомбардира он заявился в журнал.

— Вы уже пробовали печатать где-нибудь свои произведения? — с сомнением спросил редактор, толстенький коротышка лет тридцати.

— Да, естественно.

Редактор бегло просмотрел рукопись.

— Освальд, — прочитал он. — Освальд из «Телеграфа»? Это вы?

— Я. — Фридрих улыбнулся.

— Так что же вы мне сразу не сказали! — Редактор даже вскочил. — Я помню все ваши статьи, но никак не думал, что вы так молоды, да еще и на королевской службе... Рад с вами познакомиться, меня зовут Мейен.

Фридрих быстро сошелся с кружком молодых художников, поэтов, приват-доцентов и журналистов. Если он был свободен днем, то шел к ним в «красную комнату» кондитерской Штехели или в «кабинет для чтений» Бернштейна. Вечером они встречались в кабачке «Старая почта» на улице Почты или в других подвальных, которых было множество в центре Берлина.

Они глотали иностранные газеты и журналы, находили ошеломляющие новости, тут же писали корреспонден-

ции в свои газеты — те выходили за пределами Пруссии и прусским цензорам были неподвластны.

Фридриха всюду ждали, его шутки пересказывали друг другу.

Это тогда он обучил молодого черного пуделя, которого назвал Безымянным. Стоило показать на кого-нибудь и сказать: «Безымянный, это аристократ!», как пудель ощетинивался и злобно рычал.

Вместе с новым другом, студентом Эдгаром Бауэром, братом знаменитого Бруно Бауэра, записались на лекции в университет.

С нетерпением они ждали 15 ноября. В этот день престарелый профессор Шеллинг должен был читать вводную лекцию по своей «философии откровения».

Когда-то, в начале века, Шеллинг и Гегель были друзьями. Потом Гегель в своих работах стал упрекать главного единомышленника в ограниченности и несмелости. Он даже публично объявил о смерти философа Шеллинга, хотя Шеллинг-человек продолжал здравствовать.

— Чтобы победить врага в теории, надо пережить его физически, — пошутил Эдгар Бауэр, когда они шли с Фридрихом на первую лекцию. — Теперь Гегель покоится в гробу. А Шеллинг в той самой аудитории, где столько лет преподавал Гегель, объявит о смерти философской школы Гегеля. Драчка будет большая.

Хорошо, что Эдгар Бауэр привел Фридриха заранее. Они сели на свободные места, и Эдгар стал показывать ему знаменитых профессоров, корифеев науки, которые тоже пришли послушать Шеллинга.

— Взгляни, сама старческая мудрость в лице Мархейнке явилась сюда! — удивлялся он.

Скоро аудитория переполнилась. Оставшиеся за дверями безуспешно попытались пробиться внутрь. Тогда

самые догадливые влезли с улицы в окна, да так и остались на подоконниках, потому что сесть было уже некуда.

Поблизости Фридрих заметил седобородого штаб-офицера в мундире и чуть было не полез прятаться...

Громкий говор на всех языках Европы смолк в то мгновение, когда у кафедры появился Шеллинг.

Переживший Гегеля на десять лет, по виду он был не так и стар. Шел к кафедре не спеша и больше был похож на отца семейства, чем на знаменитого философа.

В первые минуты лекции Шеллинг как бы раскланивался перед бывшим другом. Признал, что его коллеге Гегелю принадлежит почетное место среди великих мыслителей. Но потом он заявил, что Гегель не создал никакой системы, а всю жизнь питался крохами его, шеллинговских, идей. А это значит, что все ученики Гегеля — молодые гегельянцы — попросту заблудшие в лесу философии овцы.

— Началось, — подтолкнул Фридриха Бауэр.

Дальше Шеллинг стал развивать собственные взгляды, изо всех сил пытаясь доказать необходимость прусского государства.

Тут уж не выдержал Фридрих:

— Да он изготовил свою систему по заказу тупоумного прусского короля!

Возмутился не только он. Возмутились все, кто работал вместе с великим Гегелем в университете, кто считал себя его учеником и последователем. Даже профессор Мархейнеке протестующе замахал руками.

— А вот и брат мой вместе с Руге упомянут среди заблудших овец, — засмеялся Эдгар.

Наконец лекция кончилась. Некоторые уходили угрюмые, молчаливые, другие — посмеиваясь.

— Об этом мы должны написать! Надо бороться! —

говорил Фридрих, когда они с Бауэром шли по вечерней улице.

— Так нам и позволят напечатать. Старца обласкал сам король.

— Я напишу в «Телеграф» Гуцкову.

Эдгар удивился.

— В Берлине, дорогой Фридрих, сейчас никто бы не отважился на борьбу. Пойдем-ка лучше пропустим кружку-две пива.

Энгельс прослушал еще несколько лекций и, убедившись в своей правоте, засел за статью.

«Если вы сейчас здесь, в Берлине, спросите кого-нибудь, кто имеет хоть малейшее представление о власти духа над миром, где находится арена, на которой ведется борьба за господство над общественным мнением Германии в политике и религии, следовательно, за господство над самой Германией, то вам ответят, что эта арена находится в университете, именно в аудитории № 6, где Шеллинг читает свои лекции по философии откровения», — начиналась эта статья.

Молодой Энгельс от имени всей германской молодежи объявлял бой заплесневелым идеям Шеллинга.

«Мы не боимся борьбы, — писал он. — Противники должны признать, что многочисленная как никогда молодежь стекается под наши знамена, что теперь больше чем когда-либо круг идей, владеющих нами, получил богатое развитие, что никогда не было на нашей стороне столько людей мужественных, стойких и талантливых, как теперь».

Статья появилась в «Телеграфе» в декабре.

Первым прочитал ее Эдгар Бауэр. Фридрих в тот день был на военных учениях и не знал, что в кондитерской Штехели этот номер журнала передавали из рук в руки, читали вслух. И когда Фридрих появился в «красной комнате», журнал имел затертый вид.

Фридрих был недоволен исправлениями в статье, которые сделал Гуцков.

— Другого от литераторов «Молодой Германии» сейчас ожидать трудно. Вся их бывшая смелость превратилась в умеренность. — Фридрих хотел сказать, что собрался написать об этом, но Эдгар прервал его:

— А я что говорил? Нам по пути только с моим братом и Марксом! Вот голова! Жаль, что его сейчас нет с нами. Все остальные — трусливые женщины, напаявшие рыцарские доспехи.

Еще осенью Фридрих прочитал в «Атенее» «Неистовые песни» Маркса. Все говорили об этом человеке уважительно, многие восхищались. А профессор Кеппен даже посвятил ему научный труд, хотя доктор Маркс сам только что закончил Берлинский университет.

Зимой Фридрих написал серьезную работу «Шеллинг и откровение». Сначала он хотел отправить ее к Руге в «Летописи», но Эдгар и его старший брат Бруно Бауэр, переехавший в Берлин, посоветовали издать работу отдельной книгой.

Энгельсу исполнился 21 год. С точки зрения маститых ученых мужей, он был никем — вольнослушатель в мундире королевского бомбардира, сын барменского фабриканта, гимназист-недоучка. А Шеллинг — знаменитый в Европе ученый, создавший собственную философскую систему.

Лет двадцать-тридцать назад выкладки Шеллинга могли бы показаться передовыми. Но после революции во Франции, после книг молодых гегельянцев и работы ученика Гегеля Фейербаха, который освободил человека от бога, Шеллинг оказался отставшим от идей времени.

«Таким образом, мы... можем только сожалеть, что такой человек, как он, попал в западню веры и несво-

боды, — писал Фридрих, прокомментировав шеллинговские идеи. — Когда он еще был молод, он был другим. Свободно и смело пускался он тогда в открытое море... Но огонь угас, мужество исчезло. Смелый, весело плывущий по волнам корабль повернул вспять, вошел в мелкую гавань веры и так сильно врезался килем в песок, что и по сию пору не может сдвинуться со своего места... И никто не узнает в старой негодной рухляди прежнего корабля, который вышел в море на всех парусах...»

Книгу Энгельс закончил так: «День великого решения, день битвы народов приближается, и победа будет за нами!»

Правительственные газеты негодовали. Эдгар каждый день раскладывал на столе перед Фридрихом новые газетные статьи, подчеркнутые красными чернилами.

— Опять о вас, сударь. Вы становитесь весьма известной фигурой.

Какой-то газетчик, затершийся в их компанию, решил выдать тайну псевдонима Фридриха и расспрашивал младогерманцев:

«Не является ли вашим вождем тот барменский приказчик, который печатает свои нападки то анонимно, то под псевдонимом в брошюрах и журналах?»

Через неделю Бауэр показал Энгельсу большую статью, которую написал сам Руге в «Летописях». Руге положительно оценивал работу:

«Начало и конец книги обнаруживают склонность к образному языку и яркий огонь воодушевления. В изложении и критике шеллинговской философии господствует спокойствие и очень ясная позиция».

А Фридрих с Эдгаром сочиняли в это время комическую поэму. В ней они вывели своих врагов и друзей. И себя не забыли тоже.

Главным героем поэмы был Бруно Бауэр. Недавно по королевскому приказу его уволили из университета. Властям показалась слишком смелой его книга, крити-

кующая современное богословие. В поэме безбожники во главе с Бруно боролись против святош и совершили революцию даже в аду.

— Что новенького сочинили сегодня? — заранее по-смейваясь, интересовался толстяк Мейен, редактор «Атенея». И ему читали записанные на обрывке счета только что сочиненные строки:

А вот и *Мейен* вслед! Он обратил вниманье
Европы на себя — надежда вражьих сил,
Он в чреве матери Вольтера изучил..
А тот, что всех левей, чьи брюки цвета перца
И в чьей груди насквозь проперченное сердце,
Тот длинноногий кто? То Освальд — монтаньяр!
Всегда он и везде непримирим и яр.
И лишь к единственной привержен каватине,
К той именно, где есть всего один рефрен:
«К оружию, граждане! Сплотитесь в батальоны!..»

Скоро строки из поэмы стали переписывать и читать на студенческих вечеринках.

И хотя Фридрих не был знаком с Марксом, он столько за эти месяцы наслышался о нем историй, легенд, что описал его в поэме самым отважным из грешников:

Кто мчится вслед за ним, как ураган степной?
То *Трира* черный сын с *неистовой* душой.
Он не идет — бежит, нет, катится лавиной,
Отвагой дерзостной сверкает взор орлиный,
А руки он простер взволнованно вперед,
Как бы желая вниз обрушить неба свод.

1842 год. Весна — лето — осень

— От королей свободы не дожидаться, каждый должен освободить себя сам, — говорили братья Бауэр. — Важно в собственном сознании отменить государство и церковь — только так сейчас станешь свободным.

И берлинские друзья Энгельса стали называть себя «Свободными».

Эта мысль: почувствуй себя свободным в своем сознании, и дело сделано — увлекла поначалу и Фридриха. Он даже напечатал о «Свободных» в газете корреспонденцию.

С Гуцковым и «Молодой Германией» Энгельс к тому времени уже порвал.

Под предводительством Эдгара Бауэра и толстенького Мейена, нагрузившись пивом, они бродили вечерами по улицам и кричали:

— Мы свободны, господа филистеры! Мы свободны!

Их скандалы развлекали полицию.

— Давайте переоденемся в нищих и пойдем в уличный поход, — предлагал Эдгар. — А когда окажемся рядом с церковью, покричим петухами или по-ослиному. Будем всячески доводить филистеров!

И Фридрих скоро понял: если каждый вечер устраивать балаганы и накачиваться пивом, сам превратишься в филистера — свободу завоевывают не петушиными криками.

В Кёльне, в центре развивающейся Рейнской области, где уже строились заводы, а по реке ходили пароходы, с начала года стала выпускаться «Рейнская газета». И «Свободные» принялись активно с ней сотрудничать. За один только май у Фридриха были напечатаны статьи в четырех номерах.

Книгу Энгельса о Шеллинге читали уже в Петербурге. Единомышленники Белинского готовили статью о ней в прогрессивных «Отечественных записках». А известный демократ, поляк Эдвард Дембовский, прочитав книгу, назвал автора одним из выдающихся философов современности.

Об авторе спорили. Издатель «Ежегодников» Руге познакомился с молодым русским революционером Бакуниным и решил, что автор книги — он.

«Прочти же брошюру «Шеллинг и откровение», она принадлежит перу одного русского, Бакунина, который сейчас живет здесь. Подумай только, этот любезный мо-

лодой человек оставил позади всех старых ослов в Берлине», — написал Руге своему другу.

Узнав имя настоящего автора, он тут же отправил Энгельсу почтительное письмо, где называл его доктором философии и сообщал, что ждет от него новых статей.

Фридрих послал ему статью, в которой сделал приписку:

«Кстати, я вовсе не доктор и никогда не смогу им стать; я всего только купец и королевско-прусский артиллерист. Поэтому избавьте меня, пожалуйста, от такого титула».

Уже после первых статей Маркса в «Рейнской газете» Фридрих понял, что не зря ходили о таком человеке легенды: настолько глубоки и точны были эти работы. Летом стали поговаривать о том, что Маркс становится одним из главных сотрудников газеты.

— Я послал в «Рейнскую» уже десяток статей, но почему-то он их не печатает, — ворчал Мейен.

«И я бы их не напечатал, — подумал Фридрих. — Одно напыщенное и скандальное фразерство».

От «Свободных» он отходил все дальше.

В августе и сентябре, последние месяцы перед увольнением из армии, он все чаще задумывался о том новом, что почти не освещалось в германских газетах.

Из Парижа вернулся Гуцков и рассказал о существующих там коммунистических общинах немецких рабочих-эмигрантов. Ими руководил портной Вейтлинг. Гуцков упоминал еще рабочего Шаппера и часовщика Молля. Эти рабочие люди уверяли в своих статьях, что через несколько веков человечеству будут неизвестны деньги, армия и нации. Их наивные идеи Гуцков высмеивал, но Фридриха они привлекали.

Шесть лет назад немецкие рабочие организовали в

Париже «Союз справедливых». А этим летом тысячи рабочих бастовали в Англии. О рабочем движении, о коммунизме писал страстные статьи Гейне:

«Хотя коммунизм теперь мало обсуждается, тем не менее он тот герой, которому предназначена великая роль в современной трагедии».

Снова, как в Бремене, Фридрих чувствовал вокруг себя пустоту — посоветоваться, поделиться будоражащими мыслями было не с кем. Лишь один человек, которого он знал по статьям, Карл Маркс, притягивал его все сильнее.

В октябре, возвращаясь из Берлина домой, Энгельс специально заехал в Кёльн, чтобы с ним встретиться.

Маркса в тот день в Кёльне он не застал.

1842 год. Октябрь — ноябрь

Дома Фридрих пробыл недолго. В первое же воскресенье он не пошел вместе с семьей в церковь, и вечером у него состоялся крупный разговор с отцом. Разговор происходил в кабинете, при плотно закрытых дверях.

— Ходят слухи, что ты печатаешь в газетах ужасные вещи. Я, правда, не читал их, не знаю. — Отец был взволнован и опечален одновременно. — Я боюсь, что ты забыл историю капитала нашей семьи, и вынужден напомнить тебе ее. — Отец помолчал немного. — Твой прадед, Йоганн, выбиваясь из сил, откладывал гульден к гульдену. Дед Каспар уже был человеком в обществе известным, завещал нам капитал, благодаря которому нас и уважают всюду. Ты лежал в колыбели, сын, а я уже мечтал, как ты вырастешь и встанешь рядом со мной. Как вместе мы умножим капитал и наша фирма станет известной во всем мире. Чтобы нас узнавали в любой цивилизованной стране: «О, это те самые Энгельсы!»

— Скажи, отец, а где похоронили того ребенка... помнишь, он еще кашлял, когда ты привел меня в первый

раз на фабрику? Я бы хотел положить цветы на его могилу.

Отец с горечью усмехнулся.

— Знаю, в чем ты хочешь меня упрекнуть. Между прочим, на нашей фабрике условия намного лучше, чем на других в Бармене. И поэтому рабочие трудятся старательнее. А те разрушительные идеи, которых ты нахватался в Берлине, быстро улетучиваются, как только человек становится взрослым и постигает, что ему надо содержать дом, кормить семью и оставить кое-что своим детям. Слава богу, эти идеи пока еще не доходят до Вупперталя.

Энгельс-старший взглянул на сына. Фридрих молчал.

— Я буду говорить с тобой открыто. Я не хочу, чтобы знали, что у старосты церковной общины сын — безбожник. Всем нам будет спокойнее, если ты будешь жить не в Бармене, а, скажем, в Манчестере. Там в нашей фирме освободилось место конторщика. Опять же и компаньоны прекратят свои делишки за моей спиной, если их станешь контролировать ты.

16 ноября

По дороге в Англию Энгельс снова заехал в Кёльн.

Он поднялся по полутемной лестнице на третий этаж и открыл дверь редакции «Рейнской газеты».

Он узнал Маркса сразу, хотя никогда не видел прежде. В Берлине Фридрих часто слышал о его крупной голове и черных смоляных кудрях...

Маркс посмотрел на вошедшего, кивнул, указывая на стул, и снова вернулся к груде типографских листов, над которыми сидел. Пробежав текст глазами, поморщился, вычеркнул строку, отмеченную красным. Только после этого встал и протянул руку.

— Простите меня, но надо срочно сдавать номер... У вас ко мне дело?

— Я Энгельс из Бармена, — отрекомендовался Фридрих. — Подписываюсь псевдонимом «Освальд». Приехал с вами познакомиться.

Маркс взглянул на него с удивлением.

— Освальд — друг Бауэра и берлинских «Свободных»?

Хотя Фридрих от «Свободных» уже отошел, но решил воздержаться от объяснений. Это могло показаться скороспелым предательством прежних друзей. И он согласно кивнул.

— Очень хорошо, что вы здесь. Скажите, а как вы относитесь к их идиотским скандалам? — неожиданно спросил Маркс.

— Не одобряю.

— Что ж, по крайней мере, в этом мы с вами сошлись.

— Но «Свободные» ведут пропаганду передовых идей, — попытался защитить их Фридрих.

— Ничего они не ведут. Они лишь болтают об этих идеях, засыпали меня нелепыми статьями и требуют, чтобы я их немедленно напечатал. Мне же приходится каждый день бороться с цензором, с владельцами газеты. Одна ошибочная статья — и газета будет навсегда закрыта. А что поделявают братья Бауэр там, в Берлине? Я возлагал надежды на старшего, на Бруно, думал, хоть он придаст борьбе серьезный характер...

Разговор продолжался, и Фридрих понял, что Маркс по-прежнему объединяет его со «Свободными».

— Есть важное дело, а есть лишь крики об этом деле — и путать их преступно. Так и сообщите в Берлине своим друзьям.

— Я еду не в Берлин, а в Манчестер, в Англию.

— Зачем же я тогда все это на вас обрушил! — Маркс улыбнулся. — Да-да! Мне говорили, что в Берлине вы проходили военную службу... — Он на секунду задумался. — А то, что вы едете в Англию. — это прекрасно. У нашей газеты будет там собственный кор-

респондент, если, конечно, вы согласитесь посылать мне статьи после всего, что я сказал сейчас о «Свободных».

— Я вышлю их вам непременно, как только осмотруюсь.

— Отлично! — Маркс протянул руку в знак прощания и вновь сел за стол, заваленный типографскими листами.

Оказавшись на улице, Фридрих яростно ударил кулаком по стене дома.

Не таким он представлял первый разговор с Марксом.

Найти наконец настоящего, родственного по духу человека и держаться с ним таким идиотом!

Хотелось снова подняться по лестнице и поговорить с Марксом не торопясь, о многом посоветоваться. Энгельс был уверен — их отношения сразу стали бы дружескими.

Но было поздно.

АНГЛИЯ

*Социалистом Энгельс сделался
только в Англии.*

В. И. Ленин. Фридрих Энгельс

1842 год. Декабрь

Фридрих отправил первую статью Марксу через день после приезда в Лондон. А всего таких корреспонденций о свежих впечатлениях из Англии он написал пять. Маркс печатал их весь декабрь.

«...Только насильственное ниспровержение существующих противоестественных отношений, радикальное свержение дворянской и промышленной аристократии может улучшить материальное положение пролетариев», — писал уже тогда Энгельс.

Но если бы его спросили, кто же займется этим свержением, скорее всего он растерянно пожал бы плечами.

Все знали, что общество больно. «Наша страна нездорова», — писали газеты во Франции, в Пруссии, в Англии... Но еще никто не знал, куда идти и как делать революцию.

1843—1844 годы

Фридрих не видел прежде паровозов и с удивлением смотрел, как кочегар ведрами наливает в котел воду.

Паровоз зашипел, потом выпустил тонкую, резкую струю пара.

Из здания вышел служитель, которого можно было принять за генерала, так расшита была его форменная одежда. Он важно ударил в большой медный колокол, громко объявил об отправлении.

Это было чудо, только лишь появлявшееся на конти-

ненте. А в Англии железные дороги соединили уже все крупные города.

Энгельс ехал в город своей будущей работы. Подъезжая к нему, Фридрих увидел огромную черную тучу, наползающую из-за горизонта.

— Какое странное облако! — сказал он соседу.

— Манчестер, сэр.

Вскоре показались и высокие фабричные трубы, из которых облака угольной гарь лезли к небу.

— Ничего не поделаешь, сэр. Те, кто имеет здесь фабрики, делают хорошие деньги, остальные мрут от чихотки.

Итак, Фридрих снова стал конторщиком, теперь фирмы «Эрмен и Энгельс». Окна конторы выходили на тесно заставленный двор. Там хранились тюки хлопка, трикотажная пряжа, нитки для шитья — продукция фабрики.

Фридрих вел всю переписку, посещал биржу, заключал договоры с торговыми агентами других фирм, иногда уезжал по делам фабрики в соседние города. В обед, когда другие конторщики уходили отдыхать, Фридрих продолжал работать. В эти минуты он успевал сделать выписки из бухгалтерских книг братьев Эрмен, компаньонов отца. Выписки он пересылал в Бармен: отец сравнивал их с теми цифрами, что присылали сами компаньоны.

Работы здесь было больше, чем у добродушного консула Лейпольда в Бремене.

Жилье он снял поблизости от работы, в тихом и чистом квартале.

Скоро Фридрих познакомился с Мери Бернс — тоненькой невысокой ирландской девушкой. Мери была простой работницей — работала по десять часов на фабрике. И ее отец и младшая сестра тоже были рабочими.

Но у девушки хватало сил, чтобы после изнурительного труда читать книги. На второй день знакомства она удивила Фридриха, прочитав наизусть стихи Байрона — как раз те, которые он переводил в Бремене.

Это она, Мери, привела его в районы Манчестера, где жили только рабочие. Там, по грязным улицам, роясь в отбросах, бродили бледные, рахитичные дети. В полуразвалившихся жилищах за грязными занавесками жили по нескольку семей в каждой из комнат. Люди — взрослые и дети, больные и здоровые — спали все вместе на полу. Одна кровать иногда сдавалась сразу трем. Идя по улицам, можно было подумать, что сюда собрали инвалидов войны — столько здесь было хромых, с обрубленными пальцами, с культяпками вместо рук. Это были те, кто работал на фабриках с раннего детского возраста, кто, замучившись от ночной работы, не успел однажды за станком...

— Теперь вы поняли, Фред, чем оплачиваются сытные обеды буржуазии? — спросила Мери.

Мери познакомила его с рабочими, и они оказались людьми, тянущимися к знаниям. Они покупали дешевые книги, собирались на воскресные лекции. Они знали о жизни, о культуре своей страны лучше, чем клерки в конторе «Эрмен и Энгельс»...

В Германии еще несколько лет назад ремесленников было гораздо больше, чем рабочих. Каждый имел свой маленький огород, домишко. В семейной мастерской, где работали и дети и родители, — ткали, красили ткани или отбеливали их на соседней лужайке. Таких ремесленников в Бармене было множество, и каждый жил сам по себе.

Промышленность Англии намного опередила Европу. Богатый барменский фабрикант казался в Англии мелким лавочником. Фабрики здесь строились в шесть, восемь этажей. На них работали сотни пролетарцев.

Мери рассказывала о забастовках, которые были про-

шлым летом в Манчестере. На улицы вышли тысячи людей, настоящая пролетарская армия.

— Вы не думайте, что мы умеем только страдать, мы учимся и бороться, — говорила Мери.

Мери посоветовала ему познакомиться с чартистами. Чартисты добивались справедливых законов — народной хартии.

Фридрих специально поехал в другой город, нашел редакцию чартистской газеты «Северная звезда», познакомился с главным редактором.

Это был молодой светлорылый человек. Его звали Гарни.

Они оказались единомышленниками — оба не верили в то, что можно мирным путем передать народу в Англии власть.

— Коммунизм — это единственно возможный вид разумного государства, — утверждал Энгельс. — Это доказала современная немецкая философия.

— Наши социалисты тоже говорят об этом, — соглашался Гарни. — Только они наивные ребята. Уезжают в Америку, совместно покупают там кусок земли и устраивают свою колонию. Потом, конечно, все разваливается.

— Надо переустраивать мир в своей стране, — говорил Энгельс.

— Знаете, что мы написали на членских карточках «Лондонской демократической ассоциации»? — спрашивал Гарни. И сам отвечал: — «Тот, кто не имеет меча, пусть продаст свою одежду и купит его».

С этого дня Фридрих стал постоянным корреспондентом газеты английских рабочих.

Немало в жизни страданий,
Липел и злых тревог.
Кого не замучит дьявол,
Того доконает бог, —

негромко декламировал Веерт.

— Георг! Да вы хоть сами понимаете, что вы талантливый поэт?!

— Бросьте, Фридрих! Я обыкновенный торговый служащий. Увеличиваю прибыль своих хозяев, а сам остаюсь всегда на мели. Стихи эти я написал еще в Германии, как раз перед отъездом сюда...

— И неужели не пытались их напечатать?

— А зачем? К славе Фрейлиграта я не стремлюсь. К тому же в Германии зверствует цензура. «Рейнскую газету» закрыли, «Ежегодники» Руге — тоже.

С Веертом Фридрих встретился в поезде. Несколько лет назад Георг служил в Бармене учеником в торговой фирме. Тогда они знали друг друга лишь в лицо. При встрече здесь очень обрадовались.

Веерт жил недалеко от Манчестера и теперь часто бывал у Фридриха.

Они заговорили о книге немецкого подмастерья Вейтлинга — организатора общины немецких эмигрантов-рабочих в Париже. Вейтлинг был беден. Рабочие собрали деньги, чтобы напечатать его книгу «Человечество как оно есть и каким оно должно было бы быть».

— Подмастерье портного опередил в своей книге философов и французских и немецких, — сказал Энгельс.

— Я читаю ее уже второй раз и восхищаюсь ею! — подхватил Веерт.

— А знаете, Георг, эта книга хороша, но только для нынешних условий. — Фридрих встал и заходил, волнуясь, по комнате. То, что он собирался сказать сейчас, он открыл для себя недавно. — Здесь, в Англии, есть то, чего нет пока в Европе. Это — рабочий класс. И он выступает как реальная сила в политике. У нас же, в Германии, пока в основном ремесленники. Сам Вейтлинг тоже ремесленник, и книга его написана для таких же, как он. Через несколько лет, когда на континенте сложится рабочий класс, надо будет писать новую книгу.

— Пока мы будем писать книги, рабочие просто возмут власть и создадут свое государство, — пошутил Веерт.

— Без четкой научной теории создать государство не так-то просто, — ответил Фридрих серьезно. — Если даже маленькие колонии социалистов через несколько лет распадаются...

В том же, 1843 году, весной, Энгельс съездил в Лондон.

На окраине города в какой-то лачужке он отыскал «Просветительное общество немецких рабочих». Навстречу поднялся высоченный богатырь, протянул могучую руку, представился.

— Я много слышал о вас, Шаппер. Ведь это вы после неудачного восстания в Париже сидели в тюрьме Консьержери?

— В тюрьмах я посидел немало, — гигант усмехнулся. — Однако хотя вы пока и не успели познакомиться с тюремщиками, о вас я слышал тоже и ваши статьи читал.

Шаппер познакомил Фридриха со своим другом, часовщиком Иосифом Моллем.

Молль, в плечах такой же широкий, как Шаппер, только пониже ростом, добродушно щурился, разглядывая Фридриха.

На столе у них Фридрих увидел книгу Вейтлинга.

— Когда я прочитал эту книгу, то понял, каким должно быть человечество! — говорил Шаппер. — Да, самый главный враг — это собственность. Француз Прудон правильно написал: «Собственность — это кража». Удастся поделить все поровну — наступит коммунизм и люди станут братьями.

— Думаю, что если люди поделят все поровну, то коммунизм от этого не наступит, — возразил Энгельс. —

Я считаю, что коммунистические идеи появились как результат всей немецкой философии.

Он стал рассказывать о философах Канте, Гегеле, о современных работах и вскоре почувствовал, что рассказ превратился в лекцию. В дом зашел сапожник Бауэр, друг Шаппера и Молля, тихо сел и тоже стал слушать.

Наконец Фридрих кончил.

Несколько минут все сидели молча, допивая холодный чай.

— Из всего, что мы услышали, я понял, что вы тоже наш, только идете к коммунизму от головы и сердца, а мы — от своей бедности. Вы представляете жизнь, в которой нет ни одного несчастного человека?

— Честно говоря, не очень, — смущаясь, ответил Фридрих.

— А я представляю. Ведь все несчастья мира, и болезни, и пьянство — от нашей нищенской жизни, — убежденно сказал Молль. — Стоит разделить богатства мира поровну — и люди будут равными и счастливыми.

Они предложили Энгельсу вступить в тайную общину немецких рабочих «Союз справедливых», но он не согласился.

— Борьба должна быть открытой, — объяснил свой отказ Фридрих, — без тайных группировок и мелких заговоров.

И все же он был счастлив, что познакомился с настоящими людьми. Это были первые революционные пролетарии, которых он узнал.

За последние полтора года в жизни Маркса многое переменилось. Он был уже женат. После закрытия властями «Рейнской газеты» заниматься издательским делом в Германии стало для него невозможным. Вместе с редактором «Галлеских», а потом «Немецких ежегодни-

ков» — Руге Маркс переехал в Париж. Там они решили издавать «Немецко-французский ежегодник». Стихи для сборника обещали Гейне, молодой революционный поэт Гервег, собиравшийся написать статью Бакунин.

Фридрих получил письмо от Маркса. Его тоже приглашали сотрудничать в «Ежегоднике».

Энгельс обрадовался приглашению.

К этому времени было уже написано немало книг о будущем человечества. Каждая предлагала свои наивные рецепты, как перестроить и улучшить жизнь людей. С полным правом эти книги можно было назвать социальными утопиями.

Утописты не знали, не понимали экономических законов, по которым развивается общество. Энгельс в этом убедился, когда перечитал все их книги.

Вечерами после работы Фридрих сидел в Чатамской библиотеке, которая помещалась в старинном замке. Там было тихо, малоллюдно. Он конспектировал труды английских экономистов, постигая тайные пружины, которые двигали капиталистическим хозяйством.

Фридрих Энгельс чувствовал, что стоит перед открытием, и этим открытием он должен был поделиться со всем человечеством.

Конечно, любая политическая теория неполноценна, если автор ее незнаком с немецкой философией, не знает экономических законов, открытых англичанами, и планов французских утопистов на то, каким станет общество будущего. Но кто, какие люди, вооруженные этой политической теорией, возьмутся перестраивать мир? Писали об этом тоже многие. Одни говорили, что мир переделают все вместе — короли, крестьяне, фабриканты и землевладельцы. Они поймут, что жить надо по справедливым законам, и, проснувшись однажды утром, примутся перестраивать жизнь. Это было смешно.

Вейтлинг, Прудон были уверены, что революцию произведут мелкие ремесленники и люмпены — обнищавшие люди, бродяги. Третьи смотрели с надеждой на крестьян.

Но он, Энгельс, знал сейчас твердо, кто в ближайшем будущем всерьез возьмется перестраивать мир.

Многие полагали, что главное достижение капитализма — быстродействующие станки, железные дороги и пароходы. А главным стал рабочий класс, который уже сформировался в Англии и именно сейчас, в эти годы, формировался в Германии и во Франции. Этот класс уже заявлял о себе восстанием рабочих в Лионе, баррикадами в Париже, забастовками и демонстрациями чартистов в Манчестере. Европейские аристократы и буржуа содрогались перед набравшим силу новым сословием.

Именно рабочие будут способны произвести революцию в обществе. Эта мысль и была открытием Фридриха, результатом постоянных раздумий и поисков.

— Я пошлю Марксу две статьи, очень для меня важные. Одна называется «Наброски к критике политической экономии». Другую можно назвать короче: «Положение Англии».

— Фред хочет писать большую книгу, специально об английских рабочих, — сообщила Веерту с гордостью Мери. — И мои друзья помогают ему, достают нужные сведения с фабрик.

— Об этом говорить рано, я о ней пока лишь думаю, — смутился Энгельс.

— Знаете, Фридрих, я часто возвращаюсь к мысли, что мне здорово повезло, когда я встретил вас в поезде. Подождите, не смотрите на меня с такой улыбкой, — протестующе поднял руку Веерт. — Это не пустые слова...

Весной 1844 года Фридрих получил первый том «Немецко-французского ежегодника».

Там были и обещанные стихи Гейне, и политическое письмо Бакунина. Но главное место занимали статьи Маркса и Энгельса.

Энгельс внимательно прочитал сборник. Он понял, что Маркс подошел к той же мысли, которая несколько месяцев назад озарила и его жизнь. Рабочий класс — вот главная действующая сила новой истории.

В конце августа 1844 года Фридрих отработал последний день в конторе «Эрмен и Энгельс». Он считал, что покончил навсегда с постылой коммерцией.

Его ждали дома. Но он решил сделать крюк — ехать в Париж, чтобы встретиться с Марксом.

Как он мечтал о дружбе с ним! И как страшился он этой встречи! Как боялся ошибки. Ошибки своей в Марксе. Или что Маркс не разглядит в нем, Фридрихе, того настоящего, глубинного...

От самых первых минут, может быть, от первого взгляда, которым обменяются они при этой встрече, зависело многое, зависела жизнь.

НАЧАЛО ВЕЛИКОЙ ДРУЖБЫ

*Еще улыбку подари одну,
И я поеду из страны в страну.*

Г е о р г В е е р т

Дверь открылась, едва он дотронулся до звонка. Маркс почти не изменился за два года — та же копна кудрей, черная борода.

— Вы ко мне? — начал он было удивленно, но тут же перебил себя: — Дружище Фридрих, ведь это вы? Как я рад, что вы, наконец, приехали!

— Я ненадолго, доктор Маркс. Еду из Лондона домой, в Бармен, и вот решил сделать крюк...

— Да входите же! Вы сделали отличный крюк! Жаль, что жена моя с дочкой уехали к матери, а то бы я вас познакомил с двумя великолепными дамами, одной из них уже полгода. Женни постоянно вспоминает ваши статьи в «Ежегодниках». Надеюсь, вы все-таки задержитесь в Париже и наконец мы с вами наговоримся.

И Фридрих ответил:

— Да, доктор Маркс, я задержусь.

— Жаль, что и Ленхен отправилась вместе с Женни, она славная девушка и сварила бы нам сейчас прекрасный кофе. А теперь будем пить, что получится. Так вот, твоя статья в «Ежегоднике», — они как-то незаметно уже перешли на «ты», — гениальный очерк политической экономии.

— Боюсь, ты преувеличиваешь.

— Именно твои статьи, Фридрих, повернули меня к изучению экономических работ. Счастье, что ты так далеко ушел от «Свободных».

— Недавно мне попалась их газета. Там столько нелепиц, я хохотал над ними целый вечер...

Они уже собрались уходить, когда Маркс протянул несколько газетных вырезок.

— Это для тебя. Последние статьи наших бывших друзей из «Свободных». Мне бы хотелось знать, что ты о них думаешь... Пожалуй, с этим святым семейством братьев Бауэр придется бороться всерьез.

Марксу надо было зайти в редакцию газеты «Вперед».

— Пойдем вместе, — предложил он. — Там после закрытия «Ежегодника» собрались все радикальные силы. Гейне, Гервег, Гесс, Бакунин — тот даже живет в редакции. Газета получается полосатой, но другой пока нет.

В большой комнате было накурено, шумно, несколько людей что-то громко доказывали друг другу.

Энгельс узнал Гервега и другого — высокого русского — Бакунина.

— Да-да, Фейербах развил именно эту мысль Гегеля! — убеждал Бакунин собеседников. Едва увидев Маркса, он тотчас пошутил: — Умолкаю! Говорить о Фейербахе и Гегеле в присутствии Маркса все равно, что играть при Шопене одним пальцем на фортепиано.

Маркс, энергично со всеми поздоровавшись, перешел в другую комнату, чтобы поговорить с издателем, а к Энгельсу сразу приблизился поэт Гервег:

— С тех пор как мы с женой проводили медовый месяц в Остенде, я ведь вас не видел, Фридрих! Бакунин, познакомьтесь, это Фридрих Энгельс. Помните его статьи? Он тогда подписывался «Ф. Освальд». Вся Германия их читала! Да еще бы вам не помнить, Бакунин, когда его книгу о Шеллинге приписали вам!

— А ведь я знаю вас... — Бакунин наконец узнал Фридриха. — Мы вместе слушали лекции в Берлинском

университете. Вы тогда ходили с младшим из Бауэров. Помните первую лекцию Шеллинга? А сейчас, я слышал, вы уезжаете из Англии? Судя по вашим статьям, вы здорово продвинулись вперед.

— Ваше письмо я тоже читал в «Ежегоднике», — вежливо ответил Энгельс.

— Ерунда, — отмахнулся Бакунин, — сейчас я задумал большую работу о Фейербахе — вот это серьезно. Как вы считаете, куда лучше сегодня пойти? — перескочил он без всякого перехода на другую тему. — Можно к Жорж Санд, у нее соберутся Шопен, Ламеннэ, а можно на собрание общины коммунистов.

— Они вас допускают на свои собрания? — удивился Фридрих.

— Я у них свой человек. Святые люди эти ремесленники-коммунисты. Пойдемте вместе... — Бакунин заметил, что Энгельс с удивлением оглядывает комнату.

— Не удивляйтесь, я как раз здесь и живу. После того как царь лишил меня подданства, я стал цыганом. Все мое имущество — это сундук с книгами, на котором сейчас сидит Гервег, да цинковый кубок — его мне подарил хозяин квартиры. — Бакунин обвел помещение рукой. — Ага! Еще раскладная кровать — она тоже от хозяина. Думаю, через пару месяцев придет революция и все заживут примерно так же.

Энгельс хотел было не согласиться насчет революции, но тут вошел Маркс, и втроем они решили пойти на собрание коммунистической общины.

Два раза в месяц подмастерья-портные, последователи Вейтлинга, снимали для своих собраний дешевый кабачок.

Здесь было удивительно чисто. За составленными вместе столиками сидели люди с просветленными лицами. Они обсуждали, как станут жить и воспитывать детей

при коммунизме. У всех была заказана одинаковая простая еда и дешевое вино. Бакунина здесь знали.

— Я привел к вам друзей — доктора Маркса и Энгельса. Они интересуются коммунизмом, — объявил он.

— Нам известны их работы, — сказал молодой ремесленник с края стола, — а доктор Маркс у нас часто бывает в гостях. Пусть садятся вместе с нами, привет им и братство.

— У меня есть еще вопрос. — Пожилой портной, видимо, продолжил прерванный разговор. — Вы хотите, чтоб у всех всего было поровну. А как же быть с детьми? Если в одной семье шесть детей, а в другой — лишь один, то у них не будет одинаковых условий для развития.

Каждый стал высказываться, что об этом думает.

Бакунин вмешался тоже, бурно стал доказывать что-то свое...

— Удивительно! — сказал Маркс, когда они возвращались после собрания. — Две недели люди работают и живут в тяжелейших условиях, а потом собираются вместе, чтобы помечтать о коммунизме.

— Это не мечты, Маркс! Я уверен, что вот-вот произойдет общеевропейская революция! — заспорил Бакунин.

— И все же то, что мы слушали сегодня, — это хорошие, добрые фантазии, но идущие от невежества. — Маркс говорил всегда очень горячо, убедительно. — Вейтлинг сделал огромное дело — он собрал ремесленников в общины. На сегодня ни один социалист в Европе не написал умнее и глубже о будущем обществе, чем он, рабочий Вейтлинг. Но и его книга построена лишь на вере. А здесь нужна не вера, наука!

— И мы должны доказать, что социализм — это обязательный результат развития нашего общества, а также результат развития европейской философской мысли, — подхватил Энгельс.

— Правильно, Фридрих! Я думаю точно так же... А книга Вейтлинга скоро может стать прошедшим днем и потянет тех же рабочих назад, если не появится серьезных научных работ.

В этот утренний час Энгельс бродил по улице Ванно, не решаясь подойти к дому Маркса. Для визита было, пожалуй, рановато.

Хмурые, заспанные приказчики убирали тротуары около своих лавок, выносили под окна товары.

Поразительная вещь, в который раз думал он. Похоже на то, что в мире лишь двое людей знают главный путь развития общества. Это Маркс и он, Фридрих. «Именно рабочим, пролетариату будет принадлежать революционная, освободительная роль в истории», — вспомнил он слова из последней статьи Маркса.

Вчера они лишь мельком коснулись этих статей. Энгельс был согласен с каждым словом.

...Наконец он решился: поднялся по лестнице, позвонил. Как и вчера, Маркс открыл сразу.

— Замечательно, что ты пришел, Фридрих!

— После творчества братцев Бауэр, которое ты мне дал читать, долго не усидишь. Так и хочется их отругать.

— Значит, ты со мною согласен?

Маркс принялся готовить кофе.

— Я рад, что мы думаем одинаково. Братья Бауэр уверяют, что народ, масса лишь вредный груз для истории. Творят же историю избранные личности!

— Кто бы мог представить три года назад, что они докатятся до такой нелепости. — Энгельс присел к столу. Маркс разливал кофе. — Не хотелось бы жить в государстве, построенном по их теориям.

— Им надо отвечать, и не откладывая. Пока они не замусорили мозги колеблющимся. У меня есть предложение, правда, я не знаю, как ты к нему отнесешься...

— А почему бы нам не ответить на их статьи вместе? — спросил Энгельс, улыбаясь. — Я понял твое предложение верно?

— Верно. — Маркс тоже улыбнулся. — Ты хорошо знаешь Эдгара, даже сочинял кое-что с ним на пару, а я дружил со старшим братом, Бруно.

— И наше общее мнение произвело бы в Германии впечатление, — договорил Энгельс. — Я думаю, работу надо начать немедленно.

Все утро они обсуждали план будущей книги.

— Выпустим ее отдельной брошюрой, — предложил Маркс, — кое-что я уже набросал.

Они спустились вниз, пообедали в дешевом ресторанчике, и Энгельс отправился в гостиницу.

Утром он уже читал Марксу первую главу: «Критическая критика в образе переплетного мастера, или Критическая критика в лице господина Рейхардта».

Маркс кивал ободряюще.

— Получилось блестяще, — сказал он, когда Энгельс кончил. — Если так пойдет дальше, читатели станут учить наизусть приведенные тобой цитаты, чтобы забавлять ими друг друга, настолько ты выявил их нелепость и пошлость.

Через восемь дней Энгельс читал Марксу последнюю главу.

— Что ж, поработал ты отлично. Свою я тоже допишу быстро.

— Завтра я уезжаю. — Энгельс сказал это с грустью.

— Что ты думаешь делать дальше?

Энгельс несколько минут молчал, потом пожал плечами.

— Коммерция мне ненавистна, но денег нет. Да и английскую книгу я должен кончить быстрее... А там, я думаю, нас освободит революция или отправят на гильотину. — Теперь он уже улыбался.

...Скоро Маркс получил письмо.

«Ни разу я еще не был в таком хорошем настроении и не чувствовал себя в такой степени человеком, как в течение тех десяти дней, что провел у тебя», — писал Энгельс из Бармена.

1844 год. Сентябрь

Конечно же, его тянуло домой. Всякого тянет в родной дом, как бы там ни жилось... Но в то же время было и другое — ехать домой ему не хотелось.

В Англии он ездил только на поездах, а сейчас сидел в допотопном запыленном дилижансе. Напротив, нажав на глаза шляпу, положив на колени рыжий саквояж, всхрапывал толстый попутчик, в бок упирался локоть другого соседа, а сверху иногда раздавался рожок почтальона, сидящего на козлах рядом с кучером в красном сюртуке с галунами.

Дорога свернула к долине реки Вуппер...

Здравствуй, город Эльберфельд и на другом берегу — Бармен, привет тебе, центр пиетизма, унылой, пустой жизни, посвященной церковным проповедям да пересчету гульденов и зильбергрошей.

— Фридрих, родной мой! Какой ты стал мужественный. — Это мама. — И борода! Посмотрите, у него настоящая борода!

— Борода не грех, если даст успех! — Это отец. — Жаль, твой брат Герман не дождался тебя, как раз проводили его вчера на военную службу. А то бы имел честь передать тебе свой стол в конторе лично.

А рядом уже взрослая девушка, его сестра Мария.

Да, конечно, Фридрих знает, что она готовится выйти замуж. И с женихом знаком, Эмилем Бланком, молодым лондонским купцом. О том, что Эмиль, род-

ственник барменских Бланков, мечтает забросить коммерцию, потому что сочувствует идеям социализма, надо, конечно, молчать.

А там младшие сестры. Девочки тоже подросли.

— Готовятся к конфирмации! — гордо объявил отец.

И младшие братья.

— Ну-ка, бегом, несите свои тетради, похвастайтесь старшему брату оценками!

Но тут вступилась мама.

— Боже мой, дайте ему хоть присесть с дороги, умыться! Твоя комната, Фридрих, всегда твоя. Она ждет тебя.

А его комната наверху! Такая стала маленькая, неужели это она, родная его крепость, где удавалось прятать от отца увлекательнейшие книги и где по два часа отстаивал он на коленях перед распятием над дверью, если отец их обнаруживал?

Отец поднялся к нему по лестнице.

— Итак, мой сын, когда радостные минуты встречи прошли, я хотел бы знать, осознал ли ты наконец глубину своих юношеских заблуждений? Каковы твои планы?

Что лучше, прикинуться: «Осознал, виноват, исправлюсь» — или, наоборот: «Хочу и буду, потому что ваши убеждения мне отвратительны»? Или... лучше отгородиться?

— Я хотел бы месяца два заниматься науками. А потом, если ты позволишь, хотя бы год поучиться в университете.

Отец недовольно кивнул. Будь его воля, сразу, завтра с утра, — за стол в контору, и весь день подсчитывая туки хлопка, ниток, пряжи. А вечером, подведя итог, довольно посмеиваясь при виде вырученной суммы.

Но все-таки отец справился с собой.

— Хорошо, несколько месяцев я готов оплачивать

твои научные занятия. — И тут же добавил: — Разумеется, насколько позволяют наши средства.

Стало легче. Они, как два опытных борца, решили сначала примериться друг к другу и лишь потом начать главный бой.

Вот и в воскресенье предстоит семейный поход в церковь. Как отец поступит на этот раз, если его старший сын, сын самого церковного старосты, останется дома?

Тут уж Фридрих не уступит! Зато отец поведет себя осторожнее.

Вечером Фридрих решил прогуляться по городу.

— Я бы не советовал тебе ходить одному, — сказал неожиданно отец.

— Почему? — удивился Фридрих.

— Ограбят.

— Но у меня ничего нет.

— Увы, наш город сильно переменился. — Отец как-то грустно усмехнулся. — Теперь мы хозяева лишь днем, вечером же лучше крепче запереть двери и сидеть тихо. Меня-то, конечно, все знают. И я хожу смело. А незнакомого эти господа сначала прирежут, а потом станут разбираться, пусты ли у него карманы.

— Фридрих, послушай отца, лучше останься дома. Эти рабочие, говорят, совсем распустились, — стала уговаривать мама. — А отец еще внес деньги на их просветительное общество.

— Не я один, дорогая, деньги внесли многие.

— Что же, рабочие избрали такую форму протеста?

— Это не протест, это обыкновенный грабёж. А бургомистр занимается неизвестно чем, вместо того чтобы навести в городе порядок, — закончил отец раздражённо.

Город действительно изменился.

Фридрих шел вдоль реки Вуппер мимо нижебарменской церкви к старинному мосту, ведущему в Эльберфельд, и на месте широких лужаек видел корпуса фабрик Там, где были рощицы, строили дома, а вода в Вуппере стала еще более густой, красной от многочисленных стоков, которые неслись из красилен.

В прежние годы вуппертальское общество почти не читало газет. Пожалуй, первые журналы, которые увлеченно изучали здесь, были те самые номера «Телеграфа» со статьями Фридриха о Вуппертале. Теперь каждый служащий конторы в обед нес с собою газету. О политике говорили прямо на улице, а когда Фридрих встретил бывшего соученика, а теперь молодого коммерсанта, тот рассмешил его вопросом:

— Фридрих, ты ведь из Англии? Ну что, там уже поняли, как надо управляться с рабочими? Все-таки передовая страна. Честно говоря, на правительство я уже не надеюсь, дерьмовое у нас правительство.

— Конечно, поняли, — ответил подчеркнуто серьезно Энгельс. — Надо устанавливать республику и гнать короля.

В прошлые времена соученик испуганно отшатнулся бы или сделал вид, что не слышит крамольных фраз, сейчас, к изумлению Фридриха, он задумчиво сказал:

— Пожалуй, ты прав. Я тоже так часто думаю.

1845 год. Зима — весна

В доме о чем-то тихо совещалась со старой служанкой мама. Скорей всего о том же, о будущей конфирмации сестер.

Энгельс на мгновение отложил перо...

«К рабочему классу Великобритании.

Рабочие!

Вам я посвящаю труд, в котором я попытался нарисовать перед своими немецкими соотечественниками вер-

ную картину вашего положения, ваших страданий и борьбы, ваших чаяний и стремлений...»

Рукопись, лежавшая перед ним, была велика. Через несколько месяцев она станет солидной книгой.

Он написал ее здесь, в родительском доме, в своей крошечной комнате наверху, писал осень и зиму, обложившись газетными вырезками, справочниками. Но главными стали записи, которые он сделал там, в Англии, записи о разговорах с рабочими, об «экскурсиях» с Мери в их лачуги. Они запечатлелись, словно на дагерротипе, и заставляли волноваться, едва Фридрих прикасался к ним в своей памяти.

«...Я хотел видеть вас в ваших жилищах, наблюдать вашу повседневную жизнь, беседовать с вами о вашем положении и ваших нуждах, быть свидетелем вашей борьбы против социальной и политической власти ваших угнетателей. Так я и сделал. Я оставил общество и званые обеды, портвейн и шампанское буржуазии и посвятил свои часы досуга исключительно общению с настоящими рабочими; я рад и горжусь этим».

Сначала Энгельс думал, что напишет книгу об истории общественного развития Англии. Положение рабочих было лишь темой для главы. Потом он понял, что сейчас важнее писать именно о рабочих. Он и Маркса торопил в те месяцы. «Нам теперь нужно прежде всего выпустить несколько крупных работ. — они послужили бы основательной точкой опоры для многих полужнаек, которые полны добрых намерений, но сами не могут во всем разобраться. Постарайся скорее кончить свою книгу по политической экономии, даже если тебя самого она во многом еще не удовлетворяет, — все равно умы уже созрели, и надо ковать железо, пока оно горячо».

Летнее восстание силезских ткачей потрясло даже обывателей. Во всех классах общества появились недовольные правительственной политикой. Газеты писали о конституции и равных правах. Интеллигенция, буржуазные демократы стали организовывать собрания, диску-

тировали о жизни рабочих — нового класса Европы, об их будущем, создавали общества для их просвещения.

Энгельс выезжал на собрания в Кёльн, в Бонн, в Дюссельдорф. И всюду он находил людей, настроенных прогрессивно. «Что делать, куда и как идти?» — эти вопросы были по-прежнему главными. Людям были необходимы книги, там они надеялись найти ответы.

Из письма к Марксу. «Пока наши принципы не будут развиты в нескольких работах и не будут выведены логически и исторически из предшествующего мировоззрения и предшествующей истории как их необходимое продолжение, никакой ясности в головах не будет и большинство будет блуждать в потемках».

И он спешил с книгой «Положение рабочего класса в Англии». Ее посвящение заканчивалось так:

«...Я, как и многие другие на континенте, всячески приветствую ваше движение и желаю вам скорейшего успеха.

Идите же вперед, как шли до сих пор! Многое еще надо преодолеть; будьте тверды, будьте бесстрашны, — успех ваш обеспечен, и ни один шаг, сделанный вами в этом движении вперед, не будет потерян для нашего общего дела — дела всего человечества!

Бармен (Рейнская Пруссия),

Фридрих Энгельс.

15 марта 1845 года».

Несколько дней назад Фридрих получил письмо от Маркса. Под нажимом прусского правительства Маркса выслали из Франции. Король не простил ему «Ежегодников», а еще раньше под страхом ареста запретил возвращение в Пруссию.

Женни с маленькой дочкой поселилась у Гервегов. За бесценок она распродавала мебель и вскоре выехала в Бельгию к мужу. Служанку Елену Демут, которая вы-

росла в доме Вестфаленов, они отпустили — платить ей было нечем. Елена не спорила, молча собрала сундучок. А через неделю появилась в Брюсселе и разыскала временное пристанище Марксов. Сказала, что готова жить у них без жалованья, предложила даже собственные сбережения.

Энгельс бросился добывать деньги у знакомых, выслал аванс за свою «английскую» книгу.

«Эти собаки не должны, по крайней мере, радоваться, что причинили тебе своей подлостью денежные затруднения», — писал он Марксу.

В Эльберфельде для дискуссий о коммунизме удалось снять самый большой ресторан. Собралось человек сорок. А на третьем собрании публика стояла даже в дверях — пришло более двухсот человек.

Слушатели расположились за столиками по рангам. Солидно восседала денежная знать. Вдоль стен расселись мелкие лавочники, владельцы мастерских. Отдельно ото всех, словно на собственном заседании, — прокуроры и члены городского суда. Присутствовал сам обер-прокурор. В дальнем углу смущенно жались четверо рабочих — делегаты с фабрики.

— Мы вовсе не хотим разрушать жизнь со всеми ее условиями и потребностями, — утверждал Энгельс, — мы всячески стремимся созидать ее.

После дискуссий в Вуппертале любая статья, публикация о коммунизме расхватывалась мгновенно. Фридрих со дня на день ждал выхода брошюры, которую они начали писать с Марксом в Париже. Маркс за несколько месяцев превратил ее в солидную книгу и назвал «Святым семейством». Фридрих просил снять свое имя с обложки: написанного Марксом было раз в десять больше. Но Маркс, наоборот, поставил имя Энгельса первым.

Отец получал корреспонденцию в контору, туда же приходили и письма Фридриху. Эти письма внимательно осматривали, а потом отец с недовольным видом передавал их старшему сыну.

— Господи, молю тебя, отторгни его от этой ужасной компании! — часто повторял отец как бы самому себе.

Мама плакала уже с утра.

— Фридрих, милый, ну почему ты не можешь порвать со своими друзьями? — спрашивала она. — Ведь ты так хорошо занимался осенью науками!

— Неужели ты до сих пор думаешь, что в своей комнате он вел научные занятия! — прервал ее отец. — Все, что он там делал, — тоже коммунизм!

— Ты не ошибся, — спокойно проговорил Фридрих.

Пора было внести ясность во все.

— И следовательно... коммерцией ты отказываешься заниматься?

— Какая может быть коммерция, отец, при моих убеждениях!

В этот момент в дом явился посыльный. В форме, с золотыми галунами, фуражке с гербом, он принес конверт и толстую книгу.

— Распишитесь, господин Энгельс, в получении постановления господина обер-бургомистра. — Отец недоуменно взял перо, но посыльный с подчеркнутым уважением остановил его. — Нет, господин Энгельс, расписаться должен господин Фридрих Энгельс-младший, это ему конверт.

В постановлении под гербом с прусским орлом сообщалось, что дальнейшие собрания в городе запрещены, а если организаторы, несмотря на запрет, соберутся, то будут немедленно арестованы и привлечены к суду.

— Я знал! Я знал, что именно этим и кончится! — Отец даже застонал. — Лучше бы ты не возвращался из Англии! Как нам спокойно жилось два года! Так опозорить наш дом... Весь наш род!

— Я готов уехать, отец. Например, в Брюссель.
Отец развел руками.

— Ну что ж, пожалуй, это будет лучше для всех.

Весной Маркс с семьей переселился в рабочий квартал на улицу Альянс, 5, поблизости от ворот Сен-Лувеи. Здесь были самые дешевые квартиры.

Энгельс приехал к нему в середине дня.

Дверь открыла молодая женщина с добрым крестьянским лицом. Увидела гостя, улыбнулась.

— Входите, господин Энгельс, мы вас ждем.

«Прислуга сказала бы: «Господа ждут вас», — подумал Энгельс, — верно, это та самая Ленхен, которая прекрасно готовит кофе...»

— Как хорошо, что вы приехали, господин Энгельс! Мы с Карлом только и вспоминали утром, что о вас, и он вот-вот подойдет. — Женни, жена Маркса, проводив Фридриха в гостиную, усадила его в кресло. — А позавчера мы с Ленхен сняли для вас квартиру в соседнем доме — удобно и недорого.

Женни держалась уверенно и просто, приветливо разговаривала, и Фридрих уже в первые минуты почувствовал себя здесь удивительно легко.

— А ведь я давно хотела написать вам, уже больше года назад. — Женни улыбнулась, почувствовав удивленный взгляд Энгельса. — В одном из последних писем вы жаловались Карлу, что все читают в «Ежегоднике» вашу статью об английской истории, экономическую же работу открывают немногие. А я вашу экономическую статью прочитала в рукописи одновременно с Карлом и могу сказать — статья очень основательна и глубока. Об этом я и хотела тогда написать вам в Манчестер. Публика же пока не вся готова к таким серьезным статьям, потому и трудно воспринимает. Ваша работа много дала Карлу...

«Да она совсем непохожа на немецкую хаузфрау — домашнюю хозяйку, увлеченную только рукоделием и домашними заботами, — подумал Энгельс. — Хотя, конечно, этим ей тоже приходится заниматься. Карлу действительно посчастливилось».

Скоро пришел Маркс. Фридрих поднялся ему навстречу, и они крепко обнялись.

1845 год. Лето

Из Англии приехал Веерт. В тот же вечер Фридрих у себя дома познакомил его с Марксом. Веерт рассказывал новости, читал последние стихи.

— Гарни, редактор «Северной звезды» — молодец. В своей газете, Фридрих, он напечатал ваши статьи об успехах коммунизма в Германии. Наконец англичане увидели, что немцы их догоняют и в общественных делах...

— Мы много говорили с Фридрихом о немецких рабочих-эмигрантах в Лондоне. Они организовали там общину Союза справедливых. Вы знакомы с ними? — спросил Маркс.

— Конечно! Благодаря Фридриху и знаком. Честные, настоящие люди, — подхватил Веерт.

Он уже давно поглядывал на стопу только что принесенных из типографии книг и наконец не выдержал:

— Уж не ради ли этой книги, Энгельс, вы столько часов просиживали в Чатамской библиотеке в Манчестере?

— Уверен, что ради этой, — ответил за Фридриха Маркс. — Надо сказать, что на сегодняшний день это самая необходимая книга. Правда, было бы лучше, если Фридрих сам отвез ее в Англию.

— Отличная мысль! — обрадовался Веерт. — Книгу о положении рабочего класса автор сам передаст вождам движения.

— Уж если ехать, то вместе. — Энгельс думал об

этой поездке: дело было только за деньгами. — Я бы познакомил тебя с теми настоящими людьми, о которых ты спрашивал Веерта.

— Если Женни и Ленхен отпустят... — Карл улыбнулся.

Жена Маркса ждала второго ребенка, и он боялся надолго ее оставлять.

— О, Карл, считай, что мы тебя туда направляем! — сказала Женни. — Заодно поработаешь в Чатамской библиотеке, тебе ведь это необходимо!

Вернувшись в гостиницу, Веерт сел за письмо матери:

«Пусть господа собственники остерегаются — могучие руки народа на нашей стороне, и лучшие мыслители всех народов переходят к нам. Среди них — мой горячо любимый друг — Фридрих Энгельс из Бармена, который написал книгу в защиту английских рабочих и справедливо, со всей беспощадностью бичует в ней фабрикантов. Его собственный отец владеет фабриками в Англии и Германии.

Теперь Энгельс вконец рассорился со своей семьей, его считают безбожником и нечестивцем... Однако я знаю его как поистине чудесного человека, который день и ночь с громаднейшим напряжением борется за благо рабочего класса».

1845 год. Лето

Знаменитую Чатамскую библиотеку в Манчестере было видно издалека.

У входа в старое готическое здание висела мраморная плита с выбитыми на ней строками из завещания Чатама, богатейшего промышленника.

Книги хранились в кельях — в этом здании когда-то был монастырь. Прежде, чтобы защитить их от воров, самые ценные приковывали цепями к полкам.

Энгельс помог Марксу выбрать труды английских

экономистов: на континенте эти книги не были переведены.

В читальном зале с высоким сводчатым потолком было тихо и чинно.

Он смотрел на Мери долго, глаза в глаза, пристально, радостно.

— За год вы стали еще красивее, — проговорил наконец Фридрих.

— Разве главное сейчас это?

— Главное то, что я приехал, и вы — здесь.

— А коммерсантом вы так и не стали?

— А коммерсантом так и не стал. Стал коммунистом. И приехал за вами, Мери.

— Но у меня в Манчестере немало дел... Я должна помогать товарищам.

— Через месяц я уеду в Брюссель. Там тоже много работы. Думаю, что она необходима ирландцам так же, как и немцам.

Мери помедлила, а потом, решившись, выговорила:

— Я еду с вами, Фред.

Гарни, редактор «Северной звезды», встретил их радостно.

— Пожалуй, я вас таким и представлял, — сказал он, крепко пожимая руку Марксу. — Фридрих пересылал мне ваши статьи. Нам, чартистам — борцам за народную хартию, — важно чувствовать друзей на континенте.

Энгельс вручил Гарни свою книгу.

— Это отлично, Энгельс, что вы ее так быстро написали, и правильно, что сразу привезли к нам. Мы немедленно известим читателей о ее выходе.

Гарни собирався в Лондон. Маркс и Энгельс тоже ехали туда.

— Помните, как два года назад вы специально приехали из Манчестера, чтобы познакомиться со мной? — спросил Гарни Энгельса. — В первые минуты вы показались мне чересчур молодым. Но потом я так увлекся разговором с вами, что чуть не опоздал выпустить номер. — Гарни засмеялся.

— Мы говорили об эмигрантах-немцах. Думаю, пора вам с ними познакомиться ближе, — сказал Энгельс.

Как и тогда, улица была забита новыми бочками. Видимо, бочарная мастерская процветала. Они обошли груженные доверху повозки, приблизились к зданию просветительного общества немецких рабочих.

— Да это же Фридрих Энгельс! — пробасил Шаппер, едва увидев их, и протянул свои ручищи. — Молль, смотрите, какие у нас гости!

Обрадованный Молль выбирался из-за полок с книгами.

— Рад, что благодаря Энгельсу, наконец, как следует познакомлюсь с вами. У демократов разных стран общая цель — свобода и общий враг — правительство, — сказал Гарни.

— Думаю, что демократам разных стран пора объединиться, и наш друг Гарни говорит очень правильно, — подтвердил Маркс.

На Веббер-стрит в таверне «У ангела» собрались вожди чартистов и борцы за свободу из разных стран — те, кто укрывался в Лондоне от преследования своих властей.

— Для приближения революции нам всем нужна революционная международная организация, — заявил

Энгельс. — Меня поддерживает и мой друг, доктор Маркс. Он тоже находится здесь.

С их предложением согласились все.

На следующий день после этого собрания Маркс и Энгельс возвращались в Европу. Уже без них в годовщину провозглашения Французской республики собрались двести демократов из десяти стран.

Были речи, хоровое пение, читали стихи... Иосиф Молль пел «Марсельезу» на французском языке.

На этом празднике родилось новое общество — «Братские демократы».

1845 год. Осень. — 1846 год. Зима.

«Когда я сообщил своей жене о вашей весьма философской системе писания до 3—4 утра, она заявила, что такая система для нее не годилась бы и что, если бы она была в Брюсселе, то устроила бы государственный переворот среди ваших жен», — писал Марксу и Энгельсу из Англии Гарни, узнав, что друзья работают без отдыха осень и зиму над книгой «Немецкая идеология».

И хотя Маркс заключил договор с дармштадтским издателем об издании солидного экономического труда, работу над ним он так и не закончил. Уже к осени того же, 1845 года стало понятно, что необходимо срочно отставить все дела и взяться за большую философскую работу.

В это время вышло немало путаных работ о будущем развитии человечества, о коммунизме. Кто только не объявлял себя коммунистами и «истинными социалистами»! С другой стороны, враги коммунизма порой приписывали коммунистам самые нелепые идеи.

Сейчас Энгельс вспоминал, как создавались главы «Святого семейства». Та книга тоже считалась общей.

Но в Париже они все-таки работали отдельно — каждый над своей частью.

Теперь же, в кабинете Маркса, они обсуждали каждый абзац, каждый поворот мысли.

Через много лет, уже после смерти Маркса, Энгельс скажет об их совместной работе: «Маркс стоял выше, видел дальше, обозревал больше и быстрее всех нас. Маркс был гений, мы в лучшем случае — таланты. Без него наша теория далеко не была бы тем, что она есть».

В эти месяцы упоенного труда, пожалуй, лишь Энгельс понимал суть открытия Маркса...

С тех пор как люди осознали самих себя, они стремились запоминать свою историю. Великие историки — Геродот и Плутарх, Ливий и Тацит — оставили много полезных сведений о прошлом человечества. Но история была лишь хаотическим пересказом событий и биографий, она еще не стала наукой.

Маркс первым в мире создал исторический материализм.

Вся история человеческого общества начинается с производства. «Людей можно отличать от животных по сознанию, по религии — вообще по чему угодно. Сами они начинают отличать себя от животных, как только начинают производить необходимые им жизненные средства...»

Для того чтобы жить, люди должны иметь пищу, питье, жилище, одежду. Поэтому первый исторический акт — это производство средств, которые необходимы для поддержания общества. Способ производства определяет историческую формацию общества.

Это открытие Маркса объяснило всю историю человечества. Жизнь народов — в Египте, Индии, Америке или Европе — подчиняется одним и тем же законам общественного развития, зависит от производительных сил. Социальные революции — вот истинные вехи истории, здесь общество переходит от одной формы к другой.

«Производительные силы определяют форму общения,

общественные отношения». Раб и хозяин, феодал и крепостной крестьянин, пролетарий и фабрикант — эти общественные отношения менялись в человеческой истории не случайно.

Производительные силы развиваются, и старая форма общения — рабство, крепостная зависимость — перестает соответствовать им, становится оковами, сдерживающими развитие производства. Тогда и происходит социальная революция. Она рвет оковы, создает новые, более передовые общественные отношения, которые соответствуют более развитым производительным силам.

«Революция является движущей силой истории», — писали Маркс и Энгельс.

Они доказали, что пролетарская, коммунистическая революция неизбежна. К этому стремится весь ход развития человеческого общества.

Материалистическое понимание истории, законов, по которым развивается общество, — главный переворот в научном познании мира, который совершили Маркс и Энгельс.

Так во время работы над книгой «Немецкая идеология» в 1845 году они разработали первое теоретическое обоснование научного коммунизма.

В будущем Энгельс напишет, что два великих открытия — другое Маркс совершит в пятидесятые годы при написании «Капитала», когда создаст теорию прибавочной стоимости, — два этих открытия превратили социализм из утопии в науку.

*В грядущее открыта дверь широко,
И настоящее готово в бой!*

Г е о р г В е е р т

Пришел апрель. Ранние рассветы и весенние надежды.

Два тома «Немецкой идеологии» лежали в кабинете Маркса.

— Книгу надо печатать как можно скорей, она необходима именно сейчас, в разгар споров! — убеждал Энгельс.

Маркс предлагал посидеть еще, уточнить кое-какие абзацы, каждый день к нему приходили все новые и новые мысли.

Издатели — они даже называли себя социалистами — поначалу были готовы печатать книгу. Но, когда прочитали рукопись, испугались тех смелых идей, той критики, с которыми Маркс и Энгельс обрушились на современное общество...

Марксу и Энгельсу не удалось издать эту важнейшую для своего времени книгу. Лишь отдельные главы были напечатаны при их жизни.

Постепенно в Брюссель стали съезжаться эмигранты из разных стран. В Европе знали, что в столице Бельгии живется свободнее.

Приехал Вильгельм Вольф — сын крестьянина из Силезии. В юности он пробился в университет, но после студенческих волнений угодил в тюрьму.

— Ваши статьи в «Немецко-французских ежегодниках» мне очень помогли, — сказал Вольф при первом

знакомстве Энгельсу, — они научили меня серьезно думать о коммунизме.

Друзья прозвали Вольфа Лупус, то есть «волк», переведя его фамилию на латынь.

Приехал прусский лейтенант Вейдемейер. Под влиянием «Рейнской газеты» и «Ежегодников» он стал социалистом, отказался служить прусскому королю.

Приехал Эдгар фон Вестфален, младший брат Женни, товарищ Маркса по гимназии.

Зимой, во время рождественских праздников, они собрались в тесной квартире Маркса, подняли тост за революцию. Все говорили об одном: коммунистов надо немедленно объединять. И центром должен стать Коммунистический корреспондентский комитет здесь, в Брюсселе.

Письма по адресатам: Энгельса — в Кёльн, Эльберфельд, Дюссельдорф, Лупуса — в Силезию, в Англию — Гарни, Шапперу, Моллю, — были отправлены сразу после рождества.

Первыми откликнулись Шаппер и Молль. Они создали такой же комитет в Лондоне. К ним присоединился Гарни.

Деньги кончались.

«Дорогой Эмиль! — писал Энгельс своему зятю Эмилю Бланку в Лондон. — Сделай одолжение, пришли немедленно 6 ф. ст., или 150 франков.

Я верну их тебе через неделю или две...

В заключение еще раз прошу тебя ничего не говорить о содержании этого письма. Привет.

Твой Ф.).

Маркс уже давно заложил свои вещи в ломбард. Фридрих тянул до последнего, но в конце концов и ему пришлось заложить одежду.

И тут отец неожиданно написал, что заедет на день по делам в Брюссель.

К счастью, деньги от Эмиля пришли накануне приезда отца. Фридрих успел выкупить фрак и пальто. Мери лихорадочно приводила их в порядок.

Утром Энгельс встречал отца. Энгельс-старший был холодно-деловит. День у него был расписан: осмотр новых машин, пряжи, тканей, контракты на поставку своих товаров.

Лишь вечером, на вокзале, перед отправлением поезда он, казалось, на минуту оттаял.

— Мама часто плачет, когда вспоминает тебя... Мне показывали твои статьи, там все те же коммунистические бредни. Жаль, очень жаль, — помолчав, добавил он, — с такими блестящими способностями из тебя мог бы выйти неплохой коммерсант...

1846 год. Лето

Фридрих и Лупус помогли Марксу погрузить небогатый семейный скарб на тележку, и возчик повез его на площадь Сент-Гюдюль, к дешевой гостинице «Буа Соваж». Женни и Ленхен шли следом и несли детей.

В июне в ту же гостиницу переехал Энгельс с Мери.

«Напротив моей комнаты живет известный Маркс со своей высокообразованной женой и двумя прекрасными детьми. Кроме того, здесь остановился также и Фридрих Энгельс, книгу об Англии которого ты читала. Он взял себе в жены маленькую англичанку из Манчестера, так что мы беседуем теперь наполовину по-английски, наполовину по-немецки», — писал Георг Веерт своей матери.

Брюссель стал политическим центром движения коммунистов. Из многих городов: Копенгагена, Гавра, Гётеборга — шли письма в Коммунистический корреспондентский комитет.

Парижские общины оставались пока под влиянием Вейтлинга.

В августе комитет направил Энгельса в Париж отвоевывать Союз справедливых. С деньгами было, как всегда, туго: набрали только на дорогу.

— Видимо, эти подлые буржуа перетрусилы, и надежд на издание «Немецкой идеологии» почти нет, — на прощание сказал Маркс. — И все-таки, Фридрих, мы были обязаны написать ее. Обязаны перед историей!

Это было не просто — людей, привыкших к наивным призывам Вейтлинга, повернуть к пониманию основ научного коммунизма.

В своей книге «Гарантии гармонии и свободы» Вейтлинг так и утверждал: стоит лишь объяснить каждому, как правильно жить, поделить богатство и земли поровну, и сразу в счастливых семьях станут рождаться счастливые дети. После собраний, на которых хорошо было помечтать, до мелочей обсудить подробности будущей справедливой жизни, люди расходились, как из церкви, просветленные, успокоенные. Но годы проходили, а надежды не сбывались...

Общины ремесленников собирались все в тех же кабачках на окраине Парижа, куда когда-то Энгельс ходил вместе с Марксом и Бакуниным.

Теперь он ежедневно встречался с рабочими. Один день — с общиной столяров, на следующий — с портными. И всюду делился мыслями, открытиями, которые они с Марксом изложили в книге «Немецкая идеология».

Иногда это были товарищеские беседы, иногда беседы переходили в многочасовые лекции.

В сознании простых, часто малограмотных, но мужественных людей постепенно происходил переворот.

1846 год. Декабрь

А в декабре началась слежка. Шпики ходили открыто — передавали его друг другу.

Главное задание Брюссельского комитета Энгельс выполнил, поэтому встречи в общинах можно было прекратить.

Ну а шпики следовало проучить. Вечерами теперь он посещал веселые места: танцзалы «Прадо», «Милый холостяк». Шпики растерянно покупали входные билеты..

Ложась спать, Фридрих хохотал, представляя их утренние финансовые отчеты в полицию.

1847 год. Январь

— Ну, старина, с трудом вас отыскал, — говорил Молль, улыбаясь, как прежде, своей широкой и застенчивой улыбкой. — Понадеялся на свою память, а Париж за восемь лет так изменился!

После тридцать девятого года: неудачного восстания в Париже и тюрьмы Консьержери — Иосиф Молль из Лондона не выезжал.

— А помните, Фред, как познакомил нас Шаппер? Что за лекцию вы нам закатили! Хорошо, если половину мы поняли тогда. Да и я хорош — давай вас сразу заманивать в Союз справедливых!

— После той встречи, возвращаясь в Манчестер, я тоже поломал голову: как это я, коммерсант, уверяю в необходимости революционного переворота, а вы, пролетарии, в революции разуверились и толкуете только о мирной пропаганде, хотя и создали тайное заговорщицкое общество! — засмеялся в ответ Энгельс.

— За эти годы вы с Марксом прочистили своими статьями головы многим. — Молль выложил перед Энгельсом документ.

— «Коммунистическому корреспондентскому комитету в Париже... Подписавшиеся члены Лондонского коррес-

пондентского комитета уполномочивают Иосифа Молля и поручают ему от их имени...» — читал Энгельс вслух.

— Итак, вы с Марксом официально вступаете в Союз справедливых, — перебил его Молль. — После этого мы собираем конгресс Союза и превращаем его в организацию коммунистов.

— Нужно посоветоваться с Марксом, — сказал Энгельс.

— Еще бы! Только я забыл вам сказать, что еще вчера говорил с доктором Марксом. И Маркс сказал мне почти так же: «Я согласен, только хорошо бы посоветоваться с Энгельсом».

— Превратить Союз справедливых в коммунистическую организацию не так просто...

— Было бы просто, меня не послали бы к вам на континент... — Молль улыбнулся.

— Вы должны учесть, что ни на какие уступки мы с Марксом не пойдем. Программа должна быть на основе научного коммунизма, без слащавых фантазий и заговорщицкой тактики.

— То же самое сказал и Маркс. Потому мы вам и предлагаем вступить в Союз. У нас много хороших парней, настоящих пролетариев. Но за последние годы всякие пророки насоздавали столько теорий, что в головах у них дремучая путаница. А составив с Марксом программу и устав «Союза», вы поможете им.

1847 год. Июнь

В Лондоне заканчивался конгресс.

Заседания шли восемь дней.

— Мы выступаем против существующего общественного строя и частной собственности, и потому более верное название организации — «Союз коммунистов», — заявил Энгельс в первом же своем выступлении. — Доктор Маркс, который, к сожалению, не смог приехать в Лондон, тоже меня поддерживает.

С предложением согласилось большинство.

— Я думаю, что и старый лозунг: «Все люди — братья» — нам не подходит. Такой лозунг может иметь религиозная секта, у нас же ни с попом, ни с королем братства не получится. Предлагаю революционный классовый лозунг: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Лозунг решили поставить эпиграфом к проекту устава.

Проект программы составили из 22 вопросов и ответов. Его называли «Коммунистический символ веры».

— Маркс должен аплодировать: научный коммунизм в «Союзе» утвердился, — говорил довольный Молль.

— Его аплодисменты поутихнут, едва он доберется до «Символа веры». Кое-какие нелепые идеи туда проникли.

— Вот над этим вы и поработаете летом с доктором Марксом, а осенью соберем новый конгресс и утвердим программу со всеми вашими поправками, — сказал при прощании Молль.

ВЕСНА МОЛОДАЯ

*Старуха Земля, как счастливая мать,
Весну молодую встречала.*

Г е о р г В е е р т

1847 год. Декабрь

Старая убогая мебель стояла в квартире Гейне на улице Амстердам, 50. Камин, облицованный белым мрамором, давал немного тепла, и воздух оставался сырым, тяжелым.

Поэт доживал последние месяцы. В этом были убеждены многие из его друзей.

Энгельс подошел к его дому ближе к вечеру. Поднялся на сто пять ступенек, позвонил. Дверь ему открыла старая рябая мавританка с пестрым шелковым платком на голове.

Он стал негромко спрашивать о здоровье поэта, но Гейне, узнав его, крикнул из своей комнаты:

— Проходите, проходите, мой друг! Извините, что не могу встретить вас! В этом случае пришлось бы слишком долго меня дожидаться.

Энгельс вошел в комнату, где на низкой кровати, заставленной ширмой, лежал Гейне. Он был худ, вернее, изможден, желто-серые щеки ввалились, но голос оставался звучным, ироничным.

— Как видите, нежусь в постели и не знаю, что делается там, внизу. — Гейне указал за окно. — Какие новости? У такого молодого остроумного человека, как вы, Энгельс, голова всегда набита новостями. Не жадничайте, делитесь скорей.

Энгельс попытался улыбнуться больному.

— А-а, догадываюсь! Вы зашли поздравить меня с пятидесятилетием. Три недели назад у меня здесь было

людно, а стрелки на ваших часах отстают как раз на это время. Или не так?

— Я принес вам поздравление и от Маркса. Три недели назад мы с ним были в Англии, иначе вы бы обязательно меня увидели здесь.

— Что вас туда занесло? Или давно не дышали лондонской сажей? Хотя, постойте, постойте, вспомнил! Сами же мне рассказывали в прошлое посещение. Вы с Марксом ездили на съезд коммунистов. Верно? Я не ошибся? — Гейне торжествующе направил длинный худой палец на Энгельса. — Ну и как, удалось вам осуществить задуманное?

— Да. Союз коммунистов теперь существует.

— А первая строка программы звучит так, как вы тогда хотели? — И Гейне продекламировал: — «Призрак бродит по Европе — призрак коммунизма». Пожалуй, и я не смог бы сказать лучше. А я — как-никак последний романтик и первый поэт пока не состоявшейся революции. А что делает сейчас Маркс? — поинтересовался Гейне. — Как поживают его милая жена, девочки?

— Вашу последнюю книгу «Атта Троль» я видел в его семье зачитанную до дыр. Марксу удалось заполучить в Брюсселе газету, и он будет рад напечатать ваши стихи, статью и все, что вы для нас напишете.

— Фридрих, друг мой, — с неожиданной грустью проговорил Гейне. — Какие стихи! Какая статья! Умирание — серьезное дело, и к нему надо относиться с уважением. Я вам скажу, как атеист атеисту: на днях во время сильного приступа я даже обратился к богу. Да-да, представьте! К этому приходишь, когда бываешь смертельно болен и сломлен. Признает же пришибленный бедствиями немецкий народ прусского короля, почему же я не могу признать личного бога? Друг мой, — Гейне даже чуть приподнялся, и Энгельс не смог бы сейчас сказать точно, шутит или всерьез говорит великий поэт, — выслушайте истину, друг мой: там, где кончается здо-

ровье, где кончаются деньги, где кончается здравый человеческий рассудок, — там повсюду начинается христианство.

«Он так болен, но пропия не бросает его. Какая же нужна для этого сила!» — подумал Энгельс.

— Что я опять про свою убогость!.. Расскажите-ка подробнее ваши новости.

И Энгельс стал рассказывать о съезде коммунистов в Англии, о том, как им с Марксом удалось отстоять свои позиции.

Гейне слушал с вниманием, попутно вставляя шуточные замечания.

— Жаль, что все это произошло не пять лет назад. Мы бы с вами написали «Манифест» в стихах и задали бы работу переводчикам! — рассмеялся он. — Пять лет назад — какое это было время! Маркс тогда только что женился, и я заходил, нет, забегал, поднимался бегом по лестнице к ним на улице Ванно. Мы втроем по сто раз могли повторять строку из нового моего стихотворения, пока не отшлифовывали ее идеально. Однажды захожу к ним, а там паника. Маленькая дочка в судорогах, оба родителя суется, молодая нянька растеряна. Я приказал налить в ванночку теплую воду, сам опустил туда малышку, и девочка мгновенно успокоилась. Маркс до сих пор уверен, что я им спас ребенка... Опять я увлек вас в бездну воспоминаний! — перебил он себя. — Куда же вы направитесь сейчас?

— Через два часа вечер немецких эмигрантов. Будем встречать Новый год.

— Знаете, Энгельс, я чувствую, что этот год станет для Европы особенным. И вы правильно делаете, что встречаете его с соотечественниками.

— Да, революцией пахнет, как порохом, когда заряжаешь пушки, — подтвердил Энгельс. — А вы, дорогой Гейне, нам очень нужны. Несмотря ни на что, мы готовы печатать в своей газете в Брюсселе каждую вашу новую строку. Помните это!

— Тогда передайте Марксу и нашим друзьям, что, хотя Гейне и умирает, он надеется еще немало написать! — сказал поэт на прощание.

Революцию в Европе предчувствовали многие, но, когда и где произойдет взрыв, не знал никто.

Пять лет назад Энгельс торопился, боясь опоздать со своей «английской книгой» о рабочем классе.

Бакунин при каждой новой встрече уверял, что революция рядом и пора думать об общегерманском демократическом правительстве. Говорил, что сам немедленно ринется в бой создавать великую славянскую державу, отчего Маркс постоянно морщился — Бакунин делил человечество не столько на классы, сколько на нации и державы.

И на встрече этого Нового года Энгельс говорил тоже о революции, о Союзе коммунистов — передовых рабочих, которые вместе с демократами Европы готовы возглавить борьбу за свободу.

Чуть больше трех недель назад они шли по незнакомитой лондонской улице Друри Лейн — богатырь Шаппер, по-военному прямой и изящный Энгельс, крепкий, с густыми черными кудрями, прозванный Мавром Маркс и друг Гарни англичанин Эрнест Джонс, руководитель левых чартистов, а теперь член Союза коммунистов. Мимо них, понурясь, проходили лондонские рабочие, бедные клерки — люд, населявший квартал. Капал мелкий дождь. Казалось, вместе с бесконечной липкой сыростью на лондонскую окраину опустилась глухая безнадежность...

Энгельс неожиданно остановился и рассмеялся. Шаппер взглянул на него с удивлением.

— А ведь свершилось! Господа! Великое событие — свершилось! — крикнул Энгельс громко, на всю улицу. — Коммунисты объединились и открыто решают начать перестройку мира.

Прохожие шли мимо, глядя под ноги. Они не догадывались, что великое событие, о котором громко сказал веселый молодой человек, касается лично их.

А перед этим, как и перед прошлым съездом, было яростное обсуждение будущей программы в парижских общинах. Приверженцы Вейтлинга чувствовали, что этот бой — последний, и сопротивлялись отчаянно.

Из ноябрьских писем в Брюссель Марксу:

«По дороге в Лондон я не смогу заехать в Брюссель — у меня слишком мало денег. Нам придется назначить друг другу свидание в Остенде».

«Только сегодня окончательно выяснилось, что я приеду. Итак, в субботу вечером в Остенде, в гостинице «Корона», у бассейна напротив вокзала; а в воскресенье утром — через Ла-Манш.

...Подумай над «Символом веры». Я считаю, что лучше всего было бы отбросить форму катехизиса и назвать эту вещь «Коммунистическим манифестом».

И снова — делегаты из разных стран. Они собрались, чтобы выработать окончательную, общую научную программу.

Там, на митинге, и произошло немного забавное знакомство с молодым рабочим Лесснером.

Энгельс, Маркс, Шаппер направлялись уже к двери, и путь им преградил худой, с длинными руками человек. Он что-то пытался сказать, но, волнуясь, смущался и замолкал.

— Это молодой Лесснер, — пришел на помощь ему Шаппер. — Рабочий сбежал от полиции с континента. Раньше был нафарширован Вейтлингом, а в этом году прочитал ваши работы и сразу повзрослел.

— Я просто хочу пожать вам руки, — наконец произнес Лесснер. — Вам, Маркс. И вам, Энгельс.

Маркс засмеялся, и втроем они протянули навстречу друг другу руки.

Подожел Иосиф Молль.

— Учтите, Лесснер, это рукопожатие ко многому вас обязывает!

Настроение у Маркса поднималось с каждым днем. Он уже не морщился при чтении устава. Первая статья точно определяла одну из основных идей научного коммунизма.

«Целью Союза является: свержение буржуазии, уничтожение старого, основанного на антагонизме буржуазного общества и основание нового общества, без классов и частной собственности».

Конгресс поручил Марксу и Энгельсу окончательно отредактировать программу и назвать ее «Манифестом».

1848 год. Январь

«Призрак бродит по Европе — призрак коммунизма. Все силы старой Европы объединились для священной травли этого призрака... — начинался «Манифест». — Пора уже коммунистам перед всем миром открыто изложить свои взгляды, свои цели, свои стремления и сказкам о призраке коммунизма противопоставить манифест самой партии.

С этой целью в Лондоне собрались коммунисты самых различных национальностей и составили следующий «Манифест», который публикуется на английском, французском, немецком, итальянском, фламандском и датском языках».

Эту страницу, исчерканную поправками мужа, Женни Маркс переписывала несколько раз. Остальные двадцать две она тоже помнила наизусть, как стихи.

У Марксов было уже трое детей. Самому младшему не исполнилось и года.

«Ты не поверишь, милая Лина, как редко у меня выпадает свободный час-другой, но даже самый короткий из них наполняется детским дуэтом и трио», — поздно вечером писала Женни своей подруге.

Все реже она вспоминала беззаботные дни в доме отца — барона фон Вестфалена, видного горожанина Трира. Образованнейший человек, поклонник французских просветителей и новейшей философии, отец держал в доме богатую библиотеку. Женни не увлекалась обычными для девушек ее круга занятиями — рукоделием, танцами, пустыми разговорами с подружками. А потом в их доме стал бывать друг и одноклассник ее младшего брата Эдгара, Карл Маркс, сын трирского адвоката. Отец разрешал Карлу брать в его библиотеке книги. Они помногу разговаривали, обсуждали серьезные, умные книги и не догадывались, что их разговоры слышны Женни, что Женни, волнуясь, ждет прихода Карла, потому что все, о чем они говорили, тревожило и ее, потому что и она мечтала участвовать в справедливом преобразовании мира.

Недавно Маркс получил часть небольшого наследства из Голландии, и семья наконец переехала из опустылевшей гостиницы на квартиру.

Женни прислушалась к шагам, доносившимся из кабинета мужа, и вернулась к своему письму: «Мое время постоянно поделено между большими и малыми делами, заботами повседневной жизни и участием в делах любимого мужа».

Она запечатала письмо и взяла последнюю страницу «Манифеста», написанную быстрым, неразборчивым почерком. Карл смеялся, что наутро даже сам он порой не в силах разобрать, что написал вечером. И тогда разбирала Женни.

«Коммунисты считают презренным делом скрывать свои взгляды и намерения. Они открыто заявляют, что их цели могут быть достигнуты лишь путем испровер-

жения всего существующего общественного строя. Пусть господствующие классы содрогаются перед коммунистической Революцией. Пролетариям нечего в ней терять, кроме своих цепей. Приобретут же они весь мир.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!»

Женни Маркс написала последнюю строку и отложила лист.

Утром она сама отнесла «Манифест» на почту. «Хорошо, что дома остался другой экземпляр, — думала она по дороге, — даже если этот и потеряется...»

Через несколько дней молодой Лесснер уже набирал первые страницы. А корректуру держал Шаппер.

Первое издание — брошюра на немецком языке из двадцати трех страниц текста — Шаппер перенес из типографии в саквояже. Весь тираж «Коммунистического манифеста» составлял одну тысячу экземпляров.

1848 год. Январь

К зиме 1848 года уже все поняли, что в Европе зреют важные события. Взрыва ждали короли и крестьяне, министры и пролетарии. Первый промышленный кризис потряс европейские страны. Неурожай, эпидемии смертельных болезней погнали крестьян из деревень. В тот год голодные толпы бродили по дорогам Европы — бросившие свои дома, оборванные и больные люди. Даже в России сам царь Николай Павлович, первый помещик страны, поговаривал о возможных крестьянских реформах...

Французские министры в открытую разворовывали государственные деньги, и газеты почти ежедневно печатали скандальные разоблачения.

Энгельс писал об этом в английскую «Северную звезду» Гарни. Он нарисовал карикатуру на прусского короля, и Маркс выпускал ее в Брюсселе отдельной

литографией, как плакат. О карикатуре знали в Лондоне и Париже.

Правительство Франции мечтало избавиться от беспоконного немецкого эмигранта.

Казалось, на новогоднем вечере были только знакомые, проверенные люди, и все же кто-то донес: речь Энгельса подрывала не только устой германских царствующих дворов, но и государство французского короля.

29 января ночью в дверь громко постучали. Уже по этому грохоту, по голосам, которые, не боясь, будили соседей, Энгельс понял все.

Четверо полицейских пришли с обыском. Они надеялись найти оружие. И хотя ничего не обнаружили, Энгельсу было приказано в течение суток покинуть Францию. Он едва успел запаковать книги, разбросанные полицейскими, и поехал на вокзал. Денег хватило как раз на билет до Брюсселя и на отправку вещей. Хорошо, хоть Мери гостила в это время у своей сестры Лиззи в Манчестере.

31 января Энгельс был уже в Брюсселе у Марксов.

...До восстания в Париже оставалось меньше месяца.

1848 год. Февраль — март

Люди толпами собирались на брюссельских улицах, стояли на площадях, заполнили вокзал.

— Это же праздник, господа! Величайший праздник! День падения тирании! — радовались одни.

— Радоваться еще рано! Окончательных известий нет, — тревожно говорили другие.

Наступила ночь, но люди не расходились: ждали новостей из Парижа.

Парижский поезд подошел к перрону в половине первого.

Едва он остановился, как с паровоза стащили пожилого усатого машиниста.

— Что в Париже? — Толпа замерла в ожидании.

Машинист оглядел наседавших на него людей, набрал воздуха и гордо выкрикнул:

— Революция, господа, революция! — А потом уже спокойно добавил: — Победили рабочие. Установлена республика.

— Да здравствует республика! — неслось по перрону. Этот ликующий крик подхватили на площади, затем он понесся по улицам...

Всем было не до сна.

Люди с факелами шли навстречу друг другу, объединялись, распевая «Марсельезу».

Король Бельгии был растерян. Утром он принял депутацию буржуазии.

— Господа, во избежание кровопролития я готов стать просто гражданином... Я хочу отказаться от вверенного мне богом и судьбой трона и передать власть в руки моего народа.

Депутаты пришли требовать расширения прав. Они ждали сопротивления, но такая республика, которую предлагал перепуганный король, была нужна им еще меньше, чем монархия.

— Ваше величество, на улицах беспорядки. — Депутаты утратили боевитость и заговорили смущенно. — Если вы покинете нас в этот трудный час, власть может перейти к неуправляемой массе, рабочим. Мы видим в вашем лице только монарха. И готовы вместе с вами, с вашей Национальной гвардией навести в стране порядок.

Даже не начавшись, революция в бельгийском королевстве была уже предана.

— Мы советуем обратить гнев масс на эмигрантов, — предлагали депутаты. — Посмотрите, сколько у нас одних только немцев! И все они высланы из своих стран за пропаганду революции!

На следующий день король приказал своей гвардии разогнать уличные толпы. Тайные агенты принялись распространять дикие, нелепые слухи. Повсюду происходили аресты эмигрантов.

Буржуазия организовала гвардию, закупала оружие. Полицейский комиссар запретил собрания Просветительного общества рабочих.

Маркс передал на покупку оружия те немногие деньги, которые у него были. В типографии печатались листовки, их тайно переправляли в германские города, в организации Союза коммунистов.

В эти дни Лондонский комитет передал полномочия Брюссельскому — во главе с Марксом и Энгельсом.

Первое заседание Центрального комитета Маркс назначил на вечер 3 марта.

За час до собрания прибыл полицейский чиновник.

Марксу предписывалось покинуть пределы бельгийского королевства. Срок — сутки.

— Но мы высланы из Франции, а прусского гражданства Карл лишен давно, — растерянно говорила Женни. — Неужели придется скрываться от полиции? Как это неприятно и унижительно!

На заседание комитета пришли несколько друзей и единомышленников. Рассказывали, что полиция схватила Лупуса. Остальных могли арестовать в любую минуту.

— Здесь работать невозможно. Надо ехать в Париж, создавать новый комитет, — сказал Энгельс. — Меня пока не тронут — всего недели две назад бельгийское правительство само выдало мне паспорт. И я закончу все наши дела в Брюсселе.

Энгельс ушел с совещания последним. И тотчас в дверь снова постучали.

Маркс был уверен, что вернулся кто-то из друзей.

На пороге во главе полицейских стоял помощник комиссара.

— Господин Маркс? Вы арестованы, следуйте в городскую тюрьму. Мне велено произвести обыск.

— Что за нелепость! Завтра я должен покинуть пределы вашего королевства, вот приказ. Мне необходимо собрать вещи.

— Меня это не касается. Следуйте за нами в полицию, иначе мы применим силу.

Маркса увели.

Женни оставила разбросанные вещи и побежала к председателю демократической ассоциации.

— Это произвол! Завтра утром ваш муж будет на свободе. Я добьюсь этого! — заволновался председатель.

Был поздний слякотный вечер.

— Я провожу вас, мадам, — предложил член ассоциации, архивариус Жиго.

Вместе они подошли к дому. У дверей стоял полицейский чиновник. Он любезно улыбнулся и приподнял шляпу.

— Госпожа Маркс? Весьма сожалею, что обстоятельства заставляют меня познакомиться с вами в столь неприятный для вас момент...

— Где мой муж? — перебила его Женни. — Вы его освободили?

— Да, вы ответите за свой произвол! — подхватил Жиго.

— Успокойтесь, господа. Если вы хотите увидеть господина Маркса, следуйте за мной. Он находится в превосходных условиях. Вы сами в этом убедитесь.

Чиновник тем же любезным жестом пригласил следовать за ним.

Он привел их к зданию полиции и на секунду замешкался.

Едва Женни и Жиго перешагнули порог, как двери заслонил полицейский.

— Желаю приятной встречи с мужем! — крикнул теперь уже насмешливо чиновник.

Жиго запротестовал. На него тут же надели наруч-

ники и увели в камеру. А Женни принялись допрашивать.

— Я оставила дома троих маленьких детей! — возмутилась Женни.

— Если они вам дороги, расскажите подробно о деятельности мужа, о его знакомых, и мы немедленно вас препроводим к детям, — говорил, развалившись в кресле, тот самый полицейский чин, который арестовывал Маркса.

— Вы ведете себя недостойно! Я женщина, и вы обязаны проявить по отношению ко мне хотя бы простую вежливость. Пока не увижу своего мужа, пока не получу от вас извинений, я не стану с вами говорить.

— Ах вот как! Я недостаточно вежлив! — с отвратительной улыбкой сказал полицейский чин. — Сейчас вы, мадам, пойдете в камеру, а утром поглядим, кто из нас первым захочет извиняться.

— Вы не посмеете так поступить! Освободите немедленно мужа и меня! — требовала Женни, когда ее вели к дверям камеры.

Конвоиры подтолкнули ее внутрь и удалились.

— Они все смеют, милая, — сказала со вздохом пожилая женщина и освободила часть деревянных нар. — Ложись-ка лучше, поспи.

— За что вас арестовали? — спросила Женни.

— Взятку полицейскому не дала, вот и забрали. Мы воровки, — сказала она с гордостью. — Нас тут трое... А ты, наверно, по большим птицам стреляешь, вон какая красивая.

— Нет, я здесь из-за мужа. Он демократ.

— Демократ! — Пожилая воровка произнесла почти с ужасом. — Да он же против нашего короля!

Заснуть Женни не могла. Она думала о детях, о Карле.

Утром Маркса и Женни вновь допрашивали. Их выпустили лишь к середине дня.

Энгельс встретил друзей у ворот тюрьмы.

— Дети накормлены, Ленхен пытается уложить чемоданы, — сообщил он новости. — Дома лежит письмо от папаши Флокона, из Парижа. Я с утра поднял на ноги все газеты.

— Теперь про меня никто не скажет, что я не разделяю судьбу мужа, — шутливо, но не без гордости произнесла Женни.

На рабочем столе Маркса лежало официальное приглашение в Париж.

«Временное правительство. Французская республика. Свобода, Равенство и Братство. От имени французского народа.

Париж, 1 марта 1848 года.

Мужественный и честный Маркс!

Французская республика — место убежища для всех друзей свободы. Тирания Вас изгнала, свободная Франция вновь открывает Вам свои двери. Вам и всем тем, кто борется за светлое дело, за братское дело всех народов... Привет и братство.

Фердинанд Флокон,
член Временного правительства».

Через три часа истекали сутки, и после этого Маркса могли уже арестовать за нарушение королевского приказа.

— Берите самое необходимое, об остальном я позабочусь, — сказал Энгельс.

Он проводил Маркса на вокзал.

— Женни и детей я отправлю, будь спокоен, — говорил он.

На этом поезде уезжали в Париж многие демократы. Бельгийский король мстил им за минуты собственной слабости. Угрюмые носильщики подтаскивали наскоро упакованный скудный багаж. Юркие личности заглядывали в лица отъезжавших и провожающих.

Через несколько дней Энгельс проводил на вокзал Женни с детьми и Ленхен.

Брюссельские демократические газеты печатали протесты против ареста и высылки Маркса. В его защиту выступили депутаты. Энгельс написал громовую статью в английскую «Северную звезду».

Энгельсу можно было уже ехать в Париж, но, как всегда, не хватало денег.

9 марта, словно в насмешку, вернулся его багаж из Парижа. На его пересылку Энгельс истратил пятьдесят франков. Теперь столько же надо платить, чтобы снова отправлять его в Париж.

Маркс писал о новом Центральном комитете. Его, Маркса, выбрали председателем, Шаппера — секретарем. Вместе с Вольфом и Моллем в ЦК вошел и Энгельс.

Революция лавиной шла по европейским странам.

13 марта восставшие победили в Вене, столице Австрии. Император Фердинанд со всей императорской фамилией в сопровождении двора и высших сановников укрылся в маленьком моравском городке Ольмюце и мечтал лишь об одном — как бы снять с себя корону и при этом сохранить голову.

В Берлине шли баррикадные бои. 22 марта победивший народ хоронил сто восемьдесят семь бойцов, павших в сражении. Процессия остановилась перед дворцом прусского короля. Король Фридрих-Вильгельм IV еще несколько дней назад колебался, принимать ли ему, монарху, условия восставших: обещать стране конституцию, избирательные права. Теперь ему приходилось лишь надеяться на милость толпы.

— Короля! — грозно требовал народ.

Бледный от страха, Фридрих-Вильгельм вышел на балкон.

— Сними шляпу перед усопшими! — раздавались крики.

И король обнажил голову.

В тот же день, 22 марта, народ Милана изгнал из города австрийских солдат.

Со дня на день ожидали восстания в Польше. Спорили, каким путем через месяц-два победят чартисты в Англии.

И если бы кто-нибудь крикнул: «Бог прогнан с небес, там провозглашена республика!» — все бы ему поверили.

*Свобода, в Париже ногу сломав,
О песнях и плясках забыла.*

Гейне

1848 год. Март

В Париже кое-где сохранялись полуразрушенные баррикады. Их решено было оставить для истории.

Во дворце Тюильри, в покоях свергнутого Луи Филиппа лежали раненные в уличных боях рабочие.

Утром Энгельс подошел к окну и увидел похоронную процессию. Оркестр играл «Марсельезу», на украшенных дрогах везли гроб с телом скончавшегося от ран рабочего. Его провожали десять тысяч национальных гвардейцев и вооруженных граждан.

Луи Блан, член правительства от демократов, ежедневно обещал рабочим всевозможные блага.

Газету демократов «Реформа» редактировал Фердинанд Флокон. Энгельс хорошо его знал. В свое время он напечатал немало статей в этой газете и частенько консультировал Флокона, не очень сведущего в тонкостях демократических партий разных стран. Теперь «папаша Флокон», как называли его друзья, стал членом правительства. Это он прислал вызов Марксу в Париж.

Флокон жил все в той же скверной квартире на пятом этаже. Из старой глиняной трубки покуривал тот же дешевый табак.

— Только и приобрел себе, что новый халат. В старом неудобно принимать чиновников. Ну что, похож я на министра? — спросил он, посмеиваясь.

— Вы похожи на папашу Флокона.

— То-то же. Наша публика быстро переменилась. Я понял, в чем особенность мелких буржуа, — они мно-

венно хватают все, что плохо лежит. Буржуа любое событие повернет себе на выгоду. Так что в нашем правительстве я слышу оригиналом.

Энгельс принес «Требования коммунистической партии в Германии». Это была короткая программа коммунистов, при выполнении которой буржуазно-демократическая революция в Германии была бы доведена до конца. В требованиях говорилось о создании единой республики, о всеобщем вооружении народа, об отделении церкви от государства.

— Смело взялись вы за дело, — покачал головой Флокс, прочитав «Требования». — Наши так не расхраблятся.

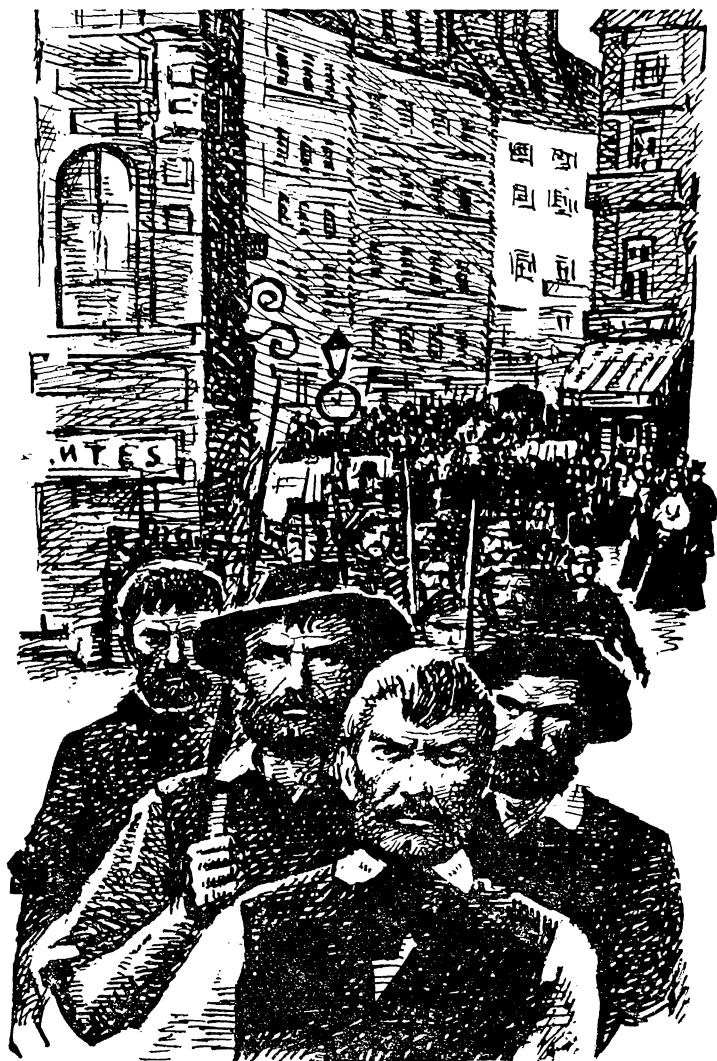
Настроение масс в Париже постепенно менялось.

Правительство продолжало раздавать красивые обещания. Но рабочие перестали им верить.

— Союз мелких буржуа и рабочих не затянется надолго. Буржуазия уже сейчас предает пролетариат, рабочие обязательно выйдут на баррикады, — говорил Маркс.

— Купите фиалки! Весенние фиалки — цветы надежды! — кричали на улицах цветочницы. — Купите фиалки для своих дам. Вашим дамам важно не потерять надежду.

— Надежда из Парижа уходит, но зато появляется в Германии. — Маркс выбирал букетик для Женни. — Нам, дорогой Фридрих, пора отправляться в Рейнскую область, в Кёльн. Там самая развитая промышленность и, следовательно, самый организованный рабочий класс. Нашу газету мы назовем «Новая Рейнская». Чтобы все знали, что мы продолжаем традиции той, старой, которую я редактировал шесть лет назад. Думаю, кое-кто помнит ее прощальный номер с обещанием вернуться. Надо пользоваться свободой печати, отвоеванной у прусского короля.

Энгельс — Эмилю Бланку.

в Лондон

Бармен, 15 апреля 1848 года.

«Дорогой Эмиль!

Я благополучно добрался сюда. Весь Бармен ждет, что я буду делать. Думают, что я сейчас же провозглашу республику. Филистеры дрожат в безотчетном страхе, сами не зная, чего они боятся. Во всяком случае, полагают, что с моим приездом многое быстро разрешится... Паника здесь неописуемая. Здесь господствует всеобщее разложение, анархия, отчаяние, страх, ярость, конституционный энтузиазм, ненависть к республике и т. д.

Но по-настоящему они удивятся, когда примутся за дело чартисты... Мой друг Дж. Джулиан Гарни... через два месяца будет на месте Пальмерстона. Об этом я готов побиться об заклад на два пенса и вообще на любую сумму.

...Передай привет Марии и детям. До свидания.

Твой Ф.».

Для издания «Новой Рейнской газеты» требовался начальный капитал в тридцать тысяч талеров. Необходимо было найти акционеров.

— Акции принесут хороший доход, газета станет популярной во всей Германии, — пробовал агитировать Энгельс в своем доме. — Ты бы мог, отец, выделить тысячу талеров.

— Вместо тысячи талеров я бы с удовольствием пустил в твоих дружков тысячу пуль! — свирепел отец. — Твое ослепление мне непонятно. «Свобода, равенство, братство!» — передразнил он лозунг французской революции. — Неужели ты до сих пор не дошел до простой мысли, что свобода и равенство несовместимы. Ведь ты перечитал столько ученых книг!

— В нашем обществе свободной конкуренции они действительно несовместимы. А в коммунистическом...

— А коммунистического я не хочу. И давать собственные деньги себе во вред не стану.

1848 год. Май

Маркс снял помещение для редакции в Кёльне на улице Святой Агаты.

— Члены Союза коммунистов рассеяны по городам, их едва ли наберется несколько сотен, поэтому нам надо объединяться с демократами. Мы должны войти во все демократические организации и толкать их вперед, — говорил Маркс.

Вместе с Энгельсом и Веертом они вступили в демократическое общество Кёльна, Лунус — в Бреслау, Шаппер — в Висбадене. Одновременно у себя в городах они возглавили рабочие союзы, распространяли акции, писали корреспонденции для «Новой Рейнской».

Энгельс вернулся в Кёльн 20 мая. В родном городе ему удалось разместить четырнадцать акций по пятьдесят талеров. По плану до выхода первого номера оставалось сорок дней.

— Ждать нельзя, начинаем издавать немедленно. Пиши передовую, — сказал Маркс, едва они поздоровались.

— А деньги?

— Пока вместо тридцати только тринадцать тысяч. — Маркс нахмурился. — Но 31 мая газета должна быть готова.

— Твоя передовая завтра утром ударит как пушка! — предсказывал Веерт.

Так и случилось. Газета вызвала огромный интерес. Через два часа весь тираж расхватили. Маркс отбивался от возмущенных акционеров.

— Вы пишете, что газета — «орган демократии», а проповедуете настоящий коммунизм! Мы вложили в нее свои деньги и не хотим, чтобы они стали бомбой под нашими же фабриками.

— Не волнуйтесь, господа! Возможно, события повер-

нутя так, что через месяц вы станете гордиться участием в нашей газете. Очень скоро мы наберем столько подписчиков, что ваше участие станет в любом случае делом выгодным. — Маркс пускал в ход всю дипломатию, на которую был способен.

— Новые похождения рыцаря Шнапганского! — объявлял Георг Веерт, когда они утром сходились в редакционной комнате.

Рыцарь Шнапганский стал постоянным героем фельетонов Веерта. Многие находили, что он похож на известного реакционера князя Лихновского. Если газета какое-то время не печатала фельетонов о рыцаре, подписчики из разных городов начинали беспокоиться.

Энгельс писал передовые, правил статьи, давал переводы статей Гарни и вождей французской революции.

— Фридрих настоящая энциклопедия! — восхищался Маркс. — Работоспособен в любое время дня и ночи, пишет и соображает быстро, как черт!

Через неделю газету читали уже во всех городах Германии. Это была первая настоящая пролетарская газета.

1848 год. Лето — осень

В июне восстала Прага. Восстание было разгромлено. Противники революции начинали приходить в себя. Лавочники, хозяева мелких мастерских боялись власти рабочих больше, чем королевской мести. В Германии одни ждали решений франкфуртского парламента. Другие надеялись на решение берлинского национального собрания.

«Ты думаешь, что покончил с помещичьим государством? — спрашивал Энгельс читателя в передовой статье. — Заблуждение! Ты думаешь, что теперь тебе уже

обеспечено право свободного объединений, свобода печати, вооружение народа и прочие высокие слова, которые летели к тебе через мартовские баррикады? Заблуждение! Чистейшее заблуждение!»

Июньское восстание в Париже подтвердило пророческие слова Маркса: рабочие, разуверившись в правительстве мелких буржуа, снова пошли на баррикады.

«Храбрость, с которой сражались рабочие, — писал Энгельс, — поистине изумительна. От тридцати до сорока тысяч рабочих целых три дня держались против более восьмидесяти тысяч солдат, ста тысяч национальных гвардейцев, против картечи, гранат и зажигательных ракет, против «благородного» военного опыта генералов. Рабочие разбиты, и значительная их часть зверски уничтожена. Их павшим борцам не будут оказаны такие почести, как жертвам июля и февраля; но история отведет им совершенно особое место, как жертвам первой решительной битвы пролетариата».

Жестокая расправа над рабочими Парижа стала сигналом для реакции в Германии. В городах вводили осадное положение, у народа отнимали оружие.

В Кёльне тоже было беспокойно. Кёльнское демократическое общество собирало тысячи людей на митинги. И на каждом митинге Энгельс призывал к активному сопротивлению реакции.

Из корреспонденции «Судебное преследование «Новой Рейнской газеты».

«Кёльн, 4 августа. Наши осложнения с прокуратурой продолжают... Вчера были вызваны в качестве свидетелей двое из наших редакторов — Дронке и Энгельс. Дронке временно отсутствует, а Энгельс явился, но не был допрошен под присягой, так как подозревают, что записка, недавно конфискованная в редакции нашей газеты, написана его рукой, и, таким образом, возможно, что ему будет предъявлено обвинение».

Адвокаты, купцы, профессора, говоруны ффранкфуртского собрания сдавали завоеванные народом позиции перед реакцией. Новое прусское правительство, составленное из богатых либеральных дворян, которых возглавил крупный коммерсант Кампгаузен, не выполнило ни одного обещания.

В городах Германии стали активно действовать рабочие общества. В Кёльне рабочим обществом руководили Шаппер и Молль. Энгельс часто выступал на его митингах. Рабочие были настроены воинственно. Власти боялись их и потому не могли закрыть газету.

Из корреспонденции «Судебное преследование «Новой Рейнской газеты».

«Кёльн, 5 сентября. Вчера снова один из редакторов нашей газеты — Фридрих Энгельс был вызван к судебному следователю в связи с делом Маркса и его соучастников, но на этот раз не в качестве свидетеля, а в качестве одного из обвиняемых».

Положение в стране усложнялось. Революция отступала. Издавать газету становилось все труднее. Местные либералы забирали свои паи.

В конце августа Маркс уехал добывать для газеты деньги. Энгельс остался вместо Маркса главным редактором.

Началась осень. Холодные дожди, слякоть, промозглые ветры. Но это не мешало тысячам рабочих собираться за городом на митинги.

Власти объявили в Кёльне военное положение. Шаппера арестовали. Пытались арестовать Молля, но рабочие отбили его. Приказ об аресте Энгельса был опубликован в газетах.

Два дня Энгельс скрывался в пустом дедовском доме. Потом явился взбешенный отец.

— Я не желал тебя знать и видеть, но меня умолила

твоя мать. Разве тебе не известно, что приказ о твоём аресте напечатан даже в Бармене?

— Именно потому я и нахожусь здесь...

— А я именно поэтому требую, чтобы ты немедленно освободил этот дом. Не хватает, чтобы господин обер-прокурор подумал, что это мы сами тебя прячем. По закону я обязан немедленно сообщить властям, где ты. По твоей воле я уже сейчас стал государственным преступником, так как скрыл место твоего пребывания. Мне нет дела, куда ты пойдёшь отсюда, но в Вуппертале тебе не место.

Энгельс перебрался в Бельгию.

Брюссельская полиция немедленно арестовала его. В арестантской карете его отвезли на вокзал. Под конвоем полицейских Энгельс доехал до французской границы. Все же, подумал он, это был благородный жест. Его ведь могли бы и попросту выдать прусским властям.

С весенним революционным Парижем было покончено. Рассказывали о таких жестокостях и казнях, которые даже в средневековье было бы трудно представить. По бульварам прогуливались буржуа и полицейские шпионы.

Остаться здесь Энгельс не мог. Единственной страной, где его могли принять, была Швейцария. Деньги давно кончились, и он решил добираться пешком.

Энгельс спал на виноградниках, иногда помогал местным жителям, и они подкармливали его.

Здоровяк мясник, высланный из Парижа на строительные работы, уговаривал Энгельса вступить в его бригаду, сулил хороший заработок.

Через две недели Фридрих добрался до Швейцарии.

Здесь Энгельс узнал, что осадное положение в Кёльне отменено, газета снова выходит. Ему даже попались несколько новых номеров. Он тут же написал Марксу.

Маркс выслал ему деньги, какие мог найти. Ведь весь остаток его наследства был вложен в газету. Иначе нечем было бы заплатить за бумагу, краску. Типографские рабочие соглашались работать бесплатно.

Скоро пришло письмо из дома.

«Мне известно из достоверных источников, будто редакция «Новой Рейнской газеты» заявила, что если ты и вернешься, то они не примут тебя обратно своим сотрудником... ты видишь теперь, что у тебя за друзья и чего ты можешь ожидать от них», — писала мама.

Энгельс грустно улыбнулся. Перед ним лежал номер «Новой Рейнской», в котором Маркс объявлял, что состав редакции остается прежним. Это было очень смело — ведь власти разыскивали Энгельса, чтобы арестовать.

Почти одновременно с маминным он получил письмо Маркса: «Как мог ты предположить, что я брошу тебя хотя бы на минуту на произвол судьбы! Ты неизменно мой ближайший друг, как и я, надеюсь, твой».

Недели через две тайне от отца мама прислала ему денег.

«О Марксе я ничего не хочу более говорить, если он поступает так, как ты пишешь, и я никак не сомневаюсь, что он сделал все, что мог, и я благодарна ему от всего сердца... Теперь ты получил от нас деньги, и я прошу тебя, купи себе теплое пальто, чтобы оно у тебя было на тот случай, если вскоре наступят холода...»

Милая мама! Она беспокоилась о теплой одежде, а опривался из затхлой Швейцарии назад, в Кёльн!

«Даже предварительное заключение в Кёльне лучше жизни в свободной Швейцарии», — писал он Марксу.

Еще весной политический эмигрант поэт Фрейлиграт жил в Лондоне. Он служил в коммерческой фирме «Хьют и компания», жалованья которой едва хватало ему на жизнь.

Его друг, знаменитый американский поэт Лонгфелло, написавший «Песнь о Гайавате», звал за океан, обещал помочь.

И как раз в те дни, когда Фрейлиграт решил уехать в Америку, в Европе началась революция.

«...Вы уже знаете о моих американских планах. Они, конечно, опрокинуты вместе с тронами, свидетелями крушения которых мы являемся и еще будем являться. Я возвращаюсь в Германию, чтобы по мере сил своих, самым непосредственным образом участвовать в вашей дальнейшей борьбе... равно готовый как к цензурным процессам, так и к баррикадам», — писал он друзьям 8 апреля.

Летом Фрейлиграт поселился в Дюссельдорфе. Германские события разворачивались не так, как предполагали революционеры. В Трире, Майнце и других городах королевские власти разгоняли народные представительства.

— Эти либералы повсюду отступают. Они предают народ, словно не было мартовских побед! — возмущался Фрейлиграт.

За один вечер он написал пламенные стихи «Мертвые — живым». Поэт вспомнил 22 марта, день торжества народа и день унижения прусского короля.

Мы думали: недаром, нет, мы головы сложили,
Теперь навеки можем мы спокойно спать в могиле.
Вы обманули нас! Позор живым! Вы проиграли.

Стихи клеймили успокоившихся, трусливых, требовали продолжения революционной войны.

Маркс немедленно выпустил стихи в виде листовки. Фрейлиграт стал сотрудником редакции «Новой Рейнской».

Прокуратура Дюссельдорфа и Кёльна возбудила против поэта дело «за оскорбление короля». Он был арестован и посажен в тюрьму.

3 октября начался суд. В зал явилась Национальная гвардия. У зала суда заранее собралась толпа.

Наконец под конвоем полицейских привели Фрейлиграта. Публика бросала ему под ноги букеты цветов.

— Я отказываюсь сидеть на скамье подсудимых, так как здесь, на судебном процессе, буду защищать завоевания народа, — заявил Фрейлиграт оторопевшему судье и спокойно сел на скамью рядом с защитниками.

Прокурор предъявил вещественное доказательство преступления — стал читать стихи «Мертвые — живым».

Публика рукоплескала, требовала повторить чтение. Смущенный прокурор снова начал читать. Его, словно актера, вызывали на «бис».

Присяжные, посоветовавшись, вынесли оправдательный приговор.

Из зала суда рабочие вынесли Фрейлиграта на руках. Они шли к дому поэта и пели революционные песни.

Вечером под его окнами было устроено факельное шествие.

1849 год. Зима

—Эй, Фрейлиграт, вы проиграли пари! — крикнул Веерт, как только Энгельс вошел в редакцию. — Кто утверждал, что Фридрих вернется через неделю? Вы! А я говорил, что он будет сегодня, я-то его хорошо знаю!

Из корреспонденции «Два процесса «Новой Рейнской газеты».

«Кёльн, 8 февраля. Вчера и сегодня в нашем суде присяжных снова состоялись два процесса по делам печати

(против Маркса, главного редактора «Новой Рейнской газеты», Энгельса и Шаннера, сотрудников этой газеты... которые обвиняются в том, что они возбуждали народ против правительства в связи с отказом от уплаты налогов). Наблюдалось необычайное скопление народа. На обоих процессах обвиняемые защищали себя сами и стремились доказать неосновательность обвинения; это им удалось в такой степени, что присяжные вынесли в обоих случаях приговор «не виновны».

1849 год. Весна — лето

Революционная армия беспорядочно отступала к швейцарской границе.

— Низкие трусы! — ругался командир корпуса Виллих. — Подлое правительство. «Умереть за республику!» — передразнил он. — Выпивают сейчас в швейцарском кабаке, а мы тут держи заслон.

— Смотрите, какая картинка! — Энгельс показал на лужок около селения.

Офицер и два солдата в блузах добровольцев революционной армии пытались продать крестьянину пушку.

— Железо, оно в хозяйстве всегда пригодится, — рассуждал крестьянин, — да уж больно его тут много. — Он понимал, что цена орудия падает с каждым часом, а если торговаться до вечера, то офицер, глядишь, отдаст пушку и задаром.

— А ну поворачивай лошадей, подлец! — не выдержав, закричал на молодого офицера Виллих. — И вези орудие на холм. Я тебя заставлю умереть за республику!

Увидев полковника, офицер слегка смутился.

— Но ведь отдан приказ об отходе всей армии. Швейцарцы предупредили: еще одно сражение, и они закроют границу.

— Я тебя сейчас пристрелю на месте, как собаку и мародера, если не повернешь лошадей к холму. — Вил-

лих вытащил пистолет. — О том, как надо было воевать, ты не задумывался, а приказ об отходе усвоил сразу.

Офицер пожал плечами и приказал притихшим солдатам развернуть оружие и везти к холму. Там он сорвал с себя серебряные эполеты, спрятал их в карман, в последний раз взглянул на оружие и вместе с солдатами погнал своих лошадей обходным путем через луг к границе.

— Ну что же, Энгельс! Теперь мы с тобой единственные офицеры революционной армии на германской территории. Все остальные во главе с генералами сбежали, как крысы.

А всего два месяца назад победа была возможна. События развивались в пользу демократических сил.

После многодневной говорильни общегерманский парламент во Франкфурте утвердил наконец конституцию. По его решению все мелкие германские государства объединялись, а прусский король становился во главе их конституционным монархом, императором.

При этом все — и парламент и король — знали, что империя была пока лишь воображаемой, а корона — бутафорской. Но год назад и такую корону король принял бы с благодарностью. Теперь же, осмелев, почувствовав силу, он дал франкфуртскому собранию, по сути, пинок, отказавшись от предложенной ему империи и короны. Даже жалкая, со всех сторон подрезанная конституция была королем отвергнута.

И тогда в Германии одновременно восстали Дрезден, Эльберфельд, Баден, Пфальц.

Во главе отряда рабочих-добровольцев с двумя ящиками патронов Энгельс въехал в восставший Эльберфельд.

Но то, что он там увидел, разочаровало его.

В комитете безопасности заседали знакомые говоруны — адвокаты, прокуроры, городские советники. Больше всего они боялись обеспокоить солидных горожан. Вооружены были только бюргеры.

Они не сумели даже объединиться с Барменом. И город на противоположной стороне реки Вуппер объявил себя нейтральным.

— Не правда ли, забавно, Энгельс? — сообщил со смехом адвокат из комитета. — Вы ведаете обороной здесь, а ваш брат с отрядом вооруженных бюргеров на том берегу охраняет вашу же фабрику. А что, если придется бомбардировать именно ее?

— Я выстрелю. — Энгельс пожал плечами. — Вы лучше объясните, почему рабочие, охраняющие баррикады, безоружны, а комитет безопасности предательски бездействует? Я же требовал разоружить бюргеров и передать оружие рабочим. Мало того — бойцам нечего есть. Надо немедленно взыскать налог с богатых горожан...

— Энгельс, дорогой! Да кто в нашем почтеннейшем комитете на это осмелится! Я вчера отдал приказ осмотре гарнизона, надо же наконец сосчитать, сколько у нас солдат. Так этот приказ немедленно отменили по причине, что шум от воинских команд смутит покой граждан. Наш комитет предпочтет трижды сдаться в плен пруссакам, чем позволит себе хотя бы единственный выстрел.

Энгельс собрал верных людей и реквизировал оружие из кроненбергской ратуши. Там нашлось восемьдесят ружей, и часть рабочих теперь была вооружена.

Родной дом был рядом, но Энгельс даже не смотрел в ту сторону. С красным шарфом, перекинутым через плечо — знаком высшего командного состава, он стоял на баррикаде, перегораживающей мост через Вуппер, и изучал окружающие высоты. «Поставить бы там пушки!» — думал он. Но пушек было недостаточно.

— Господин Энгельс, — отвлекли его, — вас там спрашивают.

Энгельс спустился с баррикады. Перед ним стояли раб-
бочие из отряда, который он собрал по дороге сюда.

— Мы хотим уходить, — заявили они, — тут нам не-
чего делать. Это не восстание, а самое настоящее преда-
тельство.

— Подождите, товарищи, день-два. Возможно, что-то
изменится.

Ночью Энгельс обошел посты и баррикады. Рабочие
несли службу старательно. Утром, когда он прилег
вздремнуть, к нему пришел тот же адвокат из комитета
безопасности.

— Вы только не обижайтесь, Энгельс. Лично я вас
яростно отстаивал, но... Уж очень вы тут яркая фигура:
известный коммунист, редактор «Новой Рейнской». А чле-
ны нашего комитета боятся коммунистов больше, чем
пруссаков. Одним тем, что вооружили рабочих, вы здесь
всех перепугали. Некоторые даже предлагали арестовать
вас ночью и отдать пруссакам. Короче, комитет не будет
против, если вы покинете город. Скажу вам по секрету,
они собираются сдаваться.

Вместе с Энгельсом уходили из Эльберфельда многие
рабочие-добровольцы.

Вскоре после их ухода буржуа разобрали баррикады
и построили триумфальные арки для встречи прусских
войск.

Обер-прокурор города издал приказ об аресте Эн-
гельса.

16 мая Энгельс вернулся в Кёльн. В тот же день при-
ехал Маркс, который снова ездил добывать для газеты
деньги.

В редакции их встретил Фрейлиграт. Лицо его было
озабоченно.

— Приказ о высылке Маркса на столе. Правитель-
ство наконец исхитрилось. Так как Маркс лишен прус-
ского подданства семь лет назад, то он не имеет права

здесь жить. А тебя, Фридрих, думаю, не сегодня-завтра арестуют.

Несколько минут все молчали.

— Друзья, будем готовить прощальный номер, — сказал наконец Маркс.

19 мая 1849 года вышел последний номер «Новой Рейнской газеты». Набранный красной краской, он пламенел как факел.

Газета начиналась стихами Фрейлиграта:

Так прощайте! Но только не навсегда!
Не убьют они дух наш, о братья!
Час пробьет, и, воскреснув, тогда
Вернусь к вам живая опять я!

Обращение «К кёльнским рабочим» кончалось словами:

«Редакторы «Новой Рейнской газеты», прощаясь с вами, благодарят вас за выраженное им участие. Их последним словом всегда и повсюду будет: **освобождение рабочего класса!**»

Потом шла большая статья Энгельса.

«Дело решится в течение немногих недель, может быть, нескольких дней. И вскоре французская, венгеро-польская и немецкая революционные армии будут праздновать на поле битвы у стен Берлина свой праздник братства».

Тогда, 19 мая, все они верили в это.

Теперь, в июле, Энгельсу было горько вспоминать оптимистические строки его прощальной статьи в «Новой Рейнской». Победа была бездарно упущена.

Стоило пфальцскому правительству объединиться с

баденским и действовать решительно, как поднялась бы вся Германия. На этом настаивали Маркс и Энгельс.

Но смело и стойко вели себя только рабочие. Командир корпуса Виллих был единственным стоящим офицером во всей пфальцской армии. Этот бывший прусский лейтенант стал членом Союза коммунистов.

— Полюбуйтесь, Энгельс, на донесение одного из наших генералов: «Заметив противника, мы отступили», — стонал Виллих, возвращаясь с очередного военного совета. — Пьяницы и мерзавцы: так они надеются победить!

Энгельс лично водил в атаки рабочие отряды. Здесь, в сражениях, именно они — коммунисты — были и самыми смелыми солдатами. Прочие добровольцы, набранные из лавочников и ремесленников, могли сняться в любую минуту с позиций и разбежаться по домам.

Иосиф Молль с чужим паспортом не раз пробирался через вражеские позиции в прусские земли и проводил отряды рабочих. В Пруссии было издано уже несколько приказов об аресте, и если бы его схватили, то расстреляли немедленно.

Иногда выдавалось немного свободного времени, и друзья тотчас начинали обсуждать будущее Союза коммунистов.

— Половину союза мы уже потеряли, — с горечью говорил Молль. — Общины снова должны быть тайными. От легальной деятельности придется отойти совсем.

— Здесь я с вами не согласен, Молль. Надо всегда использовать любую возможность открытой работы, — убеждал Энгельс.

Тот спор они не успели закончить, потому что пошли в бой.

В рукопашной схватке Энгельс потерял Молля из виду...

Когда после боя они отошли, Фридриху сообщили, что Молль погиб.

Энгельс, сам чудом оставшийся в живых, заплакал, когда узнал об этом.

Последними воинами революционной армии, перешедшими границу, были Энгельс и Виллих.

В Швейцарии Энгельс сразу принялся отыскивать следы Маркса. Весь этот месяц до него доходили лишь слухи, которым он в конце концов перестал верить.

Говорили, что Маркс арестован прусскими жандармами и сидит в тюрьме. Кто-то уверял, что ему удалось скрыться и вместе с семьей бежать в Америку. Убуждали, что Маркс расстрелян по решению военного трибунала...

Энгельс разослал письма в разные города по более или менее верным адресам, с тем чтобы какое-нибудь письмо дошло до Маркса.

Он заходил на почту по несколько раз в день — ответа не было.

Наконец, когда он уже совсем отчаялся, пришло письмо из Парижа.

Маркс — Энгельсу

Париж, 1 августа 1849 года

«Дорогой Энгельс!

Я очень беспокоился за тебя и чрезвычайно обрадовался, получив вчера письмо, написанное твоей рукой...

У тебя теперь имеется прекрасная возможность написать историю баденско-пфальцской революции или памфлет об этом. Без твоего участия в военных действиях мы не смогли бы выступить со своими взглядами по поводу этой дурацкой затеи. Ты можешь при этом великомерно выразить общую позицию «Новой Рейнской газеты»...

Я начал переговоры об издании в Берлине периодического (ежемесячного) политико-экономического журнала, для которого должны будем писать главным образом мы оба.

Лупус также в Швейцарии, я полагаю, в Берне. Верерт был вчера здесь, он основывает агентство в Ливерпуле.

Будь здоров. Кланяйся сердечно Виллиху...

Твой К. М.».

Стояла солнечная мягкая погода, и Фридрих был счастлив — Маркс жив!

Энгельс немедленно отправил письмо, в котором звал его сюда, в Швейцарию. Швейцария была нейтральной страной, и здесь Маркс находился бы в большей безопасности, чем во Франции, где началась расправа с революционными рабочими.

Французское правительство могло сговориться с прусским королем и выдать ему всех политических эмигрантов.

Маркс — Энгельсу

в Лозанну

Париж, 23 августа 1849 года

«Дорогой Энгельс!

Меня высылают в департамент Морбиан, в Понтийские болота Бретани. Ты понимаешь, что я не соглашусь на эту замаскированную попытку убийства. Поэтому я покидаю Францию.

В Швейцарию мне не дают паспорта, я должен, таким образом, ехать в Лондон, и не позднее, чем завтра. Швейцария и без того скоро будет герметически закупорена, и мыши будут пойманы одним ударом.

Кроме того: в Лондоне у меня имеются положительные виды на создание немецкого журнала...

Ты должен поэтому немедленно отправиться в Лондон. К тому же этого требует твоя безопасность. Пруссак тебя дважды расстреляли бы: 1) за Баден; 2) за Эльберфельд.

...Как только ты заявишь, что хочешь поехать в Анг-

лю, ты получишь во Французском посольстве паспорт для проезда в Лондон.

Моя жена остается пока здесь...

Еще раз повторяю: я твердо рассчитываю на то, что ты меня не подведешь.

Твой К. М.».

Ровно пять лет назад Энгельс отплывал на пассажирском судне из Англии, чтобы встретиться в Париже с Марксом.

Тогда ему еще не было двадцати четырех лет. Сейчас — почти двадцать девять.

Но как много сделано ими за эти пять лет! Создан Союз коммунистов. Написан «Коммунистический Манифест».

Оглянешься — и можно подумать, что прошла целая жизнь...

А жизнь лишь только начиналась, и главные дела были впереди.

ЭМИГРАЦИЯ

*Я скитаться должен был до гроба,
Горький хлеб изгнания вкусил.*

Фрейлиграт

1849 год. Осень

10 ноября 1849 года парусная шхуна «Корниш Даймонд» поднялась вверх по Темзе.

В унылом лондонском районе Челси Энгельс разыскал улицу, на которой поселился Маркс с семьей.

— Мы так ждали тебя, Фридрих, — крепко обнял его Маркс.

В небольших комнатах ютилась вся его семья: Женни, Ленхен, дочери Женни и Элеонора, четырехлетний Эдгар и новорожденный Гвидо, прозванный Фоксиком.

— Не пугайтесь, господин Энгельс, нашей тесноты, — проговорила Ленхен, усаживая гостя за стол. — Здесь всем эмигрантам живет бедно, но вас сейчас даже попытаются накормить.

Она выставила вареную картошку, нарезала хлеб. Взрослые и дети сели тесным кружком за скудную трапезу. Лишь малыш Гвидо спал в другой комнате.

Утром они обсудили, как издавать дальше «Новую Рейнскую газету».

— Сейчас важно доказать, что дело не остановилось. Пусть это будет журнал, но с тем же названием. Редактировать будем здесь, печатать в Гамбурге, я договорился, — сказал Маркс.

Энгельс сразу сел писать «Призыв к подписке на ак-

ции». Деньги на издание должны были собрать друзья, оставшиеся пока в Германии. Фрейлиграт, Вейдемеер, Лупус тоже становились сотрудниками.

1850 год. Зима

Германское посольство в Англии папало шпионов.

За домом Маркса установили особенную слежку.

Журнал перевозился для печати в Германию тайно, шпионы надеялись перехватить его.

Для первых трех номеров Энгельс написал работу «Германская кампания за имперскую конституцию» — о тяжелых боях, о том, как трусливые буржуа всюду предавали рабочих.

«Статьи о Бадене не могли бы быть лучше, даже если бы я их сам написал. Это, конечно, высшая похвала, которой я могу наградить Энгельса», — отозвался Веерт шутливо, прочитав журнал.

Для следующих выпусков Энгельс написал историческое исследование «Крестьянская война в Германии», в котором он сопоставил войну, только что проигранную, с той, что несколько веков назад вели крестьяне. И тогда предавали крестьян так же, как сейчас предали рабочих. Энгельс доказывал, что добиться свободы крестьянин может только в союзе с рабочим.

Маркс напечатал в журналах работу «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 год».

Они продолжали обобщать опыт революции с позиций научного коммунизма.

Уже месяц вместе с Марксом Энгельс руководил Социал-демократическим комитетом помощи немецким эмигрантам, спасал от голодной смерти революционных бойцов, их жен и детей.

В конце революции было трудно поверить. Оборванные, изможденные до крайней степени эмигранты соби-

рались в дешевых кофейнях и говорили только о ней. Иногда возникали слухи: в Кёльне восстали рабочие, в Дрездене строят баррикады. На какой-то момент все оживлялось, но... наавтра читали газеты, и наступало разочарование — во всех германских городах свирепствовали военно-полевые суды, и рабочим было не до восстаний.

На улицах лежал грязный мокрый снег. А многим эмигрантам негде было спать, нечего есть.

— Лондон, конечно, единственное место, где после поражения революции их не выдадут и в тюрьму не отправят. Но английского они не знают, работу найти не могут. Надо их спасать, — сказал Маркс в день приезда Энгельса в Лондон. — Это дело сейчас не терпит никакого отлагательства.

Маркс уже давно заложил в ломбард все, что мог. А когда Женни неожиданно досталось от дальних шотландских родственников в наследство немного старинного серебра, его тоже пришлось отнести в заклад: мясник и зеленщик не отпускали продуктов несколько дней.

— Кто вы? — спросил ростовщик, удивленный несоответствием вида немецкого эмигранта и ценностью серебряных изделий.

— Я доктор философии Маркс.

— Возможно, тот, кому эти вещи принадлежат, и в самом деле доктор, — сказал здоровенный меняла и уже приготовился позвать полисмена. — Вам же такие старинные вещи принадлежать не могут.

К счастью, подошли знакомые, которые подтвердили, что серебро принадлежит доктору Марксу, а человек, принесший сдавать в заклад, именно им и является.

Энгельс был секретарем Комитета помощи. Он обошел все возможные места, чтобы получить пожертвования, рассылал письма с призывами о помощи, печатал отчеты о расходах в демократических газетах.

Наконец удалось организовать мастерскую для рабочих, не знающих английского, общежитие, столовую.

Весь год Энгельс жил в Лондоне на грошовые заработки от статей. Постепенно родственники стали восстанавливать с ним связи.

Отец по-прежнему нуждался в личном представителе у братьев Эрмен в Манчестере. Но — баррикада на мосту, сын — командир бунтовщиков, пушки, готовые бомбардировать фабрику Энгельсов, — такое не забывалось. Отец не разрешал писать даже матери, и Фридриху написала сестра Мария. В юности, не так уж давно, а словно в другую эпоху, Фридрих и Мария переписывались часто. Много забавных рисунков, шутливых стихов посылал он ей из Бремена и Берлина.

Мария дипломатично спрашивала, не мог бы он заняться коммерцией в манчестерском отделении фирмы. Хотя бы год-два...

Сначала это показалось невыносимым — вернуться в торговую фирму! Но только так он мог помочь Маркусу. Приходилось решаться.

Отец оставался человеком деловым и нечеткости в отношениях не любил. Написав Фридриху письмо, он определил твердые суммы — на жалованье, на представительство...

В середине ноября Фридрих приехал в Манчестер.

— Пожалуй, этому переезду рада одна я, — сказала Мери, встретив его на вокзале. — Я так устала жить между двумя городами.

Маркс — Энгельсу

в Манчестер

Лондон, 19 ноября 1850 г.

«Дорогой Энгельс!

Пишу тебе только несколько строк. Сегодня, в 10 часов утра, умер наш маленький... Фоксик. Еще за несколько минут до этого он смеялся и шалил. Все это

случилось совершенно неожиданно. Можешь себе представить, что здесь творится. Из-за твоего отсутствия как раз в данный момент мы чувствуем себя очень одинокими...

Твой К. Маркс.

Если у тебя будет настроение, напиши несколько строк моей жене. Она совершенно вне себя».

Энгельс получил это письмо на третий день после приезда.

Надо было хоть как-то утешить Женни, и он сразу сел за письмо. Денежный перевод — часть аванса за будущую работу в конторе — он уже отправил в Лондон.

Если мы избрали профессию, в рамках которой мы больше всего можем трудиться для человечества, то мы не согнемся под ее бременем.

Карл Маркс. Из гимназического сочинения «Размышления юноши при выборе профессии»

Утром Энгельс пошел в контору, в дом № 7 на Сузгейт Дин-стрит. Это был деловой район, недалеко от ратуши и биржи. Когда-то в своей «английской» книге он подробно описал эти улицы.

Как и раньше, окна конторы выходили на склад с пряжей. Даже в самую жару здесь никому бы не пришло в голову распахнуть их — тяжелый манчестерский смог так и просачивался сквозь любую щель. Белый бумажный лист, пролежавший на столе в рождественские праздники, становился грязно-серым.

Должность Фридриха называлась клерк-корреспондент. Он был ассистентом Готфрида Эрмена, главы фирмы. С десяти утра вел переговоры с агентами других фирм, изучал биржевые сводки, писал деловые письма в Европу, Америку, Индию, даже в Россию. Продукцию фирмы «Эрмен и Энгельс» покупали везде.

Нитками, выпущенными их фабриками, шили мундиры чиновникам России, одежду рабочим и крестьянам Германии, Дании, Голландии. Не зря когда-то отец мечтал видеть представительства фирмы в любой стране.

Деловая круговерть не останавливалась. Не успевал Фридрих закончить переговоры с одним клиентом, его уже ждал другой. Потом надо было бежать на биржу. Он прибегал назад, в контору, и Готфрид Эрмен

давал ему новые поручения. Готфрид был сух и властен.

Получал Энгельс в первые годы столько, сколько обыкновенные клерки.

А помощь Марксу требовалась постоянно. Лишь Энгельс мог поддерживать его, Женни, Ленхен, детей.

Вряд ли кто из коллег или приятелей по клубу Альберта, где собирались такие же, как Энгельс, коммерсанты, догадывался, как мечтал он о кризисе!

Это были десятилетия, когда люди открыли могущество техники и были опьянены этим могуществом. Железные дороги прокладывались из страны в страну. Создавались паровые машины одна мощнее другой. Поговаривали о новых видах энергии.

А Энгельс мечтал о кризисе!

Только он мог спасти. Потому что промышленный кризис порождает революционную ситуацию — это Маркс сформулировал четко.

1851 год. Лето

8 августа Маркс получил письмо от главного редактора прогрессивной американской газеты. Маркса и Фрейлиграта приглашали стать постоянными корреспондентами.

Это давало небольшой, но регулярный заработок. Статьями же можно было помочь демократическому движению.

Но Маркс пока еще недостаточно хорошо знал английский язык.

«Если бы ты смог доставить мне до пятницы утром (15 августа) написанную по-английски статью о немецких делах, это было бы великолепным началом», — попросил он Энгельса.

«Сообщи мне, и притом поскорее, в каком роде ее писать... сообщи вообще все, что можешь, чтобы

помочь мне справиться с этим», — ответил немедленно Энгельс.

«Остроумно и непринужденно. Эти господа в иностранном отделе очень дерзки», — объяснил Маркс коротко.

Энгельс — Марксу

в Лондон

Манчестер, 21 августа 1851 г.

«Дорогой Маркс!

Посылаю тебе при сем статью, о которой ты просил. Стечение различных обстоятельств способствовало тому, что она оказалась плохой. Прежде всего я с субботы был, для разнообразия, нездоров. Затем у меня не было никакого материала... Затем — короткий срок и работа на заказ, почти полное незнакомство с газетой и с кругом ее читателей... Все это, а также то, что я совершенно отвык писать, сделали эту статью очень сухой, и если ее за что-либо можно похвалить, то лишь за гладкий английский язык, которым я обязан привычке в течение восьми месяцев говорить и читать почти исключительно по-английски.

Словом, ты сделаешь с ней все, что захочешь».

Маркс — Энгельсу.

в Манчестер

Лондон, 25 августа 1851 г.

28, Дин-стрит, Сохо

«Дорогой Энгельс!

Прежде всего благодарю тебя за твою статью. Вопреки всем ужасам, которые ты о ней наговорил, она великолепна и в неизменном виде поплыла в Америку...»

Это была первая из девятнадцати статей, которые написал за тот год Энгельс для популярной американской газеты. И главный редактор, и читатели были уве-

рены, что статьи эти — Маркса. Они были изданы через сорок пять лет отдельной книгой. Книга называлась «Революция и контрреволюция в Германии».

За следующие девять лет Энгельс написал за Маркса больше ста двадцати статей. Другие, написанные Марксом, он переводил на английский. Он занимался этим после восьми вечера, когда, измотанный конторской работой, возвращался в свой небольшой, на окраине города, домик.

Центральный комитет Союза коммунистов было решено перенести в Кёльн, ближе к практической деятельности.

В мае одиннадцать руководителей Кёльнского союза были арестованы. Фрейлиграт к этому времени успел переехать в Англию.

Судебный процесс начался через полтора года после ареста. Власти не смогли найти доказательства преступной деятельности коммунистов и тогда пустили в ход клевету лжесвидетелей. Буржуазные газеты, послушные властям, поздравляли судей.

Маркс и молодой Либкнехт, с которым Энгельс познакомился в Швейцарии, изучали подложные документы, писали опровержения для газет. За почтой Маркса пристально следила полиция. Поэтому Энгельс и Веерт отправляли письма в конвертах своих фирм.

Казалось бы, что обман властей раскрыт: на суде лжесвидетели не раз отказывались от показаний. Но через месяц семеро обвиняемых были осуждены. Их ждала тюрьма.

17 ноября 1852 года Лондонский округ Союза коммунистов, которым руководил Маркс, объявил о своем роспуске и несвоевременности дальнейшего существования Союза коммунистов.

Решение это далось нелегко.

Условия изменились, и до нового революционного подъема работу Союза коммунистов лучше было временно прервать.

Изредка приезжал отец. Останавливался в манчестерской квартире, снятой для представительства. Окольными путями пытался навести справки о делах сына.

Готфрид Эрмен на вопрос о Фридрихе ответил сухо: — Буду недоволен, разорву контракт.

Отец старался выглядеть приветливым. Сын — тоже. За неделю оба от этого уставали и, простившись, вздыхали с облегчением.

Весной 1860 года Энгельс получил телеграмму от братьев:

«Отец тяжело болен».

Въезд в Пруссию был ему запрещен. Пока добивались разрешения, отец скончался. Энгельс приехал уже на похороны.

Фридрих не был в Вуппертале уже давно, все его братья стали взрослыми, он с трудом узнавал их.

Фабрики, которыми они владели, давали хороший доход, братья стали солидными коммерсантами, на Фридриха смотрели с удивлением и страхом.

Сразу после похорон старший после Фридриха, Герман, заговорил о наследстве.

— Не лучше ли о деле потом, хотя бы завтра, — предложил Фридрих.

— Нет, они деловые люди, и чувства не должны мешать их рассуждениям, — настаивал Герман. — Так вот, они, братья, хотят предупредить Фридриха, чтобы он не рассчитывал на проценты с фабрики в Энгельскирхене. И здесь, в Бармене, ему ничего не достанется. Какое ко всему этому он имеет отношение, если столько лет живет в Манчестере?

Этот разговор волновал братьев явно больше, чем смерть отца.

Чтобы не огорчать спорами мать, Фридрих согласился.

На вуппертальских улицах ему не раз попадались бывшие соученики, бывшие друзья. Один из них стал пастором нижебарменской церкви.

После пяти минут разговора, заполненных незначительными фразами, Энгельс призадумался: куда у этого нынешнего пастора делось все, что так отличало его когда-то от местных обывателей. Ведь это ему Фридрих написал в ранней юности столько писем, ему доверял свои сокровенные мысли.

Из Бармена Энгельс вернулся в контору тем же клерком-корреспондентом. Братья согласились передать ему пай в манчестерском филиале, но дело о наследстве затянулось надолго.

Энгельс — Марксу

в Лондон

Манчестер, 31 января 1860 г.

«...Отнесись, наконец, хоть раз менее добросовестно к своей собственной работе; для этой паршивой публики она и так уже слишком хороша. Главное, чтобы вещь была написана и вышла в свет: слабых сторон, которые тебе бросаются в глаза, ослы и не заметят... Я хорошо знаю и все другие трудности, которые мешают тебе; но я хорошо также знаю, что главной причиной задержки является всегда твоя собственная скрупулезность».

К этому времени сам он написал работу «По и Рейн», и она вышла анонимно в Берлине. Он изучил военные науки, боевую тактику различных родов войск, и во время Крымской войны все ведущие газеты печатали его военные обзоры. Маркс давно удивлялся: Энгельс умел по нескольким перевранным сообщениям с полей сра-

жения представить истинную картину боя. То, о чем Энгельс писал в обзорах, обязательно через два-три дня сбывалось, и многие думали, что статьи пишет кто-нибудь из генерального штаба. Маркс давно уже прозвал Энгельса Генералом, а его манчестерский дом — генеральным штабом.

За эти годы Энгельс изучил русский язык, потом взялся за персидский, потому что стал изучать историю Востока.

Вместе с Марксом они написали несколько больших статей для «Новой американской энциклопедии». Но главный экономический труд, ради которого Маркс ежедневно работал в библиотеке Британского музея, а Энгельс сидел в конторе, чтобы пересылать ему денежные переводы, этот главный труд еще не был закончен.

Осенью 1850 года Маркс думал, что на работу уйдет лишь несколько месяцев. Потом он рассчитывал кончить за год. А теперь и десять лет прошло.

Прелюдия «Капитала» — «К критике политической экономии» — вышла в 1859 году. Энгельс называл ее великолепным трудом. Буржуазные газеты откликнулись лишь двумя рецензиями.

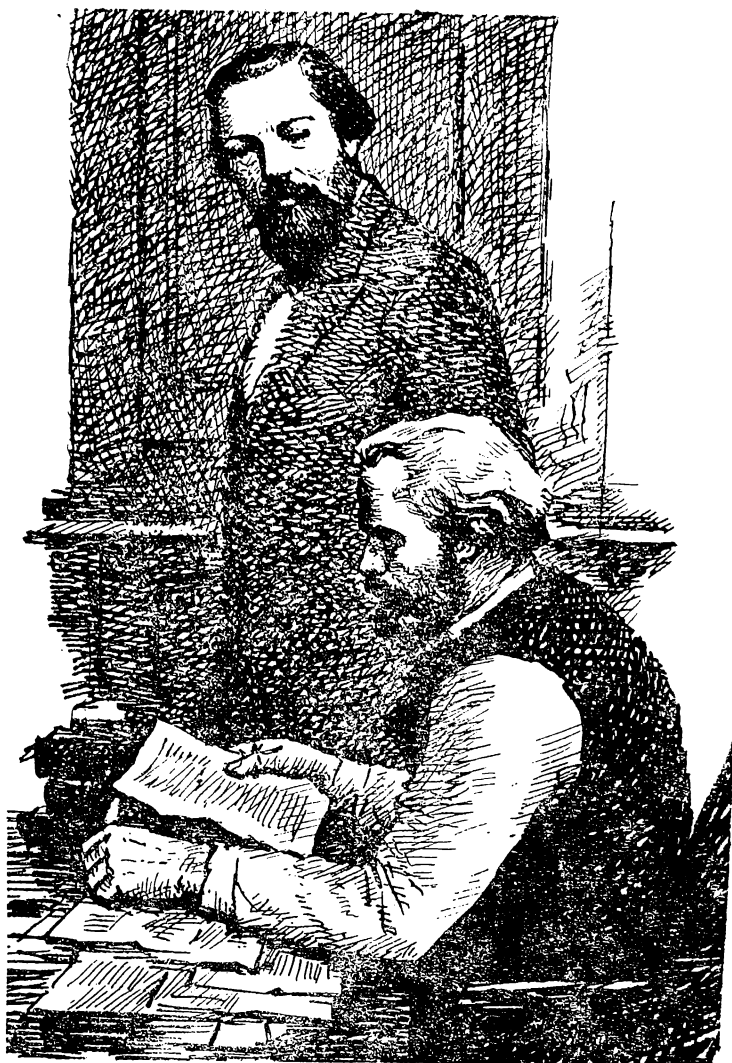
Энгельс — Марксу

в Лондон Манчестер, 7 января 1863 г.
«Дорогой Мавр!

Мери умерла... Я не в состоянии тебе высказать, что делается у меня на душе. Бедная девочка любила меня всем своим сердцем.

Твой Ф. Э.».

Позже Энгельс написал Марксу, что в те черные дни, с уходом из жизни Мери, он почувствовал, что навсегда ушла и его молодость.

1864 год

Промышленный спад в Европе начался уже в 1857 году.

Оживилась общественная жизнь. Энгельс надеялся, что гражданская война в Америке подтолкнет дремлющую Европу.

В Германии вновь набирало силу рабочее движение. Оно стало проявлять себя и во Франции и здесь, в Англии.

28 сентября 1864 года в Мартинс-холле собрались английские и французские рабочие. Они попросили Маркса прислать оратора от немецких товарищей. Маркс рекомендовал Эккартуса. Сам он тоже присутствовал на трибуне. Зал был переполнен.

На этом собрании родилось Международное Товарищество Рабочих. Потом его стали называть I Интернационалом. Во временный совет от Германии вошли Маркс и Эккартус.

Марксу поручили подготовить Учредительный манифест.

«С нетерпением жду манифеста к рабочим», — писал Энгельс.

Ему, компаньону фирмы, нельзя было публично выступать в Товариществе.

По новому контракту с Эрменом за Энгельсом осталась пай в десять тысяч фунтов, повышалась доля участия в прибылях. Теперь он уже стал третьим компаньоном фирмы. Но по-прежнему, как говорилось в контракте, он был обязан «отдавать фирме все свободное время и внимание и пунктуально выполнять все законные указания Готфрида Эрмена, правильно и аккуратно вести бухгалтерскую приходно-расходную отчетность и баланс, учитывать заключаемые сделки и вести деловые переговоры».

Вскоре Маркс прислал ему Учредительный мани-

фест. Как и прежний, Коммунистический, он заканчивался призывом:

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

1867 год. Апрель

Маркс — Энгельсу

в Манчестер

Лондон, 2 апреля 1867 г.

«Дорогой Энгельс!

Я решил не писать тебе до тех пор, пока не смогу сообщить об окончании книги. Теперь она готова...»

Энгельс — Марксу

в Лондон

Манчестер, 4 апреля 1867 г.

«Дорогой Мавр!

Ура! От этого возгласа я не мог удержаться, когда, наконец, прочитал черным по белому, что первый том готов и что ты хочешь немедленно повезти его в Гамбург».

1867 год. Август

Маркс — Энгельсу

в Манчестер

Лондон, 16 августа 1867 г.

2 часа ночи

«Дорогой Фред!

Только что закончил корректуру последнего (49-го) листа книги...

Итак, этот том готов. Только тебе обязан я тем, что это стало возможным! Без твоего самопожертвования ради меня я ни за что не мог бы вести всю огромную работу по трем томам.

Обнимаю тебя, полный благодарности...

Привет, мой дорогой верный друг!

Твой К. Маркс».

—◆—

Это была поистине великолепная книга!

Она произвела переворот во многих областях жизни людей. Здесь были и математические формулы, и научные доказательства, опровергнуть которые не смог бы ни один ученый, потому что они были выведены из законов природы и экономических отношений. И сами законы эти тоже были открыты автором «Капитала».

Буржуазное общество исследовалось в книге так глубоко и всесторонне, что труд Маркса был одновременно энциклопедией этого строя и великой научной поэмой, доказывающей неизбежность крушения капитализма.

1867 год. Осень

14 сентября 1867 года рабочий издательства Отто Мейснера в Гамбурге положил на стол первые экземпляры добротной переплетенной книги «Капитал. Критика политической экономии».

Книгу развезли по магазинам. В первый месяц она почти не расхищалась.

Буржуазные газеты уже давно старались не упоминать о работах Маркса.

«Молчание о моей книге нервирует меня. Я не получаю никаких сведений, — волновался Маркс. — Однако остается делать то, что делают русские, — ждать. Терпение — это основа русской дипломатии и успехов. Но наш брат, который живет лишь один раз, может околеть, не дождавшись».

Получив такое письмо, Энгельс решил действовать.

Одну рецензию он написал от имени ученого-экономиста, другую — от лица обывателя, третья была написана «коммерсантом-практиком». И в каждой рецензии, принаравливаясь к позиции и языку вымышленного автора, он рассказывал о сути великих открытий, сделанных Марксом.

И вот как-то Энгельс случайно развернул берлинскую газету и увидел большую статью о «Капитале». Автором ее был известный профессор, и о книге Маркса говорилось там уважительно.

Плотина молчания была прорвана. Во многих газетах появились рецензии, отзывы, высказывания о «Капитале».

Даже враги признавали победу Маркса.

Книга «составляет эпоху и бросает блестящий, порой ослепляющий след на развитие и гибель, на родовые муки и страшные дни страданий различных исторических эпох, — писал один из самых ярких врагов. — Маркс обладает широкой ученостью и блестящим диалектическим талантом. Книга превышает горизонт многих людей и газетных писак, но она, совершенно несомненно, проникнет в общее сознание и, несмотря на свои широкие задания или даже именно благодаря им, будет иметь могущественное влияние».

Срок контракта истекал через год, но Готфрид предложил Энгельсу уйти немедленно.

— Кроме пая, вы получите компенсацию за выход из моего дела, — говорил он, надеясь, что Энгельс не преминет воспользоваться этим предложением.

— Вы подписываете обязательство, что не заводите здесь самостоятельного дела и не вступаете в компаньоны с конкурирующими фирмами... — поставил Эрмен свое последнее условие.

— Это уже ограничение моей свободы, — Энгельс сделал вид, что недоволен, — мне надо подумать. И, как вы сами понимаете, ограничения должны быть хорошо компенсированы.

Ради этой компенсации Энгельс решил продержаться еще год.

Как раз в эти дни Марксу исполнилось пятьдесят лет.

«Как бы там ни было, поздравляю тебя с полувековым юбилеем, от которого, впрочем, и меня отделяет лишь небольшой промежуток времени. Какими же юными энтузиастами были мы, однако, 25 лет тому назад, когда мы воображали, что к этому времени мы уже давно будем гильотинированы», — написал Энгельс в Лондон.

1869 год. Июнь

Дочери Маркса — Женни, Лаура и младшая Элеонора-Тусси — любили приезжать в Манчестер к Энгельсу. Он знал их секреты, писал для каждой отдельные письма.

Когда двадцатипятилетний Поль Лафарг, исключенный из университета за революционные выступления, сделал Лауре предложение, Маркс ему сказал:

— Теперь, когда ты стал женихом моей дочери, ты должен познакомиться с Энгельсом.

В июне 1869 года Энгельс вывесил специальный календарь и теперь зачеркивал в нем дни. В конце месяца был нарисован пляшущий человечек.

Вечером 30 июня Тусси и Лиззи накрывали на стол, а Энгельс дописывал очередную страницу в рукописи об истории Ирландии.

Лиззи потихоньку сообщила, что несколько дней назад у них в доме прятался ирландский революционер, пытавшийся отбить своих товарищей, которых везли на казнь.

— Фреду ни слова, он рассердится, если узнает, что я выдаю тайну.

Энгельс как раз закончил писать.

— О чем вы там шепчетесь, дорогие дамы? — спросил он.

Лиззи растерялась, но Тусси наплалась.

— Мы боимся, Генерал, а вдруг вы завтра передумаете?

— Ни за что! Даже если Эрмену придет в голову подарить мне всю фирму. С проклятой коммерцией покончено!

Утром Тусси услышала пение. Это, надевая сапоги, распевал Энгельс.

— Встречайте меня пораньше и не забудьте охладить шампанское! — крикнул он уже из-за ворот.

Лиззи несколько раз выходила посмотреть, не возвращается ли Энгельс, но его все не было.

Наконец, когда они вышли вместе с Тусси на лужайку перед крыльцом, то сразу увидели идущего к дому Энгельса. Он шел, размахивая тростью.

— Генерал, вы не передумали? — спросила Тусси.

— Я свободный человек, ура! — крикнул Энгельс.

ПРОЩАНИЯ

С течением времени снова оживает в душе способность чувствовать, она становится доступной новым радостям и новым печалам, и так продолжаешь жить с израненным и все же несвободным от надежд сердцем, пока оно совсем не замрет.

Женни Маркс. Из письма к Ф. Зорге

1870 год. Осень

Племянник великого Наполеона Луи Бонапарт с трудом удерживал власть в стране. Все больше рабочих вступали в секции Интернационала. Чтобы отвлечь свой народ от революции, «маленький Бонапарт» объявил войну Пруссии. В военных обзорах Энгельс предсказал ему поражение. Предсказание сбывалось с удивительной точностью.

Энгельс переезжал из Манчестера в Лондон: Женни и Ленхен сняли для него дом, удобный и недорогой, на Ридженс-парк-род. А главное, он был в десяти минутах ходьбы от дома Маркса.

Энгельс в последний раз посетил библиотеку в клубе Альберта и заседание Шиллеровского общества, которым руководил много лет, прошел мимо конторы бывшей своей фирмы...

Вещи были уложены. Вместе с Лиззи, ставшей его женой, маленькой племянницей, прозванной Пумпс, Энгельс отправился в Лондон.

— ◆ —

Маркс — Энгельсу

в Манчестер

Лондон, 5 июля 1870 г.

«Дорогой Фред!

...Лафарг известил меня, что один молодой русский, Лопатин, привезет от него рекомендательное письмо. Лопатин посетил меня в субботу, я пригласил его на воскресенье (он пробыл у нас с часу дня до двенадцати ночи), а в понедельник уехал обратно в Брайтон, где живет.

Он еще очень молод, два года провел в заключении, а потом в крепости на Кавказе, откуда бежал. Он сын бедного дворянина, и в Санкт-Петербургском университете зарабатывал себе на жизнь уроками.

Очень ясная, критическая голова, веселый характер, терпелив и вынослив, как русский крестьянин, который довольствуется тем что имеет...

Чернышевский, как я узнал от Лопатина, был присужден в 1864 г. к восьми годам каторжных работ в сибирских рудниках, следовательно, ему нести эту ношу еще два года...

Твой Мавр».

Уже в первый вечер они подружились. Лопатину было двадцать пять лет, Марксу — пятьдесят три.

Лопатин говорил по-немецки, вставляя французские, английские фразы, на помощь пришла и латынь.

Маркс громко смеялся над его рассказами, он звал младшую дочь, жену, чтобы те тоже послушали.

Тусси, четырнадцатилетняя девочка-подросток, тут же взялась исправлять английское произношение у Лопатина.

На несколько часов Маркс и Герман уединились в кабинете. Лопатин читал по-русски переведенные им места из «Капитала».

— Я специально изучил этого автора, которого вы разбираете, — говорил он Марксу, — и заметил еще большую путаницу понятий против той, которую отметили вы. — Лопатин не сразу отважился на замечания: а ну как Маркс обидится...

— Это прекрасно! — обрадовался Маркс. — Объясните подробнее.

Лопатин стал объяснять.

Маркс тут же достал рабочий экземпляр книги и стал делать пометки.

— Однако ни один из русских пока еще не изучил так глубоко мою книгу, как вы, да, пожалуй, и среди моих соотечественников найдется немного, — проговорил Маркс, когда Лопатин замолчал. — Ваши замечания ценны, и я использую их при подготовке нового издания.

— Женни! Этот могучий молодой человек к тому же обладает и могучим умом! — говорил Маркс за столом вечером.

— Боюсь, что могучему телу и могучему уму Брайтон не дает достаточно пищи, — пошутила Женни. — Переселяйтесь к нам, — предложила она уже серьезно. — Я ведь знаю, как живет эмигранту, особенно в первый год. У нас в доме вы всегда найдете отдельную комнату, и никто вас не стеснит, бродяжничайте сколько понадобится, а на столе для вас всегда будет готовая еда.

— Мама, господину Лопатину это не надо. В Брайтоне он специально купается вдали на бесплатном пляже и ест там ракушки! — с благоговением сказала Тусси.

— Милая, если бы ты хотя бы три дня ела одни ракушки, ты, я думаю, сбежала бы от такой жизни куда угодно. Переселяйтесь к нам! — снова предложила Женни Лопатину.

— К тому же вам потребуется немало книг, а в Брайтоне их не найти, — добавил Маркс.

Они вновь уединились в кабинете, и Маркс подробно расспрашивал о Чернышевском.

— Я ведь специально стал изучать русский, чтобы прочесть его работы.

Лопатин рассказывал все, что знал по Петербургу и от Лаврова, дружившего с великим каторжанином.

— Это преступно, — проговорил Маркс, — один из самых глубоких умов нашего времени отнят у человечества!

— А в это время в русской эмиграции разброд, — сказал Лопатин. — Чернышевский пужен именно здесь. И я думаю, мы сумеем спасти его.

— Это не так просто, дорогой Герман, — Маркс заговорил тихо, — тут важно не переоценить силы, а еще важнее — провести все дело в полной секретности. Эмиграция наводнена шпионами.

Когда поздно вечером Лопатин уходил, его провожала вся семья.

20 сентября Энгельса и Германа Лопатина единогласно избрали членами Генерального Совета Интернационала.

Вместе с Лесснером Лопатин стал организатором демонстрации английских рабочих в защиту республиканцев Франции.

Вскоре Герман Лопатин исчез из Лондона, и мало кто знал, что он вновь тайно пробрался в Россию, чтобы попытаться спасти Чернышевского от сибирской каторги.

1871 год. Весна

28 марта на площади Ратуши, заполненной тысячами парижан, под звуки «Марсельезы» была провозглашена Парижская коммуна.

Поддерживать связь с Коммуной было трудно. В парижских предместьях стояли войска прусского короля. В Версале генерал Тьер собирал остатки верной ему армии, готовился к походу на Париж. Внутри города действовали его агенты.

— Почему коммунары медлят! — нервничал Энгельс. — Надо немедленно нанести Тьеру удар, пока он в Версале. Не дать ему возможности собраться с силами.

Тьер, знаменитый своей скупостью, приказал генералам никаких денег на нужды солдат не жалеть. Его армия увеличивалась с каждым днем.

2 апреля Тьер сам двинул свои войска в наступление. Скоро всем стало ясно, что Коммуна проигрывает одно сражение за другим.

Члены Интернационала собирали митинги в защиту Коммуны во многих городах Европы. Пролетарский депутат Бебель защищал восставших даже на заседании германского рейхстага.

21 мая версальцы ворвались в Париж. Неделю длились жестокие уличные бои. На улицах лежали убитые рабочие. Армия действовала как огромный карательный отряд. На одном лишь кладбище Пер-Лашез были расстреляны тысяча шестьсот человек.

28 мая на баррикадах погибли последние отряды коммунаров.

Сразу после поражения Маркс написал воззвание «Гражданская война во Франции». 30 мая он зачитал его на заседании Интернационала. Генеральный Совет принял воззвание единогласно. Было решено немедленно отпечатать его большим тиражом на многих языках.

Энгельс лично занялся этим: договаривался с переводчиками, контролировал набор текста в типографии. Скоро воззвание пришло в каждую секцию Интернационала.

Годы 1880—1883

Середина девятнадцатого века была отмечена неслыханным развитием науки. Никогда прежде не появлялось сразу столько великих физиков, химиков, математи-

ков, естествоиспытателей. Мир удивлялся новым открытиями.

Попытки проанализировать эту массу открытий, объединить беспорядочные знания в единую систему вносили в науку еще больше путаницы.

Подобную попытку предпринял и приват-доцент Берлинского университета Дюринг. Противник его идей Вильгельм Либкнехт просил Маркса и Энгельса критически разобрать работу Дюринга, внести, наконец, теоретическую ясность.

Естественные науки всегда увлекали Энгельса. Он один из первых в Англии читал работы Дарвина, дружил с известными учеными...

— Спасибо путанику Дюрингу. Давно пора с точки зрения диалектического материализма рассмотреть различные области естествознания, — сказал он Марксу.

В германской социал-демократической газете «Вперед» Энгельс напечатал серию статей под названием «Переворот в науке, произведенный Евгением Дюрингом».

Через год эти статьи вышли отдельной книгой «Анти-Дюринг». Маркс написал для нее главу о политической экономии.

К «Анти-Дюрингу» примыкала другая работа Энгельса «Диалектика природы». При жизни ее издать не удалось.

С годами смерть неумолимо лишала его друзей и близких. Каждую утрату Энгельс переживал с болью.

Великан Шаппер, Вильгельм Вольф, Георг Веерт...

Веерт так и не издал свои стихи отдельной книгой. Многие из них в единственном экземпляре хранились у Энгельса. Теперь, после смерти друга, он подготовил сборник к изданию.

Умерла Мери. Казалось, в тот день померк свет...

А теперь Энгельс похоронил Лиззи.

В 1880 году заболела жена Маркса. Все знали, что надежды нет. Она слабела с каждым днем, но находила в себе силы шутить, подбадривая близких.

Последние слова Женни были обращены к самому дорогому для нее человеку:

— Карл, силы мои сломлены.

Из письма Элеоноры Маркс Вильгельму Либкнехту

«...2 декабря умерла мамочка... Когда приехал наш дорогой Генерал, он сказал, — и это меня тогда почти ожесточило против него:

— Мавр тоже умер.

Это действительно так и было.

С жизнью мамочки ушла и жизнь Мавра. Он упорно боролся со своими недугами — он ведь до конца был борцом, но он был сломлен. Общее состояние его здоровья все ухудшалось. Будь он эгоистичнее, он просто махнул бы на все рукой. Но для него существовало нечто, что было выше всего, — это была его преданность делу. Он пытался завершить свой великий труд.

...Но вот обрушился последний страшный удар: известие о смерти Женни (Лонге). Женни, старшая и самая любимая дочь Мавра, умерла внезапно (11 января)... Я тотчас же выехала в Вентнор. Мне приходилось в жизни переживать немало горьких минут, но никогда мне не было так тяжело, как тогда. Я чувствовала, что везу моему отцу смертный приговор».

Энгельс — Шарлю Лонге

в Аржантей (телеграмма) — Лондон. 14 марта 1883 г.

«Маркс скоростижно скончался сегодня в три часа дня; ждите письма.

Энгельс».

Энгельс — Фридриху Адольфу Зорге

в Хобонен — 15 марта 1883 г., 11 час. 45 мин. вечера
«...Человечество стало ниже на одну голову, и при-
том на самую значительную из всех, которыми оно в на-
ше время обладало. Движение пролетариата идет даль-
ше своим путем, но нет того центрального пункта, куда,
естественно, обращались в решающие моменты францу-
зы, русские, американцы, немцы и каждый раз получа-
ли ясный, неопровержимый совет, который мог быть дан
только гением во всеоружии знания...

Твой Ф. Энгельс».

Энгельс — Иоганну Филиппу Беккеру

в Женеву

Лондон, 15 марта 1883 г.

«...Старый дружище! Теперь мы с тобой, пожалуй,
последние из старой гвардии времен до 1848 года. Ну,
что ж, мы останемся на посту. Пули свистят, падают
друзья, но нам обоим это не в диковинку. И если кого-
нибудь из нас и сразит пуля — пусть так, лишь бы она
как следует засела, чтобы не корчиться слишком долго.

Твой старый боевой товарищ

Ф. Энгельс».

Энгельс — Петру Лавровичу Лаврову

в Париж

Лондон, 24 марта 1883 г.

«Дорогой Лавров!

Я получил длинную телеграмму из Москвы, в кото-
рой меня просят возложить венок на могилу Маркса
от имени студентов Петровской земледельческой ака-
демии...

Я бы хотел сообщить этим славным ребятам, что по-
лучил их телеграмму и выполнил возложенное на меня
поручение...

Преданный вам Ф. Энгельс».

—◆—

...Гроб с телом Маркса опустили в ту же могилу на Хайгетском кладбище, в которой 15 месяцев назад похоронили Женни.

В день смерти Маркса российскую границу пересек сбежавший из царской ссылки Герман Лопатин. Он радовался весеннему солнцу и был уверен, что через несколько дней в Лондоне обнимет Маркса, которого любил как друга, уважал как учителя, почитал как отца.

Г. А. Лопатин — Энгельсу

в Лондон

Париж, 28 марта 1883 г.

«Дорогой Энгельс!

Надо ли говорить Вам, как тяжело мне было узнать о смерти Маркса? Надо ли говорить Вам, как искренне и глубоко я сочувствую Вашему собственному горю?..

Я слышал от Лаврова о Вашем последнем письме к нему и постараюсь узнать через одного из московских студентов фамилии лиц, пославших эту телеграмму.

Вместе со всем научным и социалистическим миром я с нетерпением жду первого просмотра бумаг Маркса.

Примите еще раз выражение моего глубочайшего сочувствия и верьте неизменной и искренней преданности
Вашего Г. Лопатина».

НАЕДИНЕ С ЧЕЛОВЕЧЕСТВОМ

У нас есть уверенность в том, что материя во всех своих превращениях остается вечно одной и той же... поэтому с той же самой железной необходимостью, с какой она когда-нибудь истребит на Земле свой высший цвет — мыслящий дух, она должна будет его снова породить где-нибудь в другом месте и в другое время.

Ф. Энгельс. Диалектика природы

Прошло немного времени после похорон Маркса, и Энгельс прочитал в газетах статьи о том, что Маркс и не собирався писать продолжения «Капитала», разговоры же о новых томах — обыкновенное надувательство.

В том, что продолжение существует, Энгельс был уверен. Борясь с болезнями, Маркс работал до последнего часа.

Несколько лет назад, когда были живы и Женни, и старшая дочь, Маркс показал на кипы исписанных листов и полушутя проговорил:

— Если я умру раньше, Энгельс сделает со всем этим что-нибудь стоящее.

Слова эти оказались пророческими.

Ф. Энгельс. Из письма И. Беккеру

«Прежде всего необходимо издать второй том «Капитала», а это не шутка. Рукопись второй книги существует в 4 или 5 редакциях, из которых только первая закончена, а позднейшие только начаты. Понадобится немало труда, так как у такого человека, как Маркс,

каждое слово на вес золота. Но мне этот труд приятен — ведь я снова вместе со своим старым другом.

В последние дни я разбирал письма...

Перед моими глазами еще раз воочию прошло старое время и те многочисленные веселые минуты, которые доставляли нам наши противники. Я часто до слез смеялся над этими старыми историями. Юмора наши враги никогда не могли у нас отнять...

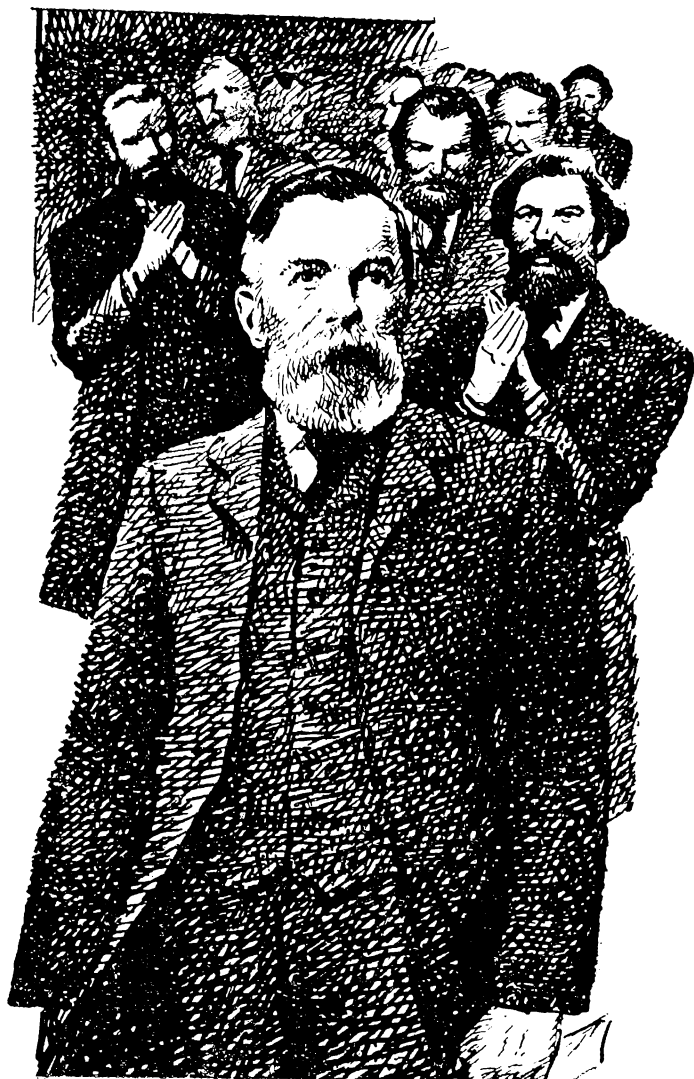
Он всегда знал, как глубоко проникал Маркс в исследуемый материал. Но теперь, перечитывая исчерканные и переписанные заново рукописи, Энгельс до конца понял, какую гигантскую, нечеловеческую работу проделал Маркс... Надо было внимательно изучить все варианты, сопоставить их и, не утратив ни одной мысли Маркса, выработать вариант единственно возможный. Прочитать эти тысячи страниц, написанные торопливым, неразборчивым почерком, мог теперь лишь один Энгельс.

На письменном столе Энгельса лежали без движения начатые им научные работы: «История Германии», «Диалектика природы». Энгельс убрал их в шкаф. Ведь на их завершение ушло бы года три жизни.

Старая Ленхен перешла в дом Энгельса и стала вести его хозяйство. В свой рабочий кабинет Энгельс перенес архив Маркса, его кресло. Оно хранилось здесь как реликвия.

Энгельс начал готовить третье издание первого тома «Капитала» и одновременно сообщил в газетах, что второй том скоро выйдет тоже.

Второй том «Капитала» был готов к изданию через два года. В предисловии к нему Энгельс написал, что «ограничился по возможности буквальным воспроизведением рукописей, изменяя в стиле лишь то, что изменил бы сам Маркс». Это было не совсем так. Одно только предисловие было ценным научным произведением.

Энгельс всегда говорил о превосходстве гения Маркса. И все-таки он был равноправным его соратником.

«Теперь Энгельс дирижирует оркестром, и он так же скромн, непритязателен и прост, как если бы, по его выражению, он «играл вторую скрипку», — говорила дочь Маркса Элеонора. Ведь Энгельс стоял во главе всего международного рабочего движения.

После выхода второго тома он сразу взялся за подготовку третьего.

«Не только я благодарю тебя за проделанную тобой работу, все наши социалисты, социалисты всех стран должны наградить тебя величайшей признательностью», — писала ему Лаура Лафарг.

Лаура Лафарг вместе с мужем работала во французской секции Интернационала. После поражения Коммуны они едва спаслись от расправы версальских палачей.

Лаура и Поль Лафарг перевели на французский «Манифест Коммунистической партии», многие работы Маркса и Энгельса. А на английский — современных французских поэтов. Благодаря Лафаргам в Англии узнавали Беранже, Бодлера...

Часто, особенно по вечерам, у Энгельса болели глаза.

К концу 1894 года, через десять лет после начала работы, третий том «Капитала» был тоже готов.

«Я не знаю, как благодарить тебя. Просто голова кружится, когда думаешь о той огромной работе, которую тебе пришлось проделать по обработке и завершению книги... и самое ужасное, что никто не может даже помочь тебе в этом», — писала признательная Лаура Лафарг.

Маркс умер, так и не увидев опубликованным полностью главный труд своей жизни. Он удивлялся и радовался, когда узнал, что в России собираются издать первый том «Капитала». Как раз незадолго перед этим Маркс принялся изучать русский язык. В «Капитале» он цитировал даже Пушкина. Теперь работы Маркса и Энгельса читали уже во многих странах, и каждый сознательный рабочий знал их имена.

Уже к концу жизни Маркс стал изучать историю первобытной культуры. Энгельс тоже увлекался историей человечества с гимназических лет. Поэтому он решил, что обязан теперь написать книгу, о которой они с Марксом так много думали, — это было как бы исполнением еще одного завета друга.

Книга называлась «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Энгельс использовал в ней записи Маркса.

Прочитав эту книгу, человек сознавал, что прикоснулся к большому научному труду, который развивал марксистскую теорию государства и общества.

Перед своим семидесятилетием Энгельс решил объехать мир. Он пригласил с собой в путешествие Тусси и старого друга, известного химика Шорлеммера.

Они начали плавание с Америки, на большом океанском корабле «Берлин».

Энгельс легко ходил по палубе, а когда на его пути встречались пустые кресла, он, увлекшись разговором, попросту через них перепрыгивал.

— Он моложе нас всех! — говорила Тусси, с любовью наблюдая за Генералом.

Умерла Елена Демут, Ленхен — верный друг семьи Маркса. Проститься с нею пришли ветераны партии. Похоронили ее рядом с Женни и Карлом.

Оставаться на старости лет с незнакомыми людьми Энгельсу не хотелось, и, когда Луиза Каутская согласилась вести хозяйство, он обрадовался. Муж Луизы — молодой, энергичный врач Фрейбергер — сказал, что лечить Энгельса будет для него честью.

— Но не надейтесь, что получите работу у себя дома, — шутил Энгельс.

Втроем они подыскивали более просторный дом.

Каждый день почтальон приносил пачки писем со всех концов света. И доктора удивляло, что Энгельс читает их тут же, без переводчика. Французская «Юмани́те» как-то пошутила, что Энгельс может заикаться на двенадцати языках.

Главным смыслом деятельности Энгельса стало объединение рабочих партий всех стран.

В 1893 году в Швейцарии, в Цюрихе, собрался съезд II Интернационала. По предложению русской делегатки Кулешовой Энгельса избрали почетным председателем.

Он шел через зал — прямой, легкий, быстрый, несмотря на семьдесят три года, и делегаты стоя приветствовали его.

Потом, после конгресса, он выступал на торжественных митингах в Берлине, в Вене.

Ф. Энгельс. Из речи на социал-демократическом собрании в Вене

«...Нет такой страны, нет такого крупного государства, где бы социал-демократия не была силой, с которой всем приходится считаться. Все, что делается во всем мире, делается с оглядкой на нас. Мы — великая держава... от которой зависит больше, чем от других ве-

ликих держав. Мы прожили не напрасно и можем с гордостью и с удовлетворением оглянуться на свои дела».

На воскресенье 4 мая 1890 года в Лондоне была назначена майская демонстрация рабских. Из Парижа специально приехал Поль Лафарг.

В Гайд-парке, на платформе, которая называлась «Трибуна № 4», рядом с Энгельсом стояли молодой писатель, социалист Бернард Шоу и русский революционер, писатель Степняк-Кравчинский.

Георгий Валентинович Плеханов, глава русских марксистов, писал об этой демонстрации в журнале «Социал-демократ»:

«В воскресенье, 4 мая, в лондонском Гайд-парке произошла колоссальная демонстрация в пользу восьмичасового рабочего дня. Трудно сказать, как велико было число манифестантов. Одни оценивают его в 200 000, другие даже в полмиллиона. Но довольно того, что, по словам лондонского корреспондента «Журналь де Женев», в течение всего девятнадцатого века Англия, классическая страна колоссальных митингов, не видала ничего подобного».

Плеханов отправил из Швейцарии короткое письмо вождю немецких социалистов Вильгельму Либкнехту: «Рекомендую Вам одного из лучших русских друзей... Он расскажет Вам об одном очень важном для нас деле...»

То был молодой русский революционер Владимир Ульянов.

За последние полтора десятка лет группа русских революционеров «Освобождение труда» перевела многие работы Маркса и Энгельса. В России, соблюдая строгую конспирацию, читали эти книги в студенческих кружках. Рабочим они были почти неизвестны.

Владимир Ульянов договаривался в Швейцарии об издании специального журнала «Работник».

Переехав в Париж, Ульянов конспектировал книгу «Святое семейство», встречался с Лафаргом... Он мечтал поехать в Лондон, чтобы увидеться с Энгельсом. Однажды Лафарг встретил его горестным известием:

— Генерал страшно болен. Боюсь, что он умирает.

«Господи, я молил тебя о легкой жизни, а надо было молить о легкой смерти», — вспомнил он древнее изречение и усмехнулся. О легкой жизни молить ему было некогда. А легкой смерти желает для себя и для близких каждый.

Пока еще были силы, Энгельс решил уехать в Истборн, на любимый берег, где среди скал и песка над морскими волнами упруго раскачивались сосны.

«Уж не убегаю ли я от людей, чтобы умереть в одиночестве?» — подумал он.

Может быть, это было и так, а возможно, он просто ехал проститься с дорогим местом. Луиза Каутская и Фрейбергер боялись оставить его одного и поехали с ним вместе. Да он и не сопротивлялся теперь, понял, что одному быть невозможно.

Доктор Фрейбергер по-прежнему разговаривал увеличенно бодрым голосом, готовил лекарства. Энгельс глотал их, делая вид, что верит в чудодейственную лечебную силу тех лекарств.

Он взял с собой и работу — несколько монографий, присланных из Германии, Франции. Здесь были рукописи Лафарга, Бебеля. Их надо было внимательно изучить, написать авторам отзывы.

...Позже приехала Лаура. Они остались вдвоем и, как когда-то, в ее детстве, перешучивались, строили планы на будущее.

Неожиданно разговор их оборвался. Энгельс взгляделся

в лицо Лауры с застывшей, неестественной улыбкой и увидел, что по этому улыбающемуся лицу текут слезы.

— Не бойся, девочка, твой Генерал все знает и ждет будущего спокойно, — сказал он ей серьезно и тихо. — А знаешь, меня тут вчера спрашивали о божь, как я к нему отношусь. И мне вспомнилась пресмешная история, когда я только приехал в Манчестер. Я был в гостях, и меня спросили, какую церковь я посещаю по воскресеньям и какой проповедник мне больше нравится. Я им ответил, что в воскресенье предпочитаю прогулки по лугам. «К какой оригинальной религиозной секте вы принадлежите!» — удивились тогда хозяева. Эти буржуа и представить себе не могли, что можно жить, не нуждаясь в божь... И знаешь, еще лет десять назад меня уверяли: «Хоть вы и атеист, а почувствуете близость конца, призадумаетесь. Ведь каждый хочет надеяться, что там — что-то есть». Что могу сказать: похоже на то, что конец близок, но я и сейчас уверен, что все — только здесь, а там — ничего.

Лаура успокоилась, чуть было даже не заспорила с Энгельсом. Конечно, и она знает, что вера в бессмертие души — только хитрая уловка для самого себя. Но что в сегодняшней жизни людей можно ей противопоставить? И она даже знала, что Генерал ответил бы ей. Он бы наверняка сказал, что продолжение себя в будущих людях, в делах человечества — это гораздо надежнее наивного самообмана верующего.

К двадцатым числам июля у него пропал голос. Энгельс едва мог глотать жидкость. Опухоль перекрыла пищевод.

Ему принесли аспидную доску на подставке, грифель.

«А жаль, что мне не удастся съесть отбивную за компанию с вами, — написал он Фрейбергеру. — Поехали в Лондон».

Он едва мог двигаться, когда его перевозили назад, на Ридженс-парк-род.

Через несколько дней Элеонора Маркс-Эвелинг верну-

лась из Ноттингема, прокопченного рабочего города, в Лондон и сразу поднялась в кабинет Энгельса. Она уже знала, что Генерал не может разговаривать.

«Как хорошо, что я дождался тебя, Тусси! — написал он ей на грифельной доске. — Что-то ты похудела, девочка. Сильно устала? Удались ли твои выступления?»

Тусси стала рассказывать о ноттингемских встречах, об агитации за рабочую партию.

Энгельс писал вопрос за вопросом.

— Невозможно сказать, какие страшные боли он испытывает сейчас! — мучился от бессилия доктор Фрейбергер.

Энгельс продолжал смотреть на всех прозрачно-серыми глазами. Только были теперь они на исхудавшем лице огромными и пронзительными.

Сердце Фридриха Энгельса остановилось 5 августа 1895 года в половине одиннадцатого вечера.

Энгельс просил, чтобы похороны были скромными, а урну с прахом опустили в море — поблизости от любимого его места — Истборна.

В зале ожидания на вокзале Ватерлоо собрались лишь самые близкие.

Гроб был покрыт венками от рабочих организаций разных стран мира. Выступали Поль Лафарг, Август Бебель...

От имени российских социал-демократов возложила венок известная революционерка Вера Засулич.

27 августа Элеонора, старик Лесснер и еще несколько человек пришли на скалистый морской берег.

Впереди, метрах в двухстах, белел среди волн истборнский маяк.

Море было беспокойно, ветер на скалах гнул сосны. Люди молча сели в лодку, оттолкнулись от берега.

Скоро наступила последняя минута, минута прощания.

Тусси бережно опустила урну.

— Прощай, Генерал, — тихо прошептала она.

Волна приняла урну, и та медленно пошла в зеленую глубину. И теперь лишь море знало, где покоится прах великого человека...

7 сентября Владимир Ульянов возвращался в Россию.

В специальном чемодане с двойным дном ему удалось провезти немало нелегальных изданий.

Сразу после приезда он начал писать статью о Фридрихе Энгельсе. Этой статьей открылся первый номер «Работника» — журнала, об издании которого Ульянов договорился в Швейцарии с группой «Освобождение труда».

15 декабря в Петербурге, столице Российского государства, общегородская организация, которую возглавил Ульянов, стала называться «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Он положил начало работе по объединению социал-демократических кружков, чтобы приступить к массовой агитации рабочих.

В России все ярче разгорался факел, зажженный Марксом и Энгельсом, и на свет его собирались лучшие люди страны.

СОДЕРЖАНИЕ

Вушперталь	5
Бремен	31
Берлин	41
Англия	55
Начало великой дружбы	65
Союз коммунистов	87
Весна молодая	95
«Новая Рейнская»	111
Эмиграция	134
Рабство в конторе	140
Прощания	154
Наедине с человечеством	163

Воскобойников В. М.

В 76 Солдат революции. Фридрих Энгельс: Хроника жизни. — М.: Мол. гвардия, 1983. — 174 с., ил. — (Пионер — значит первый; Вып. 80).

40 коп. 100 000 экз.

Повесть-хроника посвящена одному из основоположников научного коммунизма, пламенному борцу за дело рабочего класса, ученому и революционеру Фридриху Энгельсу.

В 4803010102—319 КБ—83
078(02)—83

ББК 13.2
ЗК16

Для среднего школьного возраста

ИБ № 3311

Валерий Михайлович Воскобойников

СОЛДАТ РЕВОЛЮЦИИ

Редактор Людмила Лузянина

Художник Семен Трофимов

Художественный редактор Татьяна Погудина

Технический редактор Галина Варыханова

Корректоры Надежда Самойлова, Евгения Сахарова

Сдано в набор 15.07.83. Подписано в печать 30.11.83. А01
формат 70×108^{1/32}. Бумага типографская № 1. Гарни
«Обыкновенная, новая». Печать высокая. Усл печ. л.
Учетно-изд. л. 7,3. Тираж 100 000 экз. (1-й завод — 50 000)
Цена 40 коп. Заказ 1167.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издатель
ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и т
графии: 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

40 коп.

**В СЕРИИ «ПИОНЕР — ЗНАЧИТ ПЕРВЫЙ»
НЕДАВНО ВЫШЛИ КНИГИ:**

Г. Голубев
ВСКОЛЫХНУВШИЙ МИР (Дарвин)

Р. Штильмарк
ЗА МОСКВОЙ-РЕКОЙ (А. Н. Островский)

Е. Сапарина
ПОСЛЕДНЯЯ ТАЙНА ЖИЗНИ (Павлов)

Н. Матвеев
СОЛНЦЕ ПОД ЗЕМЛЕЙ (Стаханов и стахановцы)

Выпуск 80

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ